НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА
АФГАН
АРТЕМ
ШЕЙНИН
МНЕ ПОВЕЗЛО ВЕРНУТЬСЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Батальон ВДВ занял позиции на склонах афганских гор. Уже несколько суток мается от скуки десантура, ждет душманов. Время от времени в лощину за провиантом и водой спускаются наряды. Сержанту Артему Шейнину тоже пришлось сходить в такой продовольственный рейд. Ничего особенного: вниз — налегке, назад — с ношей; все спокойно, тихо-мирно. Но на следующее утро сержант узнал: на том же самом пути «духи» перемолотили целый взвод из соседней роты. И вот, собираясь в очередной поход за провиантом, Артем гонит от себя самые черные мысли. Что ждет его на этой «тропе смерти»?..

- Артем Шейнин
  - От автора
  - Афганистан как предчувствие
  - Дед
  - Минжин
  - Доктор
  - Военком
  - Дядя Толя
  - Рома
  - Термез
  - Прыжки
  - Вася-«афганец»
  - Проводы
  - Туда!
  - Фергана
  - «Гуляка»
  - «Я иду тебе навстречу»
  - Недоброе прощание
  - Отлет
  - Там
  - Гардез
  - Чужая боль
  - Танцор диско
  - Неизвестный солдат
  - Свечи
  - Гришин
  - Замполит
  - Валера
  - Крепость
  - Хлеб наш насущный

- Голод не тетка
- Зона
- Ночь
- «Жизнь продолжается»
- «Калимба»
- «Строевая»
- Золотая осень
- Комарово
- День рождения
- Бой, которого не было
- Корка
- «Молодой»
- Лейтенант
- «Завтра» не наступит никогда
- Недоброе прощание
- Вместо послесловия

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

Артем Шейнин
МНЕ ПОВЕЗЛО ВЕРНУТЬСЯ

От автора

— Что это за страна? — воскликнул тогда удивленный Главный Буржуин. — Что же это такая за непонятная страна, в которой даже такие малыши знают Военную Тайну и так крепко держат свое твердое слово…

И в страхе бежал разбитый Главный Буржуин, громко проклиная эту страну с ее удивительным народом, с ее непобедимой армией и с ее неразгаданной Военной Тайной.

А. Гайдар «Мальчиш-Кибальчиш»

«Главный Буржуин» еще многого не знал, а то восклицал бы куда громче и с куда большим удивлением и про «эту страну», и про «мальчишей». Он представить себе не мог, что может творить и творит эта удивительная страна со своими верными «мальчишами». И уж совсем не понять ему того, что, даже несмотря на это, остаются эти «мальчиши» такими же преданными и верными, готовыми для нее на все…

«Мальчиш», воспитанный в этой стране с ее системой во всей «красе» и «величии», я с детства спал и видел, как бы это мне так подвернулась возможность проявить свой «мальчишизм» на благо любимой страны… Так что я не только не боялся, я хотел в армию. Более того, я не просто хотел в армию, а мечтал о тех войсках, где уж точно всегда «есть место подвигу», — о ВДВ. А узнав, что есть возможность попасть на войну, я места себе не находил от мысли, что могу туда НЕ попасть. Именно в силу своей готовности и желания служить я оказался менее готов к той части «тягот и лишений воинской службы», которые были проявлением этой необъяснимой, темной, запредельной, алогичной и нерациональной, в плохом смысле парадоксальной стороны нашей любимой Родины. И армии как неотъемлемой ее части. И если ко всем этим «прелестям» в армии как таковой я был еще хоть как-то готов, то просто трагически оказался не готов к тому, что все это будет присутствовать и на войне. И не просто присутствовать, а расцветать буйным цветом. Будучи особо заметным на фоне не придуманного пропагандистами и

режиссерами, а вполне реального величия духа, армейской мужской дружбы, боевого братства…

Наверное, именно в силу этой своей «неготовности», попав в Афган, на войну, я с самого начала задавался множеством вопросов. И мучился, не находя на них ответов. Точнее, с самого начала-то я просто мучился, даже не понимая толком отчего, и сформулировать это я был тогда не в состоянии.

Так что ВОПРОСЫ я сформулировал только теперь. Тогда они просто не приходили мне на ум. Так что все эти «почему» и «как же так» — это мои сегодняшние вопросы, заданные мною тогдашним. Они сидели во мне все эти годы. Я должен был ответить на них тому наивному 18-летнему мальчику, но — наверное, еще лет 20 после той моей войны — был к этому не готов. Потому что даже сейчас многие из этих вопросов и ответы на них произносить больно и обидно…

Больно и обидно, прежде всего, потому, что по большому счету мало что изменилось с тех пор. Любимая Родина неизменно, несмотря ни на что, рождает и рождает, воспитывает и воспитывает преданных и верных «мальчишей». И с неизменным постоянством продолжает их ломать, корежить, подставлять, бросать и забывать… А они — поколение за поколением — по-прежнему продолжают любить ее, бесстрашно бросаются за нее в бой и, не задумываясь, отдают за нее жизнь. Будто бы не знают и не видят, как получилось с другими «мальчишами», до них…

Не прошло и 10 лет после нашего Афгана, как очередная порция «мальчишей» оказалась в Чечне… Уж, казалось бы, ладно мы — дети конца 70-х — начала 80-х, выросшие за железным занавесом и на игле гениальной советской пропаганды. Но уж у парней, взрослевших в конце 80-х — начале 90-х какие могли остаться иллюзии? Их-то что сделало «мальчишами»? И уж в мясорубку-то их кидали почище нашего, и предавали-подставляли, как нам и не снилось… Ан нет — все то же самое. «Когда страна прикажет быть героем…» И ведь мало того — спустя еще пять лет уже новые «мальчиши», уже знавшие ВСЕ без прикрас о судьбе «первых» чеченцев, все так же взмахнули сабельками и рванули на очередных «злобных буржуинов», на которых указала «любимая Родина»…

Может, именно поэтому и вправду победить нас никому не дано? Может, именно ЭТО и делает нашу страну такой? Может, поэтому ничего и никогда здесь не изменится? А может, и не надо? А если надо, то как?

Собственно, моя книга во многом и появилась как попытка (порой мучительная) понять, что это было и почему ТАК бывает… Именно поэтому, формулируя в этой книге вопросы от лица себя

тогдашнего, описывая свою жизнь, переживания, иллюзии и расставания с ними, я, как мне кажется, пытаюсь понять мою страну и эту часть ее социальной культуры и ее менталитета. Поэтому эти рассказы не про войну как таковую. Они скорее про то, что происходило в душе и в мозгах 18-летнего мальчика, романтика, оказавшегося на войне. Как война, на которую он мечтал попасть, оказалась совсем не тем, о чем он мечтал…

Уже сотни и сотни лет одно и то же происходит с мальчиками, мечтающими о войнах, высоких подвигах и светлых идеалах. Но ведь правда и то, что все эти сотни лет, попадая на войну и расставаясь со своими иллюзиями, эти мальчики понимают что-то новое и про жизнь, и про свое место в ней. Что-то такое, чего они, пожалуй, не узнали и не поняли бы, проживи свою жизнь по-другому…

Тем, кто любит «про войнушку», не стоит, наверное, читать эти рассказы. Она там, конечно, есть, но без описаний батальных сцен, взрывов, летящих пуль, обстрелов, рукопашных. Я бы никогда не стал писать книгу о войне только ради этого. Я преклоняюсь перед теми, кто может «вкусно» описывать войну, особенно ТАКУЮ войну. Мне не по силам даже найти слова для описания звука, что издает пуля, врезаясь в песок или камень около твоей головы. Я не забуду этот звук никогда, но максимум, на что я способен, — попытаться передать свои ощущения в этот момент и после… а что еще я знаю наверняка, кроме этого? Кто и зачем выпустил эту пулю? Много ли я понимаю о том, зачем и почему в это время и в этом месте оказались я и тот, кто в меня стрелял? Ничего…

У каждого война своя. Один и тот же бой абсолютно по-разному воспринимается молодым «шнуром», спрятавшим голову за камень и «поливающим» в белый свет как в копеечку, выставив наружу только автомат, — и опытным «дембелем», деловито «выцепляющим» среди дувалов башки бородатых мужиков в чалмах. Совершенно по-разному видят его юный 22-летний «летюха»-взводный, пробывший на войне меньше, чем его подчиненные, — и «зрелый» 25-летний «старлей»-ротный, который уже знает, что такое писать похоронки матерям… Совершенно по-разному вспомнят одну и ту же операцию комбат, до хрипоты сорвавший на жаре голос, командуя своими вымотанными от ночного марша по горам ротами, прилипшими под огнем «духов» к каменистым склонам, — и холеный генерал, размашисто рисующий на карте стрелки в тени маскировочной сетки, попивая ледяной лимонад…

Для меня война — это то, что происходит в наших мозгах и душах. Именно про эту «свою» войну я и написал. И все

«внешние» события происходят в моих описаниях лишь постольку, поскольку они стали частью моего внутреннего мира, повлияли на меня сегодняшнего, задающего вопросы и ищущего на них ответы. Именно поэтому я не придерживался какой-то особой «сюжетной линии», в некоторых рассказах «возвращаясь» к себе сегодняшнему. Хотя хронология событий в книге все же соблюдена.

Для меня главное — война внутри. Война как сотни тысяч, миллионы отдельных маленьких войн, идущих в душах и головах каждого воюющего, будь он самым отчаянным и безбашенным «рубакой» или тихим и незаметным «середняком». И при этом, по большому, жизненному счету, не так уж важно, кто как именно воевал: будучи прекрасным воином, можно в итоге проиграть «свою» войну. Ту самую, которая «внутри» тебя…

А еще одна задача, может быть самая непростая, — вернуться с войны…

Афганистан как предчувствие (апрель 1984 года, Москва)

— Ну-ну, попутного ветра, Лопух. Стране нужны герои!

Капа, мой одноклассник, иронично глядит на меня из-под копны волос цвета спелой пшеницы. Лопух — это я, такое прозвище у меня среди одноклассников. Как оно возникло, объяснять долго, да и бессмысленно. Ведь Лопухом мне осталось быть всего два дня. Сегодня суббота, 21 апреля. А в понедельник мне в армию.

Я ухожу первым из класса. Капа — вторым. У него уже на руках повестка на 30-е. Поэтому разговор, естественно, про армию и про то, куда пошлют. Я мечтаю, чтобы послали в ВДВ и в Афганистан. А Капа, как обычно, прикалывается над моим беспросветным романтизмом.

— Лопух, уже дети должны в яйцах пищать, а у тебя все «Пионерская зорька» в заднице играет! На хрен тебе это все нужно?!

Подобные «диалоги» в последнее время возникают у меня со многими ровесниками. Да и вообще с окружающими «нормальными людьми». Точно так же они недоумевали в феврале. От военкомата меня отправили на 10 дней на прыжки с парашютом. Прыгнув три раза на аэродроме ДОСААФ в Волосове, я вернулся вне себя от счастья, считая, что это уже вполне гарантирует мне попадание в ВДВ.

— На хрена тебе ВДВ? Ты и так больной на всю голову со своим Афганом! Мать бы пожалел…

Кто-то говорит это открыто. Та же Женька, которую я считаю своей девушкой, в отличие от нее самой. Для нее я просто друг. С которым — так вышло — она живет в одной комнате со всеми вытекающими, но это еще ничего не значит. Во всяком случае, не для нее.

Кто-то выражается не так прямо, но и не спешит разделить мой восторг и мое рвение. Подозреваю, что до поры многие воспринимали это как некую мальчишескую браваду. Про Афган мы все знали немного. Но достаточно, чтобы понимать: «интернациональный долг» заключается совсем не в строительстве школ и посадке деревьев, как пишут газеты в нечастых статьях про Афганистан. И совсем не с радостными благодарными школьниками и крестьянами приходится там иметь дело нашим солдатам, которых мы видим в еще более редких репортажах по телевизору.

Но теперь Капа понимает, что дело не в браваде. Завтра мои проводы. И я с большой вероятностью попаду-таки в десантуру. А вот с ДРА[1] у меня проблема. Собственно, о ней мы и говорим. Проблема в том, что отца у меня нет, и у матери я один. И поэтому я переживаю, что на войну меня могут не взять. И поэтому же Капа недоумевает, почему я так туда рвусь. Не знаю, как ему объяснить; я почему-то просто уверен, что это — мое.

Предчувствие, предчувствие…

Дед

Когда Афганистан появился в моей жизни, знаю с точностью до дня. То есть до этого тоже знал, что есть такая страна, но частью МОЕЙ жизни он стал только в этот день, хотя тогда я еще не мог этого понять. Вечером 5 декабря 1979 года мой дед, как обычно, крутил ручку настройки своего транзистора «ВЭФ-202». Как обычно, сражался с «глушилками», забивавшими «вражьи голоса». И вот в какой-то момент он их обхитрил. И сквозь завывание и хрип стал слышен говоривший с легким акцентом голос.

Дед в совершенстве владел немецким, неплохо понимал по-английски. Это позволяло ему слушать «вражьи голоса» на их родных языках. Но иногда, то ли для сравнения, то ли из азарта, он слушал их — точнее, пытался слушать — по-русски. Получалось не всегда. «Глушилки» свое дело знали. Правда, в этих случаях он все равно всегда выгонял меня из комнаты. В конце 70-х это вряд ли могло чем-то серьезным угрожать и мне и ему. Но инстинкты того поколения вырабатывались в конце 30-х. Когда за такое «любопытство» можно было уехать очень далеко и надолго. И без гарантии вернуться. Так что даже теперь, в «эпоху расцвета социалистической демократии», дед страховался и берег меня. А я обижался. Мне было почти 14. Моей любимой книгой была пятитомная «История дипломатии». Я читал «международные» полосы газет и регулярно смотрел «Международную панораму». Был политинформатором класса. В отличие от своих одноклассников, которым мало что говорила даже фамилия Сталин, два-три раза упоминавшаяся в наших учебниках истории, я знал, кто такие Троцкий, Бухарин и Берия. Знал от деда.

В 20-х он окончил факультет Международных отношений МГУ и успел даже поработать с Чичериным. В МИДе работал до 1937-го. Работал на Западе, в Германии, в Италии. Потом на много лет стал невыездным, а после войны и подавно «уехал» на много лет далеко на восток. И совсем не дипломатом. Лесорубом…

Дед воспитал меня вместо отца. Интерес к политике я перенял от него. Тем обиднее было, когда он не давал мне слушать «голоса». Но в этот день все совпало — дед слушал их по-русски, глушилки «недоглядели», я оказался рядом, а он меня не прогнал. И я услышал, как слишком старательно выговаривающий русские слова голос поведал об имеющихся веских основаниях ожидать в ближайшем будущем вторжения

советских войск в Афганистан. Слова «вторжение» и «советские войска» рядом воспринимались как-то странно. Ведь мы никогда никуда не вторгались — всегда всех только освобождали и защищали. А вторгались империалисты и их пособники. Чтобы порабощать и угнетать.

Я смотрел на деда с удивлением и недоумением. Но он словно не замечал меня. А может быть, правда — не замечал… Дед грустно и задумчиво покачал головой и долго еще сидел потом молча, обхватив ее руками. Он часто так сидел… Дед вообще был немногословен и задумчив — четыре года войны и потом семь лет лагерей по 58-й статье не располагали, видимо, к разговорчивости. Я тогда этого не понимал, но инстинктивно в такие моменты к нему не лез.

На мой безмолвный вопрос он в тот день так ничего и не ответил. Он вообще на него мне так никогда ничего и не ответил. Потому что через два дня, 8 декабря, дед умер…

Я так и не узнал, что думал главный тогда в моей жизни человек про Афганистан и наше туда возможное вхождение. Так и не понял, почему он так грустно качал головой… Ведь не мог же он тогда знать, что… Или мог? Не знаю… Может, встретимся когда-то — расспрошу, о чем он думал 5 декабря 79-го.

Но именно в тот день Афганистан вошел в мою жизнь. Как оказалось — навсегда. Я впервые прикоснулся к тому, что станет главным пунктом моей биографии, во многом «сделает», сформирует меня сегодняшнего. И почти одновременно из моей жизни ушел дед, который «делал» меня первые 13 лет. Наверное, вдвоем им не было места в моей судьбе. Проживи дед еще года три, и я вряд ли рвался бы в Афган. Я бы о другом мечтал, другим восторгался, по-другому учился… Но, видно, мне именно это было «написано». И потому-то, наверное, одновременно с появлением афганской темы закончилось и мое воспитание дома. Мама много работала, чтобы прокормить нас двоих, да и сам я скоро начал потихоньку зарабатывать и уже не особо к ней прислушивался. Любил, уважал, но делал больше по-своему.

То, чем 13 лет занимался дед, продолжили школа, улица, работа. И «советская пропаганда». Точнее, то, что сейчас принято так называть, часто с негативным оттенком. Хотя теперь-то я понимаю, что многим из нас удалось пройти то, что нам выпало, именно благодаря стержню, который дала эта самая «пропаганда». Мы искренне гордились своей Родиной, искренне считали, что СССР — самая лучшая страна в мире. Искренне любили ее и сочувствовали тем, кого угораздило родиться в какой-нибудь Америке.

Нам многим можно было гордиться. И среди этого многого

непостижимой громадой возвышалась ПОБЕДА. Воевавшие были еще нестарыми людьми. Их было много, и от этого ощущение, что это победили ВСЕ МЫ, было вполне реальным. А фильмы про войну рождали эффект соучастия и присутствия. Я любил их и смотрел все по много раз. Дед еще был жив, когда вышел совместный советско-американский 20-серийный документальный фильм «Великая Отечественная». В американском варианте — «Неизвестная война». Каждую неделю мы с дедом шли в «Октябрь» смотреть очередные две серии. Плохо помню содержание отдельных серий, но навсегда запомнил, как смотрел эту черно-белую хронику дед. Я никак не мог понять, почему иногда у него начинали дрожать губы и подбородок, а по морщинистой щеке сбегала слезинка. Почему он плачет? Ведь мы же победили! Мы же выиграли войну! Я не спрашивал — понимал, что должна быть серьезная причина, чтобы заплакал этот обычно невозмутимый, много повидавший человек.

Он не много успел рассказать мне про войну — я был слишком мал. Но благодаря ему она стала для меня гораздо большим, чем просто история. Это было что-то личное, но я не знал что. А потом понял.

Как-то в очередной раз смотрел «Белорусский вокзал», где в финале идут кадры хроники — на Белорусском вокзале встречают фронтовиков. Я всегда любил этот момент: благодаря песне в исполнении Нины Ургант с экрана передавалось это невероятное ликование победителей. *«Одна на всех, мы за ценой не постоим…»*

И вдруг я поймал себя на мысли, что ЗАВИДУЮ им. Этим усатым дядькам, которые подбрасывают в воздух детей и смачно целуют подбегающих женщин. Завидую тому, что мне НИКОГДА не суждено вот так возвратиться с войны. Никогда не пережить самому ЭТО ликование… Может быть, еще и поэтому так запомнилась мне услышанная в начале декабря 79-го фраза про возможный ввод советских войск в Афганистан. От нее веяло войной. Войной, на которую я «успевал».

Минжин

Впрочем, поначалу я воспринял непонятную реакцию деда скорее как сомнение, что то, о чем сказали «голоса», вообще возможно.

В конце декабря — числа 28-го, наверное, — мы с друзьями были в гостях у одноклассницы, дочки монгольского дипломата. Посольство Монголии было недалеко от нашей школы, и дети многих дипломатов учились в ней. Хотя школа была даже не «спец», а вполне обычная, «рабоче-крестьянская», как мы шутили.

Звали девочку Минжин, и был я в нее по-мальчишески влюблен. А как обратить на себя ее внимание, не знал. И вот мы что-то там веселимся, «Boney M» какой-то играет, танцы-шманцы… И вдруг входит Минжин и говорит, что в Афганистан вошли советские войска. Так и сказала: «вошли»…

Все слегка остолбенели от такой новости. И тут я решил, что мой час настал, и очень «авторитетно» заявил, что это все фигня и что об этом я еще раньше слышал по «западному радио». И что это, мол, они все нагнетают, гады. Однако ожидаемого эффекта мое выступление не произвело, поскольку Минжин спокойно возразила, что узнала об этом не из «голосов», а от папы.

Авторитет папы-дипломата явно перевешивал мой авторитет политинформатора класса. И мне ничего не оставалось, кроме как пробурчать что-то вроде «все равно, фигня это все»…

Но когда после зимних каникул мы вышли учиться, темой первой же моей политинформации уже был как раз «Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан для оказания братской помощи дружественному афганскому народу в отражении возможной империалистической агрессии».

«Моя война» становилась все более реальной…

В течение следующих двух лет вести из Афганистана приходили редко, и все больше в виде статей про то, как воины-интернационалисты строят школы. К статьям прилагались фотографии наших радостных солдат и не менее радостных афганцев, и при виде этих взаимных улыбок в реальность «империалистической агрессии» как-то не верилось. Тем не менее, войска из Афганистана почему-то не уходили. И чем больше они строили в Афганистане школ и сажали деревьев, тем меньше верилось, что занимаются они именно этим. Кого как, а меня эти сомнения только радовали…

После смерти деда «голоса» я не слушал. Сначала как-то не решался притронуться к его транзистору. Потом никак не мог справиться с настройкой, а вскоре старый «ВЭФ» совсем умолк.

Так умирает старый верный пес вслед за хозяином. Источников «альтернативной» информации у меня не стало, а покупать новый приемник было не на что. Да и магнитофон стал для меня куда более насущной «мечтой». Так что происходящее в Афганистане на самом деле оставалось непонятным. Но поползшие со временем разговоры про «цинковые гробы из Афгана» эту «непонятку» раскрывали вполне определенным образом.

В январе 82-го я отмечал 16-летие. В гости пришла Минжин, которая к тому времени уже училась в спецшколе. Так что виделись мы редко, но отношения теплые сохранили. Хотя и чисто дружеские по-прежнему. И вот, по-дружески подтрунивая надо мной, она вспомнила, как два года назад мы поспорили из-за Афганистана:

— А теперь там уже два года идет настоящая война.

Так и сказала — «война». Может быть, что-то стерлось из памяти, но я не помню, чтобы до этого кто-то произносил вслух это слово, говоря про Афганистан.

Многие догадывались, что там происходит и откуда берутся цинковые гробы. Но для нас, родившихся и выросших в СССР, со словом ВОЙНА были связаны слишком определенные ассоциации. Во всяком случае, когда речь шла о нашей стране.

А Минжин родилась в Монголии, где не было Великой Отечественной. А лет до девяти росла в Нью-Йорке, где знали только про Вторую мировую. Которую при этом еще они, американцы, в основном и выиграли. И теперь, живя в Москве, она со всей непосредственностью назвала вещи своими именами. Более того, видимо, «своими именами» у них дома называли многое. Иначе чем еще объяснить следующее выданное ею «откровение»:

— Эти дураки непонятно зачем посылают на смерть молодых солдат.

Под «этими дураками», видимо, подразумевалось наше руководство. Но даже не эти слова поразили нас с ребятами больше всего. Хотя и очень уж непривычно звучали они, сказанные вслух. Почему-то произнесенные тоненьким, нежным голоском Минжин слова про два года войны, на которой убивают НАШИХ молодых солдат, произвели на меня куда большее впечатление, чем все «шепоты» про «цинки» до того.

Пожалуй, именно в тот день идущая в Афганистане война и предстоящая мне служба в армии плотно совместились в моей голове. До армии оставалось два с небольшим года. Я не питал иллюзий по поводу поступления в те институты, которые были мне интересны, — ИСАА МГУ, МГИМО. Туда нужно было сдавать английский, который я знал вполне прилично для

общеобразовательной школы, но совершенно недостаточно для «серьезного» вуза. Денег на репетитора не было. Как не было и блата, без которого тоже вряд ли было реально поступить туда, куда мне было интересно. А поступать туда, куда было не интересно, как-то не хотелось. Да и не было это особо в духе того времени. Во всяком случае, как я его понимал. Как не было в духе времени рассматривать призыв в армию как конец света. Вопроса, в каких войсках служить, у меня не возникало уже очень давно.

Мне было семь лет, когда перед ноябрьскими праздниками у нас в доме появился первый телевизор. Маленький, черно-белый, но все равно — чудо. И среди первого, что я увидел благодаря этому чуду, был парад на Красной площади. Министр обороны объезжал коробки парадных расчетов разных родов войск. На его приветствие они отвечали дружным «Ура-а-а!».

И вот министр остановился перед строем парней в тельниках и беретах.

— Вот они, красавцы! — сказала бабушка.

— Здравствуйте, товарищи десантники! — гулко разнеслось в морозном воздухе приветствие министра обороны.

Так я узнал, как называются «красавцы».

Ура-а-а! — разнеслось над Красной площадью их ответное приветствие. Безусловно, самое дружное и бодрое. Я почти не помню бабушку — больше по ощущениям, чем по каким-то фразам. Но эти ее слова про «красавцев» врезались в память навсегда. Вот так, наверное, и складывается часто судьба. Наша и наших близких. Из таких вот сказанных невзначай слов.

Потом уже я узнаю, что береты у «красавцев» голубые, как и полоски на тельниках. Потом, когда став чуть старше, буду выбегать сразу после трансляции парада на Садовое кольцо, где шла выходящая из города техника. И с нетерпением ждать проезда кургузеньких бээмдэшек с гордо сидящими в них парнями в странных шлемах и с автоматами без прикладов.

Но начало всему этому положит одна бабушкина фраза в ноябре 1973 года. И именно эта фраза задолго до армии определит, где я хочу служить. Ну а к январю 1982-го уже выучен наизусть фильм «В зоне особого внимания». Уже не раз и не два отсмотрен «Ответный ход». Вопрос о том, какие войска лучшие, — не стоит. Вопрос только, как попасть туда…

Но только фраза, сказанная Минжин, связала в моем сознании мечты о ВДВ и осознание того, что это еще и самый верный путь на войну. Именно с этого времени все мысли о будущей службе в армии стали мыслями про ВДВ и Афганистан.

Кто-то скажет: «Романтичный идиот!» Не стану ни возражать, ни спорить. Отголоски пионерского бабушкиного детства и

комсомольской юности деда? Наверное.

Но про себя я знаю одно: в МОЕМ случае именно ЭТОТ «романтизм» и именно ТАКОЕ наследие помогли мне ВЫЖИТЬ и УСТОЯТЬ в той реальности, до которой в январе 82-го оставалось два с небольшим года.

Да и вообще, сколько бы мы ни стебались порой над «Пионерской зорькой», которую впихивали в наши головы в советское время, лично я уверен, что во многом благодаря ТОМУ воспитанию и в Афгане большинство не скуксилось. И даже на Чечню еще хватило «запала» — это ведь генералы некоторые там обделались, а солдатики да летюхи со старлеями сдюжили. Потому как успели еще пожить в то время, когда «Офицеры» и «В зоне особого внимания…» были культовыми фильмами, а слово «армия» не было страшилкой для малышей.

Ладно, завязываю с пафосом. Тем более, может, я и не прав. Продолжу о том, что знаю.

Доктор

Быстро пролетел девятый класс, вот уже и десятый скоро окончу. Я еще школьник, но 1983 год многое предрешит и в моей армейской судьбе. Армия уже «присматривалась» к нам, призывникам весны 1984 года.

Весной 83-го, перед очередной медкомиссией в военкомате, объявили: признанные 100 %-годными получат шанс выбирать войска, где служить. То есть выбрать «элитные» ВДВ, морскую пехоту, пограничные или флот. Проблем со здоровьем у меня не было, но проблема со 100 %-ным прохождением комиссии была. Одна. Но, учитывая мои мечты о ВДВ, довольно серьезная. Дело в том, что одним из этапов медкомиссии была проверка вестибулярного аппарата. Тебя усаживали на круглый вращающийся стульчик с высоким шестом за спинкой. Нужно было закрыть глаза, держаться руками за подлокотники, и тебя начинали быстро крутить вокруг своей оси, вращая стульчик этим самым шестом.

Потом по команде нужно открыть глаза… и земля уезжает… а ты пытаешься не скатиться с нее, удержаться на плоскости… голова при этом клонится резко в сторону, противоположную «убеганию» земли. И вот по тому, насколько твоя голова «уезжала», судили о состоянии твоего вестибулярного аппарата. А это, понятное дело, один из параметров готовности к прыжкам с парашютом.

Так вот, моя проблема состояла в том, что всякие качели-карусели я ненавидел с детства. Особенно карусели — мне сразу «плохело», кружилась голова, подташнивало и всякое такое. Но избегать такого рода развлечений проблема небольшая — я и избегал. Иногда приходилось, конечно, терпеть, когда уж совсем нельзя было «отмазаться», чтобы в грязь лицом перед ровесниками не упасть. Но тут-то не отмажешься. А на кону исполнение мечты. Короче, проблема серьезная. И подошел я к ее решению серьезно. Зная дату решающей медкомиссии, я тренировался по собственной методе. Заключалась она в том, что я учился фиксировать положение головы относительно плеч, стараясь абстрагироваться при этом от окружающего мира. С помощью этой уловки я рассчитывал ввести врачей в заблуждение.

И вот настал решающий день. В очередной раз мы, несколько десятков 17-летних пацанов, пробежались в трусах по кабинетам. В очередной раз развлекли друг друга многократно слышанными уже байками про молодую врачиху из военкомата.

Она, не глядя на призывника, спустившего по ее команде трусы, говорит, привычным движением ощупав его мошонку: «Давайте сюда!» И протягивает руку…

А он, не поняв, что ей нужна его медкарта, кладет ей в руку… ну, в общем, то, что как раз над мошонкой…

Не знаю, как и когда родились эти байки. Может, и повезло кому-то… В нашем же военкомате были исключительно старые очкастые тетки. Правда, одно сходство с байкой было — на нас они вообще не смотрели. Напишет что-то в карту, шлепнет печать и: «Следующий!» Конвейер…

Вот бы и везде так — но нет, в «том самом» кабинете врач как раз был до отвращения внимательным и разговорчивым:

— Ну, юноша, присаживайтесь. Как самочувствие?

— Нормальное.

— Как качку переносите? На самолете летали? Не тошнило?

— Нет, все нормально.

Это чистая правда. Другое дело, что летал я всего раз в жизни с мамой в Кишинев. Но ведь не укачало же. И не тошнило. И вообще понравилось… А про качели-карусели скромно умолчим… Тем более что и не спрашивает никто.

Он, очень по-деловому и привычно, пристегивает мои руки к подлокотникам кресла.

— Сейчас мы вас покрутим. Голову нужно опустить, прижать подбородок к груди, глаза закрыть. По моей команде голову поднимаем, глаза открываем… Это проверка вашего вестибулярного аппарата.

— Я знаю. Я в ВДВ хочу служить, так что в курсе…

— Ну, сейчас увидим, какой вы десантник.

Так, сосредоточились. Забыли свои ощущения от каруселей. Не волнуемся. Делов-то — несколько секунд…

Началось… Я состою только из плеч и головы… Голова перпендикулярно плечам… Как же я все это ненавижу. Как же противно сжимается где-то в животе и подкатывает к горлу. Так, спокойно, заканчивают крутить…

— Поднимаем голову! Открываем глаза!

Ох, куда же поехала земля!!! Стоп — плечи, голова, перпендикуляр, смотрим «в никуда».

Его голос словно сквозь вату в ушах звучит удивленно:

— Молодой человек! Вы меня слышите? Вы что так напряглись? Все нормально?

— Да…

Это мой голос, что ли, такой напряженный? Вроде бы у меня получилось. Или нет?

— Молодой человек, не надо так напрягать шею. Нам нужна

ваша естественная реакция. Давайте еще раз.

Что?! Еще раз? Блин, какой еще раз?! Я усидел — все! Хотя стоп — он же меня не поднял «пройтись». Смог бы я? По-моему, нет.

На вторую попытку меня не хватило. Как ни напрягал я шею и затылок — голова предательски «уехала» в сторону… «Пройтись» он даже не просит.

Все, провал… Блин, ну что ж так не везет, а? И что теперь?..

Он уже сел за стол, положил перед собой мою карту.

— Поднимайтесь, подойдите к столу.

Мне кажется, что в его голосе даже какая-то ирония.

— Вы сказали, что хотите в ВДВ. А уверены, что сможете?

Что? Я? Уверен? Да я не то что уверен, я железно уверен!

— Да, хочу! И уверен, что смогу.

Он на секунду задумался. О чем он там думал? Не знаю и никогда не узнаю. Ни фамилии его не знаю, ни лица не помню…

Но только уверен — ангелы моей судьбы, те, которые знают, что написано у каждого из нас в книге жизни, успели что-то нашептать ему в уши…

— Ну, смотрите… Следующий!

И он отдал мне в руки карту, где в очередной графе было написано такое простое и такое важное для меня сейчас слово: «Годен». Годен! Я годен к службе в ВДВ!!! В этом коротеньком слове уже были заложены и прыжки с парашютом в ДОСААФ, и Фергана, и 56-я десантно-штурмовая бригада в Гардезе.

Этот неизвестный доктор вполне мог поставить крест на всем этом. Мог изменить всю мою дальнейшую жизнь… Но не сделал этого. Спасибо, доктор!

Военком

Я «годен». Сделан еще один маленький шажок в сторону Афганистана. Но сейчас для меня важно другое: после медкомиссии часть из нас собирают в каком-то коридоре перед массивной, обитой дерматином дверью. Видно, как раз тех самых, «стопроцентных»… Табличка на двери гласит: «Военный комиссар Киевского РВК г. Москвы». Теперь решать мою судьбу настала очередь полковника Мальцева. Ну, не подведи, товарищ полковник! По одному вызывают за дверь.

Кто-то выходит довольный, кто-то безразличный, кто-то грустный.

— Морфлот, блин… Три года, твою мать! А хотел в ВДВ…

Да, хреново дело — оказывается, радовался я рано.

— Шейнин!

Вот ведь ждал, когда вызовут, а все равно вздрогнул… Ну, поехали!

Подобное чувство я испытаю через год, вздрогнув от резкой сирены, когда выпускающий откроет дверь «Ан-2». А после следующей сирены по его команде нужно будет сделать несколько шагов к двери самолета… А потом шагнуть из него в пустоту… Но пока что моя главная задача попасть в этот самолет.

Вхожу. Большой «начальственный» стол. За ним крупный полковник и какие-то двое гражданских. Останавливаюсь метрах в полутора от стола. Приглядываюсь, изучаю обстановку. На столе стопка папочек. Личные дела? Полковник берет одну сверху, читает. Интересно, что там уже про меня написано?

— Вы признаны стопроцентно годным к службе. Где хотите служить?

— ВДВ, — не отвечаю — выдыхаю эти три буквы. Сколько я ждал этого вопроса!

— Как отнесетесь к направлению вас в школу сержантов?

— ВДВ?

Блин, вот меня переклинило. Тоже мне, фанат…

Он улыбается краешком рта…

— Да. Сержантская школа Воздушно-десантных войск.

— Я готов.

— Хорошо, идите. Через какое-то время вызовем вас на прыжки. Он что-то написал карандашом на «моей» папке и отложил в сторону.

Ликование, с коим я вышел от военкома, светилось, видимо, на моем лице.

— Чего довольный такой?

— ВДВ, сержантская школа!

Наверное, скажи военком, что идти в армию нужно завтра — не задумался бы ни на секунду. Но пока он сказал только про прыжки. Что ж, тоже клево…

Впрочем, встретиться с военкомом снова мне пришлось еще до прыжков. Не знаю, какие отметки он сделал на моем личном деле, но, похоже, мой «фанатизм» от него не укрылся. Во всяком случае, через месяц меня опять вызвали в военкомат. Я не сильно удивился, помня разговор про прыжки. Но оказалось, что дело пока не в них.

— Вы изъявили желание служить в ВДВ. Вас решено отправить в сержантскую школу. А не хотите поступить в военное училище? Стать офицером ВДВ?

Признаюсь, вопрос застал меня врасплох. Военных в нашем роду не было. Во всяком случае, среди тех, кто не был для меня мифическим персонажем. И сам я как-то о карьере военного и поступлении в училище не задумывался. Учеба автоматически была связана для меня со временем после армии. С другой стороны, и однозначно отказаться тоже вроде не было оснований.

— Вы написали в анкете, что увлекаетесь японским языком.

— Да, изучаю. Интересуюсь Востоком, особенно Дальним…

— А вы знаете, что в Рязанском училище ВДВ есть факультет референтов-переводчиков? Там как раз тоже изучают иностранные языки. В том числе и восточные.

Нет, этого я не знал. Персонажи моих любимых фильмов про десантников, при всем преклонении перед ними, как-то совершенно не ассоциировались у меня с изучением иностранных языков. Особенно восточных. Вот Институт стран Азии и Африки при МГУ или Восточный факультет ЛГУ — понятно. Собственно, про них я и думал, но путь туда до армии был мне «заказан». А десантное училище?..

Неожиданно обнаружившаяся возможность совместить мои несовместимые, казалось бы, устремления — ВДВ и востоковедение — заслуживала внимания. И после некоторых раздумий я согласился, оказавшись на некоторое время на другом «конвейере» — с другими анкетами и медкомиссиями. Все их я успешно прошел — благо на «стульчаке» меня больше не крутили. И так бы, наверное, и поехал я в июле поступать в Рязань, если бы не одна встреча — как теперь понимаю, тоже не случайная.

Дядя Толя

Мы жили тогда в большой коммуналке в центре Москвы, и одними из наших соседей были мамина сестра с мужем и детьми. У ее институтской подруги муж был полковником ВВС. Дядя Толя был единственным военным, кого я знал относительно близко. Но посоветоваться с ним по поводу «предложения, от которого не смог отказаться», я не мог — уже второй год он служил советником в Ираке.

Но надо же было такому случиться, что в апреле на вилле, где жили наши советники, взорвался баллон с газом, дяде Толе сильно обожгло лицо, и на лечение его увезли в Москву. И как раз в мае 83-го, когда я уже готовился к выпускным экзаменам в школе, он оказался у нас в гостях. Естественно, я не преминул рассказать о своих планах.

К моему удивлению, дядя Толя отнесся к ним довольно прохладно:

— Артем, у каждого военкомата есть план вербовки курсантов в военные училища. Их задача — отправить тебя туда, а дальше ты их мало интересуешь. Поэтому не дают всю информацию. Ты ведь увлекаешься японским, так?

— Да, и они сказали, что в Рязанском училище ВДВ есть факультет референтов-переводчиков, где изучают и восточные языки.

— Правильно, есть такой факультет, изучают. Но ты же умный парень, подумай — много ли нужно армии десантников со знанием японского?

— Кхм…

— Правильно, мало, если вообще нужны. А вот с китайским — много. И вот тебя с твоей анкетой, где ты написал про свой японский, именно на китайский и определят. А потом поедешь куда-нибудь на Дальний Восток. Будешь сидеть в тайге, учиться башкой стены пробивать и ждать, когда тебя отправят выполнять «важное государственное задание». Тебе это надо?

Нет, это мне было не надо. Точнее, я как-то про такое не задумывался.

— И вообще, Артем, не спеши — армия такое дело, что тут с кондачка решать нельзя. Лучше иди послужи. А не раздумаешь, так через год твой замполит тебя с радостью отправит поступать — у него тоже разнарядка есть.

Логика была убийственная и обезоруживающая. Вот так в дело снова вмешались ангелы моей судьбы.

Почему я думаю, что и здесь не обошлось без них? Потому

что дядя Толя не должен был еще год как оказаться в Москве. Потому что если б не он, в Рязань я бы точно поехал и точно поступил. И как бы дальше все сложилось — неизвестно. Из училища я бы выпустился только летом 87-го. И кто знает, куда бы распределили поначалу…

Нет, видно, моя дорога в Афганистан должна была быть покороче. И как раз мой отказ ехать в Рязань этому сильно поспособствовал. Не буду вдаваться в подробности неприятных объяснений в военкомате — для этой истории важно лишь то, что после мая 83-го про сержантскую школу разговор со мной больше не заводили ни разу. Не оправдал я доверия…

Более того, именно тогда на моем личном деле появилась литера «209(б)». Все последующие медкомиссии я проходил уже под этим кодом. Знал бы я тогда, что это значит, — сильно бы обрадовался и успокоился. Потому что команда «209 (б)» означала ВДВ-ДРА… Но еще почти год мне предстояло пребывать в неведении.

Рома

Лето 83-го года запомнилось тем, что я встретил первого человека «оттуда». Как и в три предыдущих года, я уехал на все лето рабочим в археологическую экспедицию. В отличие от предыдущих лет, когда ездил в Молдавию, на этот раз копали мы в Краснодарском крае, под Майкопом. «Золото скифов» — так называлась потом выставка «накопанного» нами.

Но золото меня волновало мало. Намного важнее было другое — среди приехавших из Москвы таких же «землекопов», как я, был парень по имени Рома, который в первый же день вышел на раскоп в солдатской гимнастерке с парашютиками в голубых петлицах. Естественно, мы тут же познакомились. Довольно общительный, он про службу почему-то говорил неохотно. Но я был настойчив и постепенно вытащил из него кое-что.

Рома пробыл в Афганистане около года в 82-м — потом желтуха, потом Союз. По его отрывистым рассказам я окончательно убедился, что никакими школами и деревьями в Афгане никто не занимается. Но и война представала в них совсем не такой, как я ее всегда представлял. Обстрелы колонн, подрывы на минах, гибель наших, ненависть местных…

— Там никому нельзя верить, они там все против нас, даже те, кто вроде с нами. Любой крестьянин ночью может оказаться душманом.

Про душманов я уже слышал. Читал в газетах, смотрел фильм Каверзнева, ставший для него последним, где так называли врагов Апрельской революции. Но этих врагов я представлял как-то совсем иначе. То, что среди них было много обычных крестьян, было странно и непонятно.

— Но ведь мы же за них воюем, чтобы им лучше жилось!

Рома был всего года на четыре старше, но в эти моменты смотрел на меня, как на ребенка, спрашивающего о том, чего все равно не поймет…

— Не так все просто, Тема. Вот попадешь, не дай бог, сам поймешь.

Он знал про мои устремления и не особо их поддерживал, но и не отговаривал. Знали про них и еще несколько мужиков из бригады, в которой я работал. Те были постарше, уже отслужившие, к Роме с расспросами особо не лезли. Я для них был совсем еще пацаном, а афганская война — чем-то далеким. Надо мной больше прикалывались, чем воспринимали всерьез.

Как-то раз, в выходной, бородатый Саня Ощенский сидел на

крыльце дома, где мы жили. Я развлекался, метая нож в забор.

— Че, Тем, на душманов тренируешься охотиться?

Он вообще был балагур и весельчак и, как всегда, подтрунивал надо мной.

— Ну да, они там как раз такие — бородатые, вроде тебя…

Я подошел к крыльцу с ножом в руках, он зажал нож зубами. Прижал согнутые руки к груди, как заяц лапы, — типа, «испужался». Тогда я достал веревочную петлю из кармана — мол, сейчас «порешу»…

— Чего это вы делаете? — крикнула стоящая неподалеку Лола.

— Да вот, наш будущий десант в душманов играет, руку набивает…

— Ну, давайте запечатлеем для истории!

И запечатлела… Наверное, это фото можно считать первым в моем «афганском фотоархиве».

Был август, жизнь была прекрасна и удивительна, мы дурачились и шутили. Саня даже представить не мог, как близки к реальности его шутки. Через год в это время я уже буду в Афганистане…

Оставалось совсем чуть-чуть…

Термез

До армии оставалось уже меньше года. Но оказаться совсем рядом с Афганистаном мне пришлось намного раньше. Причем «рядом» в буквальном, физическом смысле.

После Краснодарского края, где я был до конца сентября, вернулся на неделю домой, а потом снова укатил в другую экспедицию. На сей раз в Узбекистан, в Термез. Там предстояло работать на раскопках буддистского храмового комплекса XII–XIII веков. Это было интересно само по себе. Но еще интереснее было то, что располагался этот объект, входящий в список памятников, охраняемых ЮНЕСКО, на территории погранзаставы. Неделя, проведенная в Москве, ушла как раз на оформление допуска в погранзону. Меня удивило, с какой серьезностью этот допуск выписывали. Только оказавшись в Термезе, я понял, до какой степени мы окажемся в глубине погранзоны: наш объект располагался почти вплотную к колючей проволоке. За ней, метров через 200, река Сурхандарья. А другой берег был уже Афганистаном. То есть отливая в перерыве на колючку, я фактически «целился» в него. Это было забавно. И символично…

Я приблизился к Афганистану уже на расстояние взгляда. Но символичным в смысле моего будущего было не только это. Помимо расположения на территории заставы, в закрытой зоне, дополнительной «особенностью» этого памятника ЮНЕСКО было то, что располагался он в части заставы, являвшейся… стрельбищем. То есть холм, под которым находился храмовый комплекс, стоял у самой колючей проволоки, а перед ним располагались всевозможные мишени. И стрельба велась аккурат в направлении холма. А он являлся естественным пулеуловителем.

Поскольку прерывать на месяц процесс боевой подготовки никто не собирался, то стрельбы проводились с положенной регулярностью. А раз происходили они днем, пережидать их нам приходилось прямо на рабочем месте. За некоторое время до начала стрельб прибегал солдатик, сообщал, что скоро начнут, и мы укрывались за холмом. А со временем, по мере продвижения раскопок, стали спускаться в пещеры. Стреляли одиночными и очередями, из автоматов и чего-то помощнее. Поскольку, видимо, не все воины-пограничники были отличниками боевой подготовки, довольно много пуль со свистом летело и через холм, и по сторонам от него. Так я впервые узнал, что такое свист пуль, летящих в твою сторону. Я знал, что стреляли не по нам, но ощущение порой было не из приятных. Судьба потихоньку

продолжала готовить меня к скорому уже будущему.

До армии осталось полгода…

Прыжки

В феврале 1983-го меня наконец отправили на прыжки. К тому времени я уж даже немного начал волноваться, не передумал ли военком. Не решил ли в наказание «кинуть» меня с ВДВ. Я же не понимал, что стоит за кодом 209(б)…

Успокоенный, на 10 дней отправился в Волосово Чеховского района Московской области. Там находился один из аэродромов ДОСААФ.

Про сами прыжки рассказывать подробно не буду, не об этом сейчас. Хотя, конечно, ощущения от прыжков с парашютом незабываемые. Особенно от второго и третьего. Первый просто плохо помню из-за мощного выброса в кровь адреналина и восторга.

Получилось так, что прыгал я первым из девяти человек. И один… Сирена…

— Встал!

Сирена…

— Пошел!

121, 122, 123. Кольцо, купол, «рыжая»… Помню только, что пел во все горло, убедившись, что раскрылся купол. И чуть не забыл выдернуть эту самую «рыжую» стропу, чтобы не раскрылся еще и запасной парашют. А вот голова так и не закружилась, даже при отделении от самолета…

Еще помню, как скорее хотелось каждый раз прыгнуть, чтобы избавиться от давившего на плечи тяжелого парашюта — даже страх отступал. Было холодно, и нам выдали теплые штаны и бушлаты — не повернешься… Через полгода все то же самое повторится в Фергане. С той только разницей, что там скорее хотелось прыгнуть из-за жары.

В эти десять дней нам, присланным по линии ДОСААФ курсантам, инструкторы устроили некое подобие армии — подъем, зарядка, пробежка в морозной тьме. Порой задалбывало и постоянно хотелось есть…

Запомнилась фраза нашего инструктора, Гены Желтова, сказанная, видимо, в том смысле, что здесь — это все цветочки: «Вот в войсках вас научат Родину любить». Потом я много раз сталкивался с тем, что в армии это выражение — синоним «гонять до потери сознания». Забавно… Ну, в общем, да, научили. На всю жизнь… И спасибо «войскам»…

Жили мы в здании казарменного типа — двухъярусные койки в несколько рядов в огромном помещении без перегородок. Правда, человек 20, и я в их числе, оказались в кубрике

поменьше. В большую часть казармы мы особо не ходили — вроде незачем. Все равно все чужие. С кем познакомился — с тем и общаешься… Да и в казарме мы оказывались, когда единственной мыслью было только заснуть поскорее. От холода, непривычной еды и обстановки уставал сильно. Через пять минут уже только посапывание было слышно отовсюду.

Где-то там, в этом огромном, уставленном двухъярусными кроватями зале, через стенку от меня, спят и Саня Пахоменко, и Олег Никулин, и Валера Мищенко, и Петя Еремеев. И еще многие пацаны, с кем уже совсем скоро мы окажемся вместе в одном взводе, в одной роте — и в учебке в Фергане, и в 56-м ДШБ в Афганистане. Кто-то скоро станет ненадолго моим товарищем. Кто-то навсегда другом. Мы уже совсем рядом, мы уже почти встретились. Мы уже вместе идем по одной дороге, в одном направлении. Туда, откуда кому-то из нас не суждено возвратиться…

Перед отъездом из Волосова, вручив нам значки и удостоверения парашютиста-разрядника, Гена как-то неожиданно посуровеет и скажет:

— А кто-то из вас попадет в Афган. Удачи, мужики…

Не знаю, что имел в виду наш инструктор. Какую удачу… Тогда не знал, не понимал и не думал об этом. Ведь для меня главной удачей как раз и было оказаться «там».

Вася-«афганец»

До призыва оставалось всего ничего. 12 апреля меня вызвали в военкомат и вручили повестку на 23-е. Как говорится, «с вещами». Пошел обратный отсчет дней — 10, 9, 8, 7… А 14-го я получил еще одно напутствие судьбы в лице «афганца». Причем в некотором смысле пришлось «повоевать» с ним плечом к плечу. На этот день у нас с одноклассниками было намечено важное мероприятие. А именно — драка в кафе, располагавшемся в здании кинотеатра «Октябрь».

Вкратце суть дела заключалась в следующем. За две недели до этого наша компания отправилась туда отмечать день рождения двоих наших. Затея эта мне не нравилась с самого начала, потому как была чистой провокацией и вызовом — кинотеатр находился на территории, где «шишку держали» так называемые «трубники», а мы считались со «Смоленки». Противостояние было давним, и никто уже не знал, с чего начавшимся. Но, как часто бывает в подобных случаях, тем более непримиримым. Хотя, казалось бы, всего-то через проспект Калинина перейти…

Все последовавшее было предсказуемо и неизбежно. Нас сразу заметили, а не прошло и часа — задели; мы ответили, и… понеслось. Поскольку местных было в разы больше, Капа в первые же минуты нападения применил «психологическое оружие» — в голову одного из местных «вождей» полетела «навесиком» тяжеленная деревянная табуретка. «Вождь» рухнул и, воспользовавшись замешательством атакующих, мы бросились в «прорыв» в сторону выхода. Поскольку натиск наш был сосредоточенным и целенаправленным, в результате «прорыва» противнику был нанесен чувствительный урон, тогда как наши потери оказались относительно небольшими. В общем, вполне рядовой инцидент, каких между «смоленскими» и «трубниковскими» происходило множество.

Было одно «но». Вырубленный «вождь» противника оказался в больнице. Весть об этом широко разнеслась по окрестностям, и «трубниковским» ничего не оставалось, как вызвать наглецов на «матч-реванш». Никогда не любил эти бессмысленные и беспощадные развлечения и по возможности всегда от них уклонялся — драться от скуки казалось мне идиотизмом. Мне-то всегда было чем заняться… Но тут о том, чтобы отлынить, не могло быть и речи.

Подготовка к «походу» была пугающе серьезной. Мало того, что был задействован полный состав нашей школьной компании

— человек 15, — так еще каждый привлекал максимальное количество «бойцов» со стороны. Половина наших ребят уже учились в институтах. И за год учебы там тоже сформировались довольно дружные компании. Как ни странно, среди студентов желающих помахаться тоже нашлось немало. Уж как их «идеологизировали» наши, не знаю, но собралось человек 30.

Одним из «наемников» со стороны оказался Лехин однокурсник.

— Вася, мой однокурсник, десантник, служил в Афгане.

После этого представления вся эта дурацкая затея обрела для меня смысл. Все время, пока мы «сосредотачивались перед выдвижением» во дворе перед школой, я старался по максимуму расспросить Васю о службе. От него я впервые услышал слово Гайжюнай — там Вася был в учебке.

Меня немного расстроили его слова, что кому учиться на механика-водителя или оператора-наводчика БМД, а кому — на командира отделения или разведчика, в Гайжюнае решают «как бог на душу положит». С техникой я никогда не дружил, и оказаться за рычагами БМД было бы для меня совсем печально. Пушка еще туда-сюда, хотя тоже не очень вписывается в мои представления о службе в ВДВ, навеянные фильмом «В зоне особого внимания…».

Еще одно незнакомое слово — Баграм. Там стоял парашютно-десантный полк, в котором служил Вася. На меня уже почти повеяло суровым афганским ветром, я уже почти погрузился в атмосферу засад и колонн… И тут настало время «выдвигаться» нам самим.

Нас прервали мои боевитые друганы:

— Лопух, хорош грузить Васю, не для того собрались!

— Ну, это кто как. Мне это в сто раз важнее, чем ваши «казаки-разбойники».

— Ладно, пошли. Там договоришь, если успеешь, вояка. — Федор иронично улыбается — понимает, что «там» будет не до разговоров.

Местом для «реванша» был избран тот же бар «Октябрь». К моему удивлению, несмотря на очередь желающих у входа, нас мелкими группками запускают в бар без очереди. Капа с Федором что-то там говорят на входе. Похоже, сегодня все посетители в этом баре «не случайные».

Пока сидим за столиком, Вася успевает показать свой военный билет. В графе «Участие в боевых действиях» написано об участии в боях с бандформированиями. Где — не сказано. В графе «Награды» — медаль «За боевые заслуги».

Мой «военник» тоже при мне — паспорт уже забрали в

военкомате. Только у меня пока все странички чистые… Я смотрю на Васю, как на пришельца с планеты, куда мечтаю попасть. Человека, который УЖЕ прожил то, о чем я только мечтаю… Мне столько хочется спросить. Но тут началось…

В горячке схватки я теряю его из виду. Нас все больше и больше оттесняют друг от друга. Драка распространилась уже на оба этажа и туалеты. Постепенно она начинает все больше напоминать кадры из мультфильма «Маугли», когда волки поодиночке дерутся с толпой рыжих собак. Нас меньше… Не знаю, чем бы закончилось это «сражение», если бы не раздавшиеся крики:

— Менты, шухер!

Приезд ментов — как засуха в пустыне. Все схватки быстро утихают, и обе стороны дружно бросаются наутек. Впрочем, некоторые «локальные стычки» тут же вспыхивают вновь в сквере за кинотеатром и в ближайших дворах. Но ментов, видно, понаехало немало, и постепенно дерущихся разгоняют. Самое удивительное, что драка, длившаяся, как мне казалось, бесконечно долго, на самом деле заняла считаные минуты…

Когда через некоторое время мы собрались в одном из наших дворов уже на Смоленке, чтобы обсудить итоги битвы, Васи там уже не было. Так я и не успел больше ничего узнать про Афганистан на гражданке.

Эхо той схватки оказалось долгим. Через год Руслан, служивший в Дагестане, напишет мне, что от одного «молодого» из Москвы услышал легенду про «погром, устроенный в апреле 84-го в баре „Октябрь“ двумя соперничающими группировками». Но через год все это будет от меня уже так далеко. Я уже сам узнаю все, о чем не успел расспросить у «афганца» Васи. Правда, по-прежнему не перестану удивляться, как долго всегда тянется время во время схватки. Хотя на самом деле длится она порой считаные секунды… Только и схватки, и противники будут уже совсем другие. И в той жизни потеряет смысл все, бывшее важным и значимым в прежней. До начала этой жизни осталась всего неделя…

Проводы

— Ну-ну, попутного ветра, Лопух. Стране нужны герои!

Этот разговор у нас с ним вечный. Капа строит из себя циника, но я-то знаю, что в душе он просто завидует мне. У него проблемы со зрением, и попадет он куда-нибудь в связь или стройбат.

И Руслан, и Валера, и Димка тоже нередко подтрунивают надо мной, подпевая Капе. Но через полгода все они напишут рапорта в Афганистан. Как и еще многие наши одноклассники и ровесники писали тогда. И никого из них туда не отправят: как оказалось, стране НЕ нужны были герои. Просто, в отличие от них, у меня есть какое-то предчувствие… Именно предчувствие, не уверенность…

Я пытаюсь сейчас, рассказывая все это, передать, откуда, как мне кажется, оно проистекало.

Ладно, ждать уже совсем немного. А сейчас мы с Капой идем за «бухлом» в знаменитые «Три ступеньки».

«Бухла» нужно много и разного. Сегодня суббота, 21 апреля. Завтра мои проводы. Собственно, начинаются они сегодня — в школьной столовке дискотека. Ведет ее наш одноклассник Арам, и потому мы, выпускники 83-го года, здесь по-прежнему желанные гости. Хотя и обязанные соблюдать общие правила.

Но сегодня все по-другому. Дежурный педагог, математик Фунт, «не видит» сумок с «красным». «Не замечает», как потихоньку затуманивается взгляд не только у нас, но и у некоторых нынешних десятиклассников, которые «корешатся» с нами.

У нас дружный класс, и наши первые проводы школа запомнит надолго. А я — навсегда. Сколько живу, буду помнить подарок, который сделали мне тогда ребята. Арам объявил, что в понедельник я ухожу и эта песня для меня. Выключил свет в зале, оставил только прожектор. И поставил «The Soldier of Fortune», мою любимую песню «Deep Purple». Любимую с тех пор навсегда.

Я со своей девушкой Женькой забрался на стол, и мы начали танцевать. Капа, Федор, Гаврюха, Димка, Славик, Валера, Руслан, Серега, Вовка и Леха подняли столик на плечи и так и держали до конца песни. Арам высветил нас с Женькой прожектором, а мы танцевали, пили из горла шампанское на глазах у учителей и целовались на глазах у всех…

Уже нет в живых Капы, Гаврюхи, Димки. Редко приезжает из Америки Арам. Не особо часто видимся и мы, все остальные. Но в тот вечер мы были братьями. И в тот момент, когда на плечах

своих друзей под звуки «Солдата удачи» я обнимал свою любимую, мое предчувствие стало почти уверенностью…

Так незабываемо и романтично я и простился с гражданкой. Сами проводы почти не помню. С субботы мы уже не останавливались. И к вечеру воскресенья я был уже вообще «никакой». Пожалуй, только две вещи прочно запечатлелись в голове. В начале апреля я записал последнюю бобину для магнитофона. «Альфа» была тогда одной из самых модных групп, только появившихся. Самой популярной была их песня на стихи Есенина «Я московский озорной гуляка…».

Второе, что запомнилось на проводах, — стол, уставленный мамиными беляшами, пирожками, запеченным мясом, тортом «День и ночь». Моей любимой едой, которую я так и не поел в ту ночь, — только пил…

И запомнилось-то все лишь потому, что целый год этот несостоявшийся праздник живота будет являться мне в голодном бреду молодого солдата. Как можно оставить нетронутой СТОЛЬКО еды?! ТАКОЙ еды!!!

Но эти «кошмары» всплывут в голове позже. А пока актуально только желание выпить. Сегодня ночью во многих домах Москвы проводы. Проводы тех, кто уже этим утром станет командой 209(б). Кто-то прощается на два года. Кто-то — навсегда… Где-то в Тушине пьют за Валеру Мищенко. Где-то на Соколе — за Петю Еремеева. Где-то на Рязанке — за Олега Никулина. А в Пушкине — за Серегу Сергеева. Где-то на Авиамоторной второй раз в жизни пьет и впервые в жизни напивается Саня Пахоменко. Он спортсмен — ему это вообще ни на кой. Но — надо. Проводы…

Гуляем всю ночь. Никто не расходится. Утром к 8.00 в военкомат. Спать уже не имеет смысла. Пить больше нет сил. Все тосты произнесены, все слова сказаны. Пьяный ночной кураж сменяет похмельная утренняя тоска… Магнитофон уже никто не слушает, но никто и не выключает — доигрывает до конца трехчасовая катушка.

Все, пора… Друзья вываливают на лестничную клетку. В прихожую выходит сонный пятилетний брат Лешка. Тетка выносит на руках грудного Гришку — всю ночь терпел нас, бедняга… Когда я вернусь в эту старую прихожую нашей коммуналки?… Да вернусь, вернусь. Два года всего…

Как добрались до военкомата — не знаю. Шел вроде сам, но себя не помню. Все выпитое за ночь разом ударило в голову… Не знаю, почему так тянет выпить на проводах. Напиться на два года цели нет — выпить я могу, но могу и не пить. Страха особого я не испытывал, так что заливать вроде нечего. И тоски вроде нет никакой — я ж хочу служить.

Да нет, все-таки тоска… Я пойму это около военкомата, когда из окна отъезжающего автобуса на секунду увижу сквозь пьяную пелену на глазах растерянное мамино лицо. Поймаю ее беспомощный, тревожный взгляд.

Вот оно… вот то, что пытаешься залить, заглушить, загнать в глубь сознания. И тут оно вырвалось оттуда на секунду, на мгновение… Мама, мамочка, я не успел сказать тебе важных слов. До последней минуты все бодрился и хотел казаться веселым. Тебе не нужно было мое геройство — ты и так все про меня знаешь… Может, и потому, умирая, шептали пацаны: «Мама…» Потому что, как и я, не успели сказать на прощанье что-то простое и нежное. Ведь мы все собирались вернуться к ним скоро… Живыми.

Но на секунду царапнуло и отпустило. Скрылся за поворотом военкомат, друзья, мама. Все. Закончилась одна жизнь. Началась другая. Скоро узнаю, не обмануло ли меня мое предчувствие…

Туда!

Приехали на Угрешку, городской сборный пункт. Пошарахался неприкаянно, нашел где-то место, присел — спать охота. Часа через три объявили:

— Команда 209, строиться!

Вышли во двор, кое-как расползлись в несколько шеренг — все «мертвые». Вояки, блин… Но тут сон с меня слетел, как и не было. К нашему неровному строю подошли майор и старший сержант. И СЕРЖАНТ — В ГОЛУБОМ БЕРЕТЕ!!!!!!

Все, полдела сделано! Насчет ВДВ можно больше не волноваться. Но мало того — обращаю внимание, что лица у них обоих уже довольно загорелые. А на дворе 23-е апреля только. Солнышко-то у нас еще не светит толком. Значит, что? Значит, откуда-то с юга они приехали. А «южные рубежи» — это у нас где? Правильно, ТАМ!!!

Пока я все это «просчитываю», майор успевает объявить, чтобы мы никуда не расходились, держались вместе. Потому что в любой момент можем выдвинуться в аэропорт. Так и сказал — «выдвинуться». Так странно это звучало тогда.

Парни потихоньку расходятся, но двое задерживаются чуть дольше. Один — это я. «Торможу», докручивая в голове свои логические цепочки. Другой — высокий светлый парень с абсолютно «отсутствующим» лицом. Он, похоже, просто никуда не спешит.

Мне нужно поделиться с кем-то своим «открытием», и первый кандидат — он:

— По-моему, они откуда-то с юга приехали. Может, и из Афганистана — клево!

Но, судя по всему, моему визави глубоко по барабану и мои выводы, и мое радостное волнение по этому поводу. На меня смотрят абсолютно безразличные глаза. Какие-то даже бессмысленные. Как птичьи…

Но рядом уже никого нет, а болтаться одному мне надоело, да и «прет» меня:

— Ладно, давай знакомиться. Меня Артем зовут!

— Александр…

Да, немногословный товарищ. Ну, не беда, зато я «говорун»:

— Пошли, Саня, попробуем узнать у сержанта, куда нас повезут.

Похоже, ему глубоко фиолетово, куда нас повезут. Но Саня послушно идет со мною. Так судьба свела меня с первым в моей новой жизни человеком. Почему судьба? Да потому, что это и был

Саня Пахоменко, Пахом, с которым мы скоро попадем вместе в Фергану, в одну учебную роту, в один взвод, в одно отделение. Наши койки в казарме будут соседними. Через три месяца мы оба попадем в первую отправку в Афганистан, а в Гардезе — в одну роту. Только Пахом в первый взвод, а я — во второй. Но жить все два года будем в одной палатке. И даже в госпиталь в первый раз попадем почти одновременно. А потом уволимся в один день и вместе вернемся в Москву. Скажете, так не бывает? Бывает — как раз это и называется СУДЬБА…

Но пока ничего этого я не знаю. Как и того, что «отстраненность» Пахома — следствие первого в жизни алкогольного опьянения. До этого все как-то больше на дзюдо налегал. Впрочем, есть у его «спокойствия» и вторая причина. Саня тоже хотел в ВДВ и понял уже, что это случилось. А вот про Афганистан он просто не думал. Не то чтобы не хотел — просто не думал, и все. Прям как знал, что уже все за нас придумано… Но мне не сидится — нахожу «нашего» сержанта.

— Скажите, а куда нас повезут?

— Узнаешь скоро. Не положено это говорить.

Такой серьезный он, вроде как суровый даже. Оно и понятно…

— Ну а вот скажите — если у меня мать-одиночка, меня в Афганистан возьмут?

Этот вопрос уже давно не дает мне покоя — где-то услышал, что вроде есть такой закон, что единственного сына у одинокой матери в Афган не берут.

Сержант, похоже, не знает, но отвечает уклончиво:

— Это как командование решит.

Черт, да нет у меня уже сил ждать в безвестности, когда оно там решит!

Наивный… Оказавшись в Афгане, я узнаю, что таких, как я, там пруд пруди. Даже в одном только нашем взводе и только из нашего призыва… И Олег Никулин, и Вовка Мордвинов.

У Сереги Сергеева тоже нет отца; правда, есть старший брат. Интересно, это командование так «решило» — или просто не задумывалось? Правда, в моем случае я ему за это крайне благодарен. Но вот не уверен, что эту благодарность разделяли тогда наши мамы… Уж не говорю про тех, чьи единственные сыновья не вернулись. Хотя кто принимает их в расчет? Война — жестокое дело, не до сантиментов. Особенно если «воюешь» из генеральского кабинета в Москве. В 1985-м отец Минжин, ставший вторым человеком в посольстве Монголии, на каком-то из приемов спросит одного из «больших» генералов:

— Почему вы отправляете на войну 18-летних мальчишек?

— Они представляют пока наименьший интерес для народного хозяйства…

Генерал ответит с военной прямотой и очень удивится, что на глазах у монгольского дипломата появятся слезы… Он же не мог предположить, что дипломат одного такого мальчишку знает лично, и это друг его дочери.

Но сейчас, в апреле 84-го, все эти проблемы очень далеки от меня. А мысль о том, что государство может **пожалеть** меня, точнее, мою маму, просто убийственна и не дает покоя. И еще целых двое суток не даст…

Часов в шесть вечера нас, наконец, вновь выстраивают. После переклички — в автобусы и через весь город во Внуково.

Из аэропорта успеваю позвонить из телефона-автомата:

— Мам, я из аэропорта, летим в Ташкент. Куда дальше, пока не говорят. Но я уже точно попал в ВДВ! Не волнуйся, мам, все будет нормально!

— Да, сынок, я поняла. Ну, видишь, как все удачно складывается…

Она, похоже, так с утра и не отходила от телефона. Радуется, конечно, совсем неискренне. Ох, как, наверное, НЕудачно все складывается для НЕЕ. Мама-то не фанат ВДВ… И знает, где Ташкент и что там рядом… Тема Афганистана у меня с ней табу — даже теоретически не обсуждаю. Но географию-то не отменишь. И мама знает ее.

— Все, мам, тут ребята ждут. Целую, привет всем!

— Ты позвони еще, если получится.

— Обязательно позвоню, мам! Пока! Не волнуйся…

Не позвоню я ей больше. Целых 27 месяцев не позвоню.

С самолетом повезло — мой любимый «Ил-86». Большой, просторный. В Ташкент прилетаем ночью, потом — на ж/д вокзал. До утра ждем поезда в Фергану. Кто-то из парней шарится по вокзалу в поисках переговорного пункта, но я «забил» — смысла не вижу еще ночью маму дергать. Да и денег не брал с собой — зачем?

Потом весь день в топке плацкартного вагона. Жарко, душно, пить охота. И спать… Полдороги в каком-то сонном полубреду — то очнешься, то кемаришь…

Это Кара-Кара-Кара Кара-Кара-Кара-Кум
Это Кара-Кара-Кара Кара-Кара-Кара-Кум…[2]

У кого-то из парней гитара, и песня эта сейчас как нельзя «в кассу».

Проваливаюсь в знойное, похмельное забытье… Это я

проснулся или мне уже и во сне слышится?…

Это Кара-Кара-Кара Кара-Кара-Кара-Кум
Это Кара-Кара-Кара Кара-Кара-Кара-Кум…

А в голове стук колес. До… Ферганы… еще… полдня… пути. Полдня «гражданского» поезда. Полдня неясности и сомнений… Целый поезд стриженых пацанов… Мы еще не знаем, а нас уже всех «определили» в Афган. Весь вагон, весь поезд, всю роту… Через два года на обратном пути в том поезде было бы много пустых полок.

Только под вечер в вагонах-Кара-Кумах посвежело. Уже в темноте прибыли на станцию, вышли из поезда.

Опять построили (надо теперь привыкать к этим постоянным построениям).

— Мы прибыли на станцию Маргелан. Теперь до части на машинах. Садимся плотнее. По дороге не вставать.

Набились в «Уралы», тронулись. Сижу ближе к заднему борту, глазею. Пейзаж чем-то напоминает термезский…

Тут от кабины передают по цепочке какой-то пакет:

— Сбрасываемся деньгами! Из кабины солдаты передали.

Началось, что ли? Пресловутая «дедовщина»? Ну, хрен с ним, у меня все равно ни копейки. И было б, не дал бы… Таких, как я, видно, немало. Через какое-то время пакет снова возвращается:

— Передали, что если не наберем больше — пожалеем потом в части!

Ну, пожалеем так пожалеем — теперь полгода много о чем жалеть придется…

Приехали… Подходят двое из кабины, в таких же панамах, как в Термезе у погранцов:

— Вы че, салабоны охреневшие? Откуда?

— Из Москвы.

— А, ну все ясно, «шлангов»[3] привезли. Ну, вешайтесь.

Ладно, повеситься успею еще, а вот где у них, интересно, береты? Не понял… До утра нас запирают в каком-то клубе. Только расположились — кто на полу, кто на сцене, чтобы доспать, — как с разных сторон через окна и через сцену начинают «просачиваться» какие-то солдаты. Словно тараканы из щелей. Делаю вид, что сплю. Подходят.

— Слышь, часы давай.

— Нет у меня часов.

— А деньги?

— И денег нет.

— Ну, давай махнем х/б на твою одежду. Тебе она уже долго

не понадобится.

Пропускаю слова мимо ушей. Как ни странно, погундосив еще немного про какие-то там «самоходы», воины отваливают. Может, и не так страшно все, как говорили? Засыпаю…

Утром нас выводит из клуба какой-то майор. На некоторых пацанах вместо части своей одежды — старые х/б. Майор обрушивается на них, словно на изменников Родины:

— Вот с чего вы начинаете службу! И какие из вас выйдут солдаты! Стыд!

Сколько раз я потом столкнусь с этим в армии — солдат виноват по определению. Даже если он еще и не солдат вовсе — все равно уже виноват. Останься в клубе хоть один офицер, и проблем бы никаких не было. Впрочем, очень скоро это перестанет меня удивлять — привыкну.

А пока нас ведут куда-то по городу. Так странно видеть буйство зелени вокруг. В Москве-то даже почек еще на деревьях нет, а тут даже цветы какие-то цветут. А тепло-то как — красота! И запах, запах какой — благоуханье просто! Ну, уже неплохо…

Заходим на территорию части, идем мимо каких-то складов. По ходу замечаю уже знакомые сооружения для отработки прыжков. Отлично. Солдаты, правда, все в панамах, но эмблемы в петлицах десантные!

Через 15 минут точно такие же панамы, а также х/б, тельняшки и ботинки выдают и нам. Переодеваемся прямо на улице. Свою одежду сдаем — кому она, интересно, нужна теперь? Вот и последнее, что связывало нас с домом, исчезло в темноте склада… Остался только пакет с захваченными из дома конвертами и ручкой.

Зато теперь на мне ТЕЛЬНЯШКА! Первый «настоящий» тельник в моей жизни! Интересно, когда дадут берет? Чтоб все, как у «красавцев»… Правда, пока красавцами нас не назовешь даже с натяжкой. Новые х/б топорщатся, торчат из-под ремня во все стороны, как юбка. В панамах все выглядят, как клоуны. Непривычно… И вот этой клоунской толпой нас опять ведут в клуб. На сей раз в летний. На скамейках внизу уже сидит с десяток сержантов, ждут чего-то. Рассаживаемся. С любопытством смотрим на них. Они — ноль внимания. На сцене стол. За ним несколько офицеров — старлеи, капитаны. По одному начинаем подниматься на сцену, к столу.

Старлей с пышными светлыми усами смотрит куда-то сквозь меня:

— Фамилия?

— Шейнин.

— Гражданская специальность?

— Да никакой пока…

— Шестая рота! Следующий!

Спускаюсь со сцены. Невысокий, коренастый сержант окликает:

— Куда?

— В шестую роту.

— Сюда давай.

Подхожу. Возле него уже несколько пацанов — кого-то помню еще с самолета. Почему-то у некоторых довольно грустный вид. Но сержант весел:

— Ну что, поздравляю! Через три месяца туда.

— Куда?

— Куда-куда — в Афганистан. В августе уже туда поедете.

Сколько я думал об этом, переживал, как ждал этого момента и боялся его. Но и представить не мог, что все свершится так просто и так буднично. Воспитанное советскими фильмами сознание рисовало что-то вроде «Добровольцы, три шага из строя!». А тут… Да ладно, хрен с ним! Зато теперь ВСЕ! ВСЕ!!! Больше не о чем беспокоиться! Свершилось! Я в ВДВ и через три месяца буду в Афганистане. (Даже раньше, чем говорил Вася, — он в учебке пробыл полгода.) Пока я обо всем этом думаю, парней рядом прибавляется. И всех сержант встречает одной и той же фразой про «три-месяца-и-туда». Интересно, это он сам придумал или установка была — «шоковая терапия»? Теперь я понимаю, почему у некоторых такие кислые лица. Хотя таких совсем немного… А может, и не об этом грустят?

Вскоре в нашу сторону направился и спустившийся со сцены Пахом. Приветствие сержанта он воспринял совершенно невозмутимо. С этой невозмутимостью Сане вообще повезло… Даже Афган вошел в его жизнь без всяких волнений и переживаний. Впрочем, и мои волнения по этому поводу закончились.

Предчувствие стало реальностью, и началась совсем другая история.

Позже я пойму, что в то утро, 25 апреля 1984 года, для каждого из нас началась и совсем другая жизнь. Жизнь, в которой есть Афган.

Фергана
(24 апреля — 3 августа 1984 года, 387-й учебный парашютно-десантный полк)

— Товарищ майор, у меня было сотрясение мозга. Товарищ майор, у меня боли головные сильные. Товарищ майор…

Как он достал своими причитаниями, чадо. Только еще заплакать осталось…

— Товарищ майор, меня туда нельзя…

Над бетонкой ферганского аэродрома знойным маревом застыл горячий воздух. Жара такая, что в тридцати метрах все кажется уже миражем. Но все реально — мы, «курки» 6-й учебной парашютно-десантной роты, попавшие в первую отправку в Афганистан, выстроились в две шеренги в ожидании посадки в самолет. Рядом с каждым на бетоне лежит импровизированный «вещмешок», созданный из выданного нам новенького бушлата, в который мы запихали все выданное перед отправкой имущество — парадку, сапоги, берет и т. д. Весь этот нехитрый солдатский набор — вот все, что мы везем с собой в далекий и загадочный Афганистан. Все, чем щедро снабдила нас Родина. А майор, к которому слезливо апеллирует наш поздно очнувшийся сотоварищ, прибыл за нами из Афгана и будет туда сопровождать. Интересный персонаж, не совсем соответствующий моему представлению о суровом вояке: когда в учебном центре мы строем шли к «Уралам», на которых нас доставили в аэропорт, майор шел рядом со строем и… мяукал. Да-да, мяукал! Хотя при этом ничто в лице его и мимике не выдавало этого. Что тем более повеселило всех, несмотря на смутную тревогу, с самого утра неумолимо заполнявшую собой все внутри.

Только что веселый майор, вдруг посерьезнев, произнес три-четыре дежурные фразы про «высокую честь» и «интернациональный долг». А потом вдруг спросил, есть ли среди нас такие, кто по каким-то причинам не может ехать для его выполнения в ДРА. Вопрос, видно, тоже был «дежурным», чисто формальным, как и весь процесс нашего направления в Афганистан. Зачем-то нужно было создать видимость, что мы вроде как САМИ принимали сознательное решение там служить.

Где-то после месяца службы всю роту посадили в тот самый летний клуб, где недавно нас всех в эту самую роту распределили. Раздали по листку бумаги. И мы под диктовку

замполита написали заявление, что просим отправить нас для прохождения службы в Демократическую Республику Афганистан. Дата, подпись.

Поэтому майор, задав вопрос, был немало удивлен, услышав вдруг столь бурную реакцию одного из будущих «интернационалистов». У него явно не было предусмотрено никаких вариантов реакции на подобный случай. И потому выглядел он растерянным и беспомощным.

Неожиданно все это было и для нас. Казалось бы, за прошедшие три с небольшим месяца нас уже полностью лишили способности на какие бы то ни было индивидуальные проявления. Мы стали массой, одноликим строем, готовым выполнять команды и распоряжения старшего по званию. А в этой жизни старше нас по званию были все.

И когда из нашего строя после вопроса майора вдруг раздалось жалобное блеяние, мы удивились не меньше, чем он сам. Парень был, в общем, ничем особо не приметный на нашем общем фоне. Разве что тем, что даже на стриженной под ноль голове уже явственно обозначилась лысина, а из-под тельника выбивалась к шее не по годам буйная, курчавая растительность. Может быть, от этого казался он старше нас. Как-то солиднее, что ли. Тем неожиданнее была его выходка…

Странное дело, за двадцать шесть лет черты многих из тех, с кем довелось пересечься по пути в Афганистан, стерлись и помутнели. А этот — стоит перед глазами, как сейчас. И ноет, ноет… Раздражает не то, что он пытается отмазаться от Афгана, а то, что делает это так чмошно и нудно.

Отнюдь не все в этом строю горят желанием туда ехать. Как не горели желанием многие из тех, кто каких-то три месяца назад спустился со сцены летнего клуба, где их судьбу решили коротким и непонятным пока — «Шестая рота!»… Три месяца всего прошло, а уже трудно поверить, что было что-то до этого. Какая-то другая жизнь, с гражданскими проблемами, переживаниями. Смачно произнесенное коренастым сержантом «три месяца, и туда» как острый нож отрезало все предыдущее, сделав его незначимым и неважным. И предельно четко обозначало ближайшую жизненную перспективу. ТУДА — это в Афган.

Эта неприятная для одних и столь радостная для других перспектива была настолько контрастной, что проведенные в ожидании ее и подготовки к ней три месяца учебки превратились во что-то вроде чистилища. Слишком явственно ощущалось постоянно это наше временное, переходное состояние. Наверное, так чувствует себя пациент, которого долго готовили к сложной

операции, наконец повезли из палаты в операционную, но на некоторое время оставили в предбаннике перед ней. Ты не очень понимаешь, что тебя ждет за этой дверью, но чувствуешь, что что-то очень серьезное. А пока лежишь и смотришь в потолок, на стены. Пытаешься как-то собрать в кучу нервно разбегающиеся мысли… Потом, после долгой и тяжелой операции тебе непросто будет вспомнить, о чем ты думал, что чувствовал в этом «чистилище» перед операционной. Хотя, возможно, от того, собрался ли ты с мыслями, настроился ли на нужную волну, зависел и итог всей операции.

Пожалуй, именно так лучше всего описать мои ощущения от трех месяцев ферганской учебки, 387-го учебного парашютно-десантного полка. Нервные, отрывистые, не очень связные, но очень пронзительные. Столько событий, людей, переживаний случилось за последующие два года войны, что рассказ о ферганской учебке можно было бы сократить до минимума. Но почему-то кажется, что без него «мой Афган» будет неполным…

Если попытаться описать мое ощущение от Ферганы одним словом, то, пожалуй, самым подходящим будет «удивление». Вероятно, дело в том, что в самом начале службы я еще не разучился искать во всем смысл и логику. И удивление мое было порой столь острым, что не притупилось до сих пор… Тем более что на многие из вопросов, которыми я задавался в эти три месяца, я так до сих пор и не нашел ответа. И не уверен, что когда-то найду. Потому что, боюсь, не было ответов и у тех, кому я тогда внутренне задавал свои вопросы.

«Гуляка»

Песня «Гуляка» снова догоняет меня в армии:

> Я московский озорной гуляка.
> По всему Тверскому околотку
> В переулке каждая собака
> Знает мою легкую походку…[4]

У одного из наших — аккордеон. Зачем он его в армию попер, не знаю… В музыкальной школе учился. Видно, «прикипел» очень к инструменту. Ну, в армии и аккордеону найдут достойное применение… В нашей шестой роте «взъ…б-дренаж» частенько проходит под музыку. На местном «новоязе» это разновидность занятий сержантов с курсантами, главная цель которых — не научить нас чему-то полезному, а вымотать до крайней возможной степени. А лучше до НЕвозможной. Нередко это наказание за что-то, для всей роты. Такое правило — провинился один, но расплачиваемся все. Коллективная ответственность — очень действенное средство для выработки коллективизма и ответственности.

Но нередко такие «тренировки» — просто способ нас чем-то занять, при котором сами сержанты не особо напрягаются. Причем очень часто в таких занятиях либо смысла нет вообще, либо он не очевиден. Например, «держание крокодильчика». Проводится либо индивидуально, либо для всей роты (взвода). Руками хватаешься за переднюю спинку кровати, ногами — в заднюю. Тело выпрямляешь на весу и держишь как можно более параллельно койке. Держишь, пока не прозвучит команда «Отставить!». Не дождавшись которой почти всегда кто-то, не выдерживая напряжения, опускает ногу, упираясь в койку. Что автоматически обнуляет все предыдущие усилия остальных его товарищей. Все по новой…

Самое смешное, что это преподносится сержантами исключительно как способ физического наказания, своего рода издевки. И не только преподносится, но и, совершенно очевидно, только им и является. А ведь само по себе упражнение ОЧЕНЬ полезное — укрепляет как раз те самые мышцы, которые необходимы в горах. Чтобы выдерживать многочасовые восхождения. И таскать в горы тяжеленный РД. А нас всех это ждет — мы же точно попадем в Афганистан. Но при такой «подаче» сержантами весь положительный эффект пропадает.

Мало кто может сам додуматься, что, издеваясь над ним, его при этом закаляют.

Но если «крокодильчик» имеет хоть какой-то, пусть скрытый от всех смысл, то любимое нашими сержантами мероприятие лишено его напрочь. Заключается оно в том, что вся рота должна быстро выбежать из казармы и ровно построиться перед ней. Это высокоэффективное средство подготовки будущего бойца десантно-штурмовой бригады в 6-й роте изобретательно совмещено с эстетическим воспитанием.

Серега Тихонов, ставший в армии, естественно, Тихоном, сидит со своим аккордеоном у входа в казарму первого и второго взводов на стуле и наяривает «Гуляку». А мы, восемьдесят человек «курков», выбегаем из казармы строиться. Выбегаем, по мнению сержанта, недостаточно быстро. Или строимся недостаточно ровно. И все по новой, снова и снова… А что — у нас же куча времени для подготовки в Афганистан. И всякой ерундой типа огневой, тактики, ориентирования, топографии и так далее мы еще заняться успеем. Но для этого нужно сначала научиться выбегать и строиться…

На — дцатый раз сержантам надоедает, и они вносят в наши музыкально-строевые занятия некое разнообразие. Теперь строиться мы выбегаем с согнутыми перед грудью руками, по типу цирковых собачек, бегающих по бордюру арены на задних лапах с поджатыми передними. А «задние лапы», в смысле ноги, высоко поднимаем на бегу в коленях.

— Строиться, рота!

Я московский озорной гуляка.
По всему Тверскому околотку
В переулке каждая собака
Знает мою легкую походку…

Нас в роте чуть ли не треть москвичей. Правда, все больше не с «Тверского околотка». В основном «попроще» районы, а если из центра — то из коммуналок… Те, которые с Тверской, тогдашней улицы Горького, все гуляют и дальше будут гулять. С этой улицы редко кого призывают, а уж тем более сюда… Их-то польза для «народного хозяйства» генералам вполне ясна и очевидна. А мы — отгуляли уже свое. Мы задолжали Родине. Нас ждет Афган. Теперь вот учимся порядку и дисциплине…

Со стороны, наверное, и впрямь забавно — восемьдесят солдатиков, как дрессированные цирковые песики, бегают туда-сюда из казармы. Сержантам весело, нам уже все по барабану… Собственно, ввести нас в это состояние и есть, по-моему, главная

задача учебки… Хотя мне до сих пор непонятно, кто и как формулировал и формулировал ли вообще эту задачу. Одно я знаю точно — до наших сержантов эту задачу явно забыли довести. Потому что парни-то они были сами по себе нормальные. И подготовлены были в сержантской школе в Гайжюнае неплохо. И научить нас могли намного большему, чем выбегать строиться. И хотели научить, во всяком случае, некоторые. И сами, уверен, в Афган рвались после своей сержантской школы.

Это ведь я именно туда, в Гайжюнай этот, должен был попасть поначалу-то, пока меня к «афганской команде» не приписали — в наказание, что план по набору в военное училище военкому сорвал. Неужто и я бы таким стал, попади, не дай бог, сюда вместо Афгана сержантом, готовить туда других? Неужели никак нельзя было без всего этого «цирка с собачками» обойтись? Хотя знали ведь они — через три месяца на войне мы окажемся. На реальной, а не придуманной.

А офицеры? Офицеры, среди которых в нашей роте половина УЖЕ в Афгане побывала? Уж они-то точно знали, что нас там ждет в десантно-штурмовых-то бригадах. И чему нам научиться нужно, чтобы шанс иметь живыми вернуться. Так почему? Почему те же офицеры на все эти забавы сержантские сквозь пальцы смотрели? Почему я за три месяца своего взводного толком в лицо не успел запомнить, так «часто» он со взводом занимался? Помню только, что лицо совсем мальчишеское было, даже не брился еще, по-моему. Хотя про него как раз мне все понятно — он-то в Афгане еще не был. И уже знал, что скоро там окажется. Это я понял спустя несколько месяцев, возвращаясь из госпиталя в свою часть, в Гардез. Увидел его в Кабуле на пересылке: еще в парадке — значит, только прибыл…

Ну ладно он. Не до нас ему уже было — на свою войну он готовился. И сам не знал, вернется ли. Куда уж там про нас думать. (Кстати, так и не знаю, вернулся ли… Очень надеюсь на это…) Но другие-то? Ведь боевые были мужики — у ротного «Красная Звезда», у командира второго взвода — тоже. У замкомроты — «За отвагу». Они-то что? Зачем столько времени потеряли мы на всякую херню под «Гуляку»?! И кто знает — может, и не хватило кому-то из пацанов наших чего-то, чему он в это время не научился. Не хватило, чтобы добежать, доползти, укрыться, увидеть или попасть… Нет у меня ответа, нету. И не найду уже — не спросишь теперь у пацанов-то… Но вот «Гуляку» я с тех пор разлюбил. Как-то не «веселится» мне под него теперь. А тогда, в мае 84-го, бедняга Тихон, ни в чем на самом деле не виноватый, этим «Гулякой» подпортил себе репутацию. Мы-то

бегаем, а он сидит, музицирует… Может быть, и из-за этого тоже родился позже слух, что, мол, Тихон в Афган не попал. Вроде как дед у него генералом оказался, отмазал внучка, и тот так до дембеля где-то на аккордеоне и наяривал. Ну, у нас еще таких несколько в роте было, за кого «словечко молвили». Так что и не удивились мы вовсе. Тогда ж все, кто мог своего сына от Афгана отмазать, — отмазывал… Да и не только тогда. И не судья я им. Будь у моей мамы возможность — и она, думаю, не задумываясь меня в Афган не пустила бы.

Слава богу, что не было…

В прошлом году, на 2 августа, подходит к нашей толпе из 56-й ДШБ какой-то мужик. На вид вроде постарше нас. Глаза такие… Тяжелые глаза. Берет, тельник под белой рубашкой, на рубашке — медаль ЗБЗ…

— Парни, из Джелалабада есть кто?

— Да мы гардезские все… А какие годы?

— 1984–1986, весна…

— О-па, а где в учебке был?

— Фергана, шестая рота…

— Да ну? Мы тоже…

Мы с Пахомом начинаем приглядываться, и вдруг возникает какое-то смутное предположение…

Но он нас опередил.

— Помните, я на аккордеоне еще играл?

— ТИХОН?!!!

— Ну да, я…

— ОБАЛДЕТЬ!!!

Обнялись, расцеловались, и первый вопрос:

— А помнишь «Гуляку»? Помнишь, как мы бегали…

— Да, блин, забудешь такое. Думал, вы меня глазами в пыль сотрете…

— Ну и как, че ты с аккордеоном-то дальше?

— Нету больше аккордеона. Подорвались мы с ним на боевых…

Так и сказал: «Мы с ним». Как про товарища. Как про вчера…

Вот так, спустя больше двадцати лет, узнали мы о судьбе нашего «Гуляки»…

«Я иду тебе навстречу»

…Июнь. Жара. Мы уже отпрыгали положенные три прыжка с парашютом, и теперь — только тактика, тактика, тактика. Каждое утро выходим за город и до одури бегаем или ползаем по поросшему жесткими колючками громадному полю… В обед — пешком назад в часть. Усталые, исцарапанные, потные, пыльные… Какой же тяжелый мой пулемет «ПК», какой же неудобный… Это на тактике в поле у меня преимущество — с «ПК» не надо ползать по-пластунски, только на боку, да еще опираясь на пулемет. А парни-то со своими автоматиками да «РПК» на пузе все занятие проползали. Зато теперь все тащат «пушинки» «АКС», а мне «ПК» отбил уже все ноги. Грустно смотрю вниз на свои ботинки — эту пыль теперь, похоже, никогда не отчистить…

Входим на территорию полка… И вдруг — «Я иду тебе навстречу» в исполнении ВИА «Синяя птица». В плотном, знойном ферганском воздухе словно повеяло ветерком. Ветерком откуда-то из той жизни, которая была еще так недавно и которой, кажется, никогда больше не будет. А будет только бритва «Улыбка» по утрам — фирменный прикол ВДВ, когда недобритые неумелой рукой волосинки под носом зажимают пружинистой шпилькой от парашютного прибора и выдергивают. Ты дергаешься от боли, но вроде как «улыбаешься». Или пресловутое «Закончить прием пищи, выходи строиться!» — а мы только успели зайти в столовую и разложить в миски воду с капустой… Или «крокодильчик» перед отбоем. Все эти маленькие радости армейской жизни, благодаря которым, видимо, из нас и предполагается вырастить грозу и гордость Вооруженных сил. Они сейчас — реальность. Все, что было до этого, кажется сном. Да и было ли оно? Было ли такое, что и для нас звучали эти песни?

О чем подумали, кого вспомнили в этот момент идущие рядом пацаны? Не знаю. И никогда не узнаю — каждый прячет это глубоко в себе, внутри. Там, куда не добраться на утреннем осмотре ни Рыбе, ни Бобру, ни Путе. Наши сержанты могут только отобрать и порвать письма из дома, найденные в карманах. Последнюю ниточку, связывающую нас с той жизнью. Хотя нет уже никакой «той» жизни, есть только эта, где ты — «тело»…

— Эй, тело, ко мне бегом, марш!

Да нет, есть! Есть! Где-то там, под х/б, под тельником, внутри живет что-то светлое, чистое, неподвластное хозяевам нашей

теперешней жизни. Да, мы «тела», но в нас все еще живы души. И вот этого у нас не отобрать… Не знаю, не знаю, как описать это чувство. Светлая грусть? Тоска по дому? Полет мечты? Нет у меня таких слов — описать это. Да и нужно ли — кто может, тот поймет и без слов. А кто испытал — не забудет…

Уж не знаю, случайно ли так получалось или специально ставил в одно и то же время эту песню клубный радист, но только весь июнь возвращаемся мы с занятий под «Я иду тебе навстречу». Каждый день идем мы под нее навстречу Афгану. Шаг за шагом, он все ближе и ближе. Мы еще пока только «играем» в войну. Только готовимся к ней. Но она уже потихоньку дает себя знать.

Вот сержант читает нам письма наших предшественников. Тех, кто до нас держал здесь «крокодильчика», выбегал строиться, пел от восторга под раскрывшимся куполом парашюта, обдирал в кровь колени на тактике. Тех, кто, как и мы, устало и понуро входил в полк и оживал, услышав ту же песню. Кто прошел перед нами навстречу войне.

Они в Афгане всего полгода, но уже пишут о чьей-то гибели. А ведь этот пацан из «нашего» отделения. Кто-то из нас спит сейчас на его койке и таскает его автомат. И скоро нам туда же, где он погиб.

В июле нас на несколько недель вывозят в горный центр в соседнюю Киргизию. В ту самую Ошскую область, где уже много лет регулярно делят что-то друг с другом Киргизия и Узбекистан. Мы славно налазались по горам. И уже чуть лучше представляем, что ждет нас в очень скором уже теперь будущем.

Можно сколько угодно рассказывать про горы и можно даже вполне представить себе, как трудно должно быть лезть по склону с рюкзаком, набитым камнями. Но только оказавшись на этом склоне реально с реальным рюкзаком с реальными камнями, ты понимаешь, что все твои прежние знания и представления о горах ничего общего с реальностью не имели. И какой бы романтикой ни было окутано твое представление о войне, хоть раз забравшись на этот склон, ты даже задумываться боишься, как это будет, когда сверху в тебя еще кто-то станет стрелять. Это нереально себе представить. Потому что и без всякого обстрела ты «умираешь», не добравшись еще и до середины склона.

В горном центре наши «взъ…б-дренажи» наполняются все же куда большим практическим смыслом, чем в полку. Более того, все мы с удовольствием сейчас хоть сто раз пробежались бы под «Гуляку» и хоть с утра до ночи бы строились. Но этим блаженным мечтам никогда уже не суждено сбыться. Потому что в полк мы больше не вернемся. После горного центра мы окажемся в своих казармах только для того, чтобы привести их в порядок и

устранить следы запустения, вызванного нашим отсутствием. Сразу после этого практически всех нас увозят в учебный центр.

Он расположен сразу на выезде из Ферганы. Недалеко от аэродрома, с которого взлетали наши «Ан-12» во время прыжков, и за тем бесконечным полем, где мы занимались тактикой. То есть нас как бы просто вывозят из полка за город.

Учебный центр — это большая одноэтажная казарма, столовая, клуб и еще несколько каких-то зданий, назначение которых мне не очень понятно. Как поначалу не очень понятен и смысл нашего здесь пребывания. Тем более в составе одной роты. Странно и то, что после полка и горного центра дрючат здесь ощутимо меньше. Но это радует.

Впрочем, очень скоро становится ясно, зачем мы здесь. На самом деле этот «учебный центр» что-то типа чистилища перед отправкой в Афганистан. Пока что только для нашей 6-й роты. От двух других рот батальона она отличается тем, что в полном составе отправляется в Афганистан уже спустя три месяца. Все, как обещал тот самый коренастый сержант в конце апреля. А это и был старшина нашей роты Малышев. Не обманул…

Через несколько дней начнутся отправки. Уже витают в воздухе незнакомые, чужие и непривычные пока названия: Гардез, Джелалабад, Кандагар… Именно в этих афганских городах находятся десантно-штурмовые бригады и батальоны. И именно туда вскоре отправимся мы все. Кому куда выпадет. Кто в какую отправку попадет. Нам пока все равно: Гардез, Джелалабад, Кандагар. Для нас это пока ничего не говорящие чужие названия. Скоро, скоро станут они родными навек…

Через несколько дней судьба разбросает нас по Афганистану. Через несколько дней — на войну, куда мы несколько месяцев готовились. А пока нам выдали кучу новых непривычных и ненужных нам сейчас шмоток: шинели, бушлаты, парадки, шапки. Казалось бы, на дворе конец июля, жара под 50… Зачем? Но мы уже знаем — в армии нет слова «зачем». Есть слово «надо». И мы погружаемся в довольно непривычные занятия. (Как вскоре окажется — и совершенно бессмысленные. Но опять же мы в армии. Надо — значит надо…) Макая в хлорку спички, мы «клеймим» все это хозяйство, старательно выводя на изнанке свои фамилию и инициалы. Все «нулевые» вещи, которые мы сумеем довезти до бригады, навеки сгинут в ротной каптерке, и мы никогда больше их не увидим.

Мы пришиваем шевроны, погоны и петлицы на парадки и шинели. Нам невдомек, что кто-то уже месяца через три поедет во всем этом домой. С войны — на Родину. И на этих самых шинелях, висящих на спинках двухъярусных коек, мы же будем

делать «дембельский начес» для осенников призыва 1982 года… Чтобы шинели их были «мохнатыми» и нарядными, как положено гвардейцам-десантникам. А вся «красота», которую мы пришиваем, мучительно прокалывая пальцы, сопя и по-детски высунув язык, будет с этих шинелей оторвана. А на ее место, возможно, снова кем-то из нас, будет уже пришито все предназначенное специально для парадки, «нарядное», «дембельское»: и погон — с пластмассовой вставкой, обшитый стропой, с обтянутыми красной ниткой лычками, и шеврон — с надписью «Афганистан» и годами службы. И вставлять, обшивать, оттягивать и вырезать все это неуставное дембельское великолепие будем тоже мы — несколько месяцев назад прибывшие из Союза молодые бойцы, или на афганском армейском жаргоне «шнуры». Обалдевшие и от того, куда мы попали, и от того, как нас встретили. Но ничего этого мы не знаем пока. Да нам и неважно. Нам достаточно того, что нас оставили на время в покое…

Недоброе прощание

В первый день августа каждый из нас уже знает, куда именно. Примерно половина нашего взвода попадает в первую отправку. В город Гардез, в 56-ю десантно-штурмовую бригаду. Другая половина — в Джелалабад. Несколько человек поедут в Кандагар. То, что я попадаю именно в Гардез, мне пока без разницы. Зато радует, что мы по-прежнему вместе и с Пахомом, с Валерой Лункиным, с Индейцем, Мартыном. С теми, с кем успели уже скорешиться за эти три месяца. А вот Валера Мищенко и Петя Еремеев грустят. Один попал в Гардез, другой — в Джелалабад. Они еще с гражданки дружат, призвались вместе. И вот — расстаются.

Почему нельзя отправлять нас вместе целыми взводами или хотя бы отделениями, по 15–20 человек, мне непонятно. Непонятно, зачем нужно разлучать сдружившихся и притеревшихся друг с другом пацанов? Зачем резать по живому, разлучая друзей, которые, может быть, никогда больше и не увидятся? Впрочем, непонятно мне все это сегодня. А тогда никаких «зачем?» и «почему?» у меня не возникает. За три месяца я хорошо выучил ответ…

Первая отправка — 3 августа. Так что мы еще успеваем отметить на Родине новый пока для нас праздник — День ВДВ. В моем случае — праздник двойной. Можно сказать, квинтэссенция исполнения юношеской мечты — сегодня День ВДВ, завтра — окажусь в Афганистане.

Впрочем, лично мне этот триумф воли родная армия умудрилась испортить. Лет с десяти мои любимые конфеты — соевые батончики. Могу их есть в неограниченных количествах, только подтаскивай. И надо же было так угадать родному командованию, что на праздничном обеде новоиспеченных воинов-интернационалистов решили побаловать… именно этими конфетами! Радости моей не было границ! Чего не скажешь про большинство моих товарищей. Мало кто разделял мои кондитерские пристрастия. Так оно и к лучшему. Все, с кем я сидел за одним столом и кто заметил мой светящийся радостью взгляд, свои батончики сгребли с собой.

Видимо, в честь предстоявшей завтра чуть ли не половине взвода отправки сержанты не стали шмонать нас на выходе из столовой — вопреки обыкновению. Обычно это делалось для того, чтобы никто из гвардейцев, которым толком не давали поесть, не затыривал по карманам куски хлеба. Для чистоты эксперимента, так сказать. Вот лучше бы им и напоследок не отступать от этой

замечательной традиции… Но нет — они как будто не видят, как братка ссыпает мне свои батончики. А надо сказать, что и свои я в столовке есть не стал. Решил отведать в обстановке, более подходящей столь торжественному случаю. Но, став объектом невиданной щедрости товарищей и снисходительности сержантов, я дал слабину и решил, что уж один-то батончик я могу употребить немедленно. Я же три месяца их не ел! Не видел даже!!!!

Разворачиваю, трепеща от предвкушения, обертку, попутно отмечая, что на гражданке даже обертки батончиков куда более яркие и сочные… Да и сами конфеты куда более «жизнеутверждающего» цвета. А армейские — какие-то бледные, невыразительные… Параллельно этим глубоким мыслям разламываю батончик и, уже ничего почти не замечая вокруг, несу ко рту… Хорошо, что «почти». Как ни блаженно мне сейчас, но не заметить жирного белого червяка, вылезающего из самой середины конфеты, невозможно… Вот облом! Надо ж так нарваться! Тьфу! Чтобы загладить мимолетную неприятность, тут же разворачиваю и разламываю второй батончик. И уже предусмотрительно рассматриваю разлом… Та же фигня… Короче, червивые они оказались все. Видать, долго ждали своего часа… С Днем ВДВ тебя, воин! Счастливой дороги в Афганистан, гвардеец!

В общем, радость от долгожданной отправки в Афганистан мне подпортили. Зато все остальное складывается наилучшим образом — завтра наконец-то буду там. Так что в целом жизнь прекрасна! Тем более что в Афгане-то всего этого дурдома, как в учебке, наверняка нет. Там же война. Там все по-настоящему. Там все как братья. Скорее бы уже…

Отлет

Вот и настал этот день. Отправка… Ферганский аэропорт, построение на взлетке, последняя проверка. Жуткая жара, и, как сквозь вату, причитания этого дебила майора. Неужто он не понимает, что поздняк метаться? Да и смысл? Вот даже не могу вспомнить, чем все кончилось в итоге. Врать не стану. То ли сам заглох, то ли слушать мы его перестали — не до него… как ни хорохорься, а понимаем ведь, куда летим и зачем…

Мы уже не здесь — мысленно мы уже там. Хотя и не знаем, какое оно — «там». Три часа лету — и узнаем.

Приятный сюрприз — борт гражданский. Все дела — газировка, стюардессы… Правда, смотрят на нас как-то странно. Я тогда подумал, что из-за панам наших дурацких. За три месяца бесконечной беготни, пыли, пота — они уже вообще ни на что не похожи… Даже на клоунские колпаки. Унылое, в общем, зрелище… Потом, много позже, понял: мы ведь не первые такие у них были. И знали они, куда летим, и ТАМ они уже бывали, и видели, наверное, в Кабуле, как кому-то из нас возвращаться предстоит… Другими самолетами. В другой «упаковке»…

А вот у нас при виде «слабого пола» все тяжелые мысли улетучились. Нам же по 18 всего. А кто в 18 о плохом задумывается?.. Опять же музычка в салоне играет…

Там
(3 августа 1984 года, Кабул, аэродром, пересыльный пункт)

Самолет помню плохо — как-то придавило меня. Не от полета придавило, а от мыслей всяких, с которыми один на один остался. От которых никуда не денешься, хоть бы ты и с пеленок мечтал на войну попасть. И ни стюардессы от этих мыслей не отвлекали уже, ни газировка…

Ярко запомнился только один момент — когда в самолете по громкой связи объявили, что мы пересекли границу Союза Советских Социалистических Республик… Уж не знаю, что мы там должны были при этом испытать. И понимаю, что объявили это не для нас специально, а просто потому, что так положено. Хотя в самолете-то никого, кроме нас, больше не было из пассажиров — получается, что вроде как для нас. Мол, все, ребятки, назад пути нет. Хотя и так его уже не было…

А внизу потянулся унылый однообразный пейзаж. Точнее сказать, отсутствие пейзажа. Бесконечные горы, горы, горы… В общем, тоска внутри, тоска снаружи. Хотя я знал — это пройдет. Это как в самолете, перед прыжком, когда в ожидании сирены и команды выпускающего что-то сжимается внутри, и возникает там какая-то пустота… А потом звучит сирена, ты делаешь шаг, прыгаешь… и сразу становится легко и радостно. И ты безмерно счастлив. Так уже было на прыжках в Союзе в феврале, так было на прыжках в Фергане в июне, так будет и сейчас. Хотя и нет у меня за спиной парашюта.

И вот наш «Ту-154» приземляется. Гражданский самолет — последнее, что связывает нас уже теперь не только с гражданской жизнью, но и с Союзом. На два долгих года Союз станет лишь мечтой, заклинанием, путеводной звездой. Местом, куда нужно обязательно вернуться, но так не хочется вернуться раньше положенного срока…

Самолет глушит турбины и подкатывается к кромке взлетки. Двери открываются… но ожидаемого трапа нет. Из двери свешивается вниз какая-то хлипкая лесенка без перил, даже не достающая до земли. Майор-сопровождающий зычным голосом подгоняет каждого из нас быстрее прыгать на землю. Так хлестает словами, будто палкой лупит.

Высота, в общем, немаленькая, но страх поиметь проблемы с резким майором перевешивает страх удариться при падении. Он

вообще как-то сразу изменился, оказавшись в Афганистане. Даже не верится, что еще сегодня утром этот самый человек что-то там мурлыкал себе под нос.

И уже через несколько минут мы все стоим на афганской земле. Вот так неромантично и произошла моя встреча с мифическим Афганом. Может, потому таким неромантичным будет через два года и прощание…

Насколько осязаемы ощущения последних минут в Союзе, настолько же мутны и невыразительны мои самые первые впечатления от Афганистана. Точнее, не так — они какие-то полубредовые. Как больные сны в детстве, когда температуришь. Все какое-то неральное, недоброе и тревожное. Догадываешься, что это сон, а проснуться не получается.

Второе, что вроде запомнил — каких-то дембелей внизу. Нет, правда — это не из кино, это точно так было. И совсем не как в кино. Потому что они не смотрели на нас суровыми, но проникновенными взглядами дембелей — «старших братьев» из советских фильмов 80-х. И не были злобными дембелями-«упырями» российских фильмов 90-х. Нет, они вообще на нас не смотрели. Даже сквозь нас. Нас как будто не было. Или мы были миражами в дрожащем от зноя воздухе. Бесплотными и безликими духами. Вот это я точно запомнил.

И еще запомнил, что мне это как-то не понравилось. Это совсем не соответствовало тому, чего я ждал. Как представлял себе этот момент. Даже несмотря на три месяца в учебке, за которые «Пионерская зорька» в заднице, как говаривал Капа, у меня существенно поутихла. И все же в «моем» Афгане все должно было случиться как-то по-другому…

Следующая отчетливая картинка — мы стоим строем вдоль кроватей в какой-то палатке, и наш майор дает нам ценные указания. Среди прочего, он подтверждает, что мы-таки в Кабуле, на «пересылке». И далее сообщает о том, что в Гардез мы полетим не раньше, чем завтра, и что ночевать, стало быть, нам предстоит здесь. И что здесь нужно не щелкать хлебалами и не шариться где попало, потому что мигом утащат за колючку «духи» или «обуют» свои.

Про «духов», которые могут утащить уже прямо отсюда, слышать странно, но в целом понятно. Не очень понятно, как и зачем будут «обувать» свои. И непонимание это, видно, читается по нашим лицам.

Тут майор начинает заводиться:

— Не дай бог, сука, у кого-то что-то отберут из обмундирования! Пойдете поссать — это вон в том железном ангаре — идите вдвоем с кем-нибудь. И за мешками своими

смотрите — за казенное имущество отвечаете головой! Не довезете до бригады — звиздец вам там будет!

Насыщенность этого текста непонятными нам смыслами настолько велика, что граничит с бессмыслицей. Почему и зачем кто-то должен у нас что-то отбирать? Почему поссать нельзя индивидуально? И откуда исходит угроза нашим мешкам?

Но додумать об этом мы не успеваем. В это время что-то с шуршанием пролетает над палаткой. С одной стороны, судя по звуку, высоко, но с другой — как будто прямо у нас над головами. Потом еще и еще. От этого звука хочется как минимум пригнуться. Но майор наш стоит прямо, стоим и мы… Хотя в том, что это артиллерийские снаряды, уже никто не сомневается. Но, судя по его спокойствию и отсутствию звука разрывов, обстреливают не нас, а мы. Вот это «мы» как-то очень естественно возникает в голове.

Все же не зря мы три месяца каждый день думали об этом. Ну, не то чтобы прям думали, но помнили постоянно, что у нас впереди. И потому так сравнительно легко внутренне «ощутили» себя частью воюющей армии. Хотя спокойнее-то от этого не стало. Как и от всего сказанного майором, который, решив, что достаточно нас застращал, на время удаляется из палатки. При этом хоть как-то отреагировать на шуршание в небе он даже не подумал — как будто и не слышал ничего.

Причина его беспокойства по поводу наших хождений и сбережения казенного имущества выяснилась очень скоро. Та же палатка, те же мы вдоль коек. Только на улице стемнело. Кто-то из наших уже без панамы. Кто-то — с бланшем под глазом. А у кого-то из всего содержимого вещмешка остался только тонкий ремешок, тренчик, которым он был перетянут. Самыми популярными объектами охоты стали сапоги, береты, шапки и шинели.

И вот майор отчитывает кого-то и стращает тем, что ночь тому предстоит провести в яме с хлоркой:

— Потому что ты, бл…дь, не солдат, ты преступник! Ты просрал казенное имущество!

Так, а ведь я уже где-то слышал это… Где ж это было?

Вспомнил! Апрель, нас только привезли в учебку, ночь мы провели в клубе части, и ночью же с кого-то из парней сняли гражданку. И точно такими же словами, с такими же оборотами нас распекал тогда точно такой же майор. Уж не этот ли? Понятно. Значит, декорации меняются — пьеса та же… Интересно, все остальное здесь тоже «так же»? Да нет, не может быть. Вот доедем завтра до бригады, уж там-то все наладится…

Мы провели на пересылке меньше суток. Все произошедшее

там почти стерлось из памяти. И только два ощущения прочно засели внутри. Во-первых — напряженная тревога. Она сменила заползшую внутрь каждого из нас в утро отправки неясную тоску. А во-вторых — ощущение, что что-то не так. Оно потеснило во мне уверенность, что в Афганистане все обретет смысл и станет больше похоже на то, о чем я мечтал.

Царапнуло где-то внутри: «А может, я это все придумал?» Про Афган, про войну, про воинское братство? «Сам придумал — сам поверил», — как говорила острая на язык Женька, когда я слишком увлекался фантазией, что она моя девушка и будет меня ждать. Хотя знал — ведь она «кошка, которая гуляет сама по себе».

Может, и правда, это «Пионерская зорька» у меня в одном месте — прав был Капа? И правы те, кто правдами и неправдами отмазывает сыновей от Афгана? И нет здесь никакой романтики — только смерть и цинковые гробы? И ничему я здесь не научусь, ничего не пойму — только время потеряю? В лучшем случае время…

Но я, конечно, отогнал от себя эти мысли. Нет, не может быть! Не может быть, чтобы меня обманули все фильмы и все книги, где мне про это рассказывали и на это настраивали! Не может быть, чтобы все это было лишь придумкой для таких, как я! И потом, ведь мы же еще не добрались до Гардеза…

На следующее утро нас выводят за ворота пересылки и ведут к двум огромным вертолетам. Я таких никогда раньше не видел — размером с трехэтажный дом, наверное. Даже не верится, что эта неуклюжая махина может летать. Вскоре убеждаюсь — еще как может. Издает при этом совершенно неописуемый сипло-клекочущий звук, как огромная мифическая птица. Аж в животе от него начинает посасывать, и начинаешь вибрировать вместе с обшивкой вертолета. Особенно на взлете. Как позже узнаю, прозвище у этих вертолетов «коровы». А официально — «Ми-6». Немало пришлось мне на них полетать, больше, чем хотелось бы…

И вот за сорок минут эта «корова» доставляет нас в своем чреве в Гардез. Сидим мы у нее в пузе на полу, так что в иллюминатор не выглянешь. Над чем летим и куда приземляемся — не видно… Открываются огромные створки рампы, и мы, дробно стуча ботинками по металлическим сходням, спускаемся на землю. Вот мы и в Гардезе…

Гардез
(август — октябрь 1984 года)

Прибытие в бригаду осталось в моей памяти как бредовый, горячечный сон. Густое, колеблющееся марево над взлеткой, устланной рифлеными железными листами. Мы, неуверенной толпой бредущие в этом мареве в сторону клуба. И мечущиеся, словно злые духи, вокруг нас какие-то неистовые личности. «Вешайтесь, молодые!»

Очень мило…

Если Фергана и оставила во мне какие-то остатки романтики, то и они улетучиваются с невероятной быстротой, растворяясь в этом мареве и этих злобных заклинаниях: «Вешайтесь, „шнуры“!»

Заводят в какой-то капонир, крытый железом. Оказывается, это клуб. Рассаживают нас внутри по лавкам. А кровожадные неистовые личности продолжают толпиться за дверями, снаружи. И, кажется, как стая волков, готовы разорвать нас на части, стоит только выйти за дверь. Первым к нам обращается седой подполковник. Я его сразу узнал. Ну, то есть не узнал, а понял, на кого он похож. Был такой актер Евгений Лебедев, Кутузова играл в «Эскадроне гусар летучих» и в других фильмах тоже. Седой весь, и брови такие густые и седые. Такой насупленный, но добрый в душе дед-генерал. Тут он, правда, был с погонами подполковника на полевой форме, но это ничего не меняло — сходство стопроцентное.

Меня прямо как-то отпустило слегка, как увидел его — ну вот, первый персонаж из того «кина», которое я сам в своей голове уже несколько лет про Афган снимал. Вот так я и представлял сурового и надежного командира, «слугу царю, отца солдатам». Ну вот, сейчас все и начнет налаживаться…

И тут он, абсолютно с интонацией и мимикой народного артиста СССР Евгения Лебедева, произносит:

— Бойцы, вы прибыли в 56-ю отдельную гвардейскую десантно-штурмовую бригаду. Поздравляю с прибытием! Вам повезло: часть у нас боевая. Мы — одно из подразделений 40-й армии, которое проводит на боевых действиях больше времени, чем в пункте постоянной дислокации.

Эти его слова стали еще одним подтверждением того, что мои надежды начинают сбываться… Но уже следующими он меня «сбивает на взлете»:

— И еще мы удерживаем первенство в 40-й армии по количеству сломанных челюстей…

Было не очень ясно, ставит ли он оба этих достижения на одну доску. Но совершенно ясно, что ни в одном из пунктов не шутит. В общем, вдохновил…

Потом началось распределение по ротам. «Покупатели» уже внимательно присматриваются к нам. Первыми отбирают бойцов представители разведроты. Так уже здесь, с первого же дня, задается своего рода иерархия. Причем вполне объективная: в разведку уходят самые крепкие парни. И те, кто на гражданке серьезно занимался спортом, — прежде всего борьбой.

Потом очередь саперной роты. Остальных распределяет по ротам бровастый подполковник, заглядывая в какой-то разлинованный лист ватмана с кучей пометок.

Три месяца назад то же самое происходило на сцене летнего клуба ферганской учебки. За одну секунду двумя словами сидящий на сцене офицер предопределял, кому и когда ехать в Афган, а кому служить в Союзе. Здесь второй раз происходит эта своеобразная «раздача судеб» — кого куда… Ведь от этого распределения зависит то, в чем будет состоять твоя жизнь почти два ближайших года.

Каких-то 15 минут назад мы были курсантами 6-й учебной роты, а теперь стали разведчиками, саперами, связистами, бойцами одной из парашютно-десантных или десантно-штурмовых рот 1-го, 3-го или 4-го батальонов. Нам еще мало что говорят эти номера и названия. Лишь одно мы четко осознаем — начинается совсем другая жизнь… Жизнь в очередной раз перетасовывает нас, как колоду. Впрочем, мне новый расклад вполне по душе. Мы с Пахомом в одной роте — 2-й парашютно-десантной. Еще с нами Вовка Мордвинов, Олег Никулин и Юрка Лысюк из бывшего 4-го взвода — все земляки-москвичи. И несколько парней, которые в Фергане были в 4-й или 5-й роте. Вот уж у кого была лотерея так лотерея. Ведь это только 6-я рота через три месяца отправлялась в Афган вся. Из 4-й и 5-й только четверть курсантов уезжала в августе, а остальные — в ноябре. Так что кореша наших новых однокашников еще три месяца будут служить в Союзе.

Нас, зачисленных в 2ПДР, как ни странно, забирает только какой-то сержант. Хотя из остальных рот за молодыми прислали офицеров.

Палатки роты в паре сотен метров от клуба, так что скоро все проясняется. Палатки пусты, сержант — прикомандированный из охранения. А рота наша — на боевых, и когда вернется — неизвестно. Так что «вешаться» нам предстоит начать несколько позже. Впрочем, мы толком не понимаем, что это значит… А пока потихоньку привыкаем к бригадной жизни.

Живем все вместе в одной из ротных палаток. Здесь все напоминает о том, что «хозяева» отсутствуют уже довольно давно, а собирались они сумбурно. На кроватях нет белья, только матрасы и несколько одеял; тумбочки выдвинуты в центральный проход, половина из них распахнута. На полу разбросаны какие-то блокноты, листки, письма…

Ночевать сержант уходит к себе на противотанковую батарею. Уходя, он назначает дневальных и оставляет им часы, чтобы знали, когда менять друг друга ночью.

В отличие от находящихся в бригаде соседей — первой и третьей роты, — дневальные которых в бронежилете, каске и с автоматом бродят всю ночь на улице, наши дневальные дежурят внутри палатки. В одну из ночей выпадает и моя очередь дневалить.

Заступаю уже перед самым рассветом и начинаю сонно бродить по палатке взад-вперед, от тамбура к тамбуру, зябко поеживаясь — на дворе середина августа, но по ночам нежарко. Все-таки горы — выше 2500 метров стоит бригада. Да и разница температур сказывается — после дневной жары за 40 ночью мерзнешь и при 25…

Но скоро в окна палатки пробиваются первые лучи солнца, и становится веселее. Это время всегда наполняет меня какой-то внутренней радостью.

Вспоминался дом, и я невольно вздыхал. Все это уже в позапрошлой жизни — дом, девчонки, цветы. Еще в Фергане это казалось хотя бы вчерашним. Все-таки Союз… А здесь даже трудно поверить, что все это по-прежнему существует. Что едут сейчас по утренней Москве машины, поливают мостовые. Что бегают по квадратикам паркета в моей комнате солнечные зайчики. Что где-то там спокойно спят мама, братья, Женька… Женька, которая хоть и не дождется, наверное, но которой готов подарить все цветы мира… Там все по-прежнему, только нет меня. И не будет еще очень-очень долго. Даже подумать страшно — как долго… Но на душе стало почему-то тепло. Видно, я неисправимый романтик…

Так и осталось в моей памяти то утро — теплым, светлым и трогательным. Утро, когда я осознал, что теперь Афганистан — это и моя жизнь… Правда, это было, пожалуй, последнее тепло души на многие месяцы.

Скоро вернулась с боевых рота — и мы поняли, что значит «вешаться»… Начались самые, пожалуй, тяжелые полгода моей жизни. Полгода, когда первый и последний раз в жизни задумался — не лучше ли не жить вообще, чем жить так… Ты «шнур».

Ты никто, и звать никак… А если нужен, есть универсальный оклик для любого из нас: «Один!..»

— Один! Сигарету!..

— Один! Воды!..

И не дай бог не будет через минуту сигареты, воды, листка, ручки, иголки, подшивы, щетки и еще черт его знает чего…

— Сюда иди, сука! Нагнулся! Шею расслабил, мотаешь головой… — И хрясь ребром ладони по нагнутой шее!..

И так — день за днем, неделя за неделей… Беспросветные, безнадежные, одинаковые…

Чужая боль (октябрь 1984 года, Кабул, Центральный военный госпиталь)

Следующие месяца полтора вычеркнуты из моей жизни. Напрочь. Потому что не было ее, жизни. Было выживание. На грани, на пределе. Даже воспоминания о том времени только черно-белые. Хотя нет, одно цветное имеется…

Сентябрь, мы всей ротой рысачим где-то на окраине бригады — тактика. Днем еще очень жарко. Мы, молодые, еще не привыкли к недостатку кислорода на этом высокогорье и еле тащим ноги. Все в поту, в пыли, увешанные оружием и амуницией. И вот этим звенящим табуном пробегаем мимо какого-то капонира и… И видим картину, неожиданнее и нереальнее которой вообразить трудно.

Капонир представляет собой земляную насыпь в форме подковы, высотой метра полтора-два. С углублением внутри около полуметра. В нем может располагаться техника или могут храниться боеприпасы. Но внутри этой подковы лежит бомба. Нет, не авиационная бомба. А секс-бомба! Да-да! Самая настоящая женщина! И мало того — она еще и ГОЛАЯ! Из одежды только темные солнцезащитные очки. И такая она вся спелая, знойная, загорелая… И ноги при этом так нецеломудренно раздвинула, что даже мы, замотанные до полубессознательного состояния и голодные «шнуры», как-то встрепенулись.

Уж что там произошло с дембелями, у которых режим дня более щадящий и питание регулярное, а до дома три месяца оставалось — об этом я судить не берусь. Мне таких подарков под дембель получать не довелось. Даже на бегу.

Самое смешное, что в замешательство от всего этого пришла совсем даже не она, а мы. Потому что за эти три-четыре секунды мы успели сообразить, что это баба одного из старших офицеров бригады. Точнее, мы-то поняли, какого именно, но это неважно сегодня, спустя столько лет. Тех, кому положены были ППЖ (походно-полевые жены), в бригаде было несколько. И жили они все в отдельных домиках, так называемых «бочках». И ходили к ним туда эти мадамы, не особо таясь. И статус их этот вполне устраивал, видимо. Так что никакого особого секрета тут не было. А вот что и сегодня удивительно — это ее реакция на нас. Точнее, отсутствие какой бы то ни было реакции! Как будто и не пробежали мимо, уставившись на нее, полсотни солдатиков. И

ведь даже не прикрылась, пока бежали, даже позу не сменила. Голову только чуть повернула лениво. Как будто и не было нас вовсе… Хотя на самом деле — а существовал ли для нее кто-то из нас? Вряд ли… Впрочем, никогда я этого не узнал и не узнаю.

Зато история эта стала единственной цветной вспышкой в моих воспоминаниях о первых месяцах в бригаде. А дальше — снова жуткая черно-белая беспросветка… Хрясь ребром ладони по нагнутой шее!.. И так — день за днем, неделя за неделей.

И вдруг передышка — госпиталь. Мы с Пахомом угодили туда почти одновременно, с разницей в несколько дней. И даже в одно отделение. Вот ведь переплелась судьба…

Для нормального человека попасть в больницу — неприятность. Для молодого солдата очутиться в госпитале — удача. Если, конечно, целы руки-ноги-голова. У меня целы — мелочи не в счет…

Центральный военный госпиталь в Кабуле для меня сейчас воплощение рая на земле. В существование какой-то там мифической гражданки я уже не сильно верю. Да и думать об этом на ближайшие несколько месяцев мне противопоказано. Опасно. Как опасно задумываться о воде в пустыне — силы отнимает, да и крыша может съехать. О реальном нужно думать, о насущном — как от жажды не сдохнуть, как растянуть оставшиеся глотки.

Госпиталь — как глоток воды из фляги в пустыне. Вода теплая, вонючая, противная и невкусная. Но на какое-то время поддержит тебя и не даст совсем загнуться… Здесь тебя нормально кормят, дают нормально спать и по-человечески к тебе относятся. А с теми, кто пытается относиться ненормально, уже можно «пободаться».

Это в бригаде ты просто «шнур» — здесь ты уже «шнур» из ВДВ. И заложенное в тебя с гражданки фильмами и вбитое за три месяца учебки сержантами представление о собственной исключительности, «элитности» начинает потихоньку проявляться. Особенно когда ты слегка отъелся, восстановил хотя бы доармейский вес, и тебя, крутого нынче десанта, не сдувает ветром…

— Один! Сигарету!

Это уже не обязательно к тебе — уже посмотришь сначала, кто зовет. Свой ли, «полосатый» или кто другой. Своему и сигарету принести не в падлу, тем более что и проблем здесь с куревом куда меньше — стрельнуть всегда есть у кого. Офицеров вокруг навалом, и при этом все они расслабленные, не шакалистые, как в бригаде, где мы для них — вечный источник проблем и объект вздрючивания… Да и внешне офицеры в

госпитале куда меньше отличаются от нас. Пижамы-то одинаковые у всех — синие. И халаты — коричневые… А в таком наряде 20-летнего дембеля от 21-летнего летехи не всегда отличишь. У дембелей-то бывает и гонору побольше — он ведь УЖЕ дембель, а тот пока ВСЕГО летеха…

В общем, нет той дистанции, что в части. Хотя кучкуются офицеры, конечно, и здесь вместе. Так оно и понятно — каждому свое.

Кабульский центральный военный госпиталь — это концентрация человеческой боли, страданий; каждый день напоминает о том, что дорога домой будет непростой.

Каждый день привозят сюда кровавые ошметки афганской мясорубки. И когда идет большой поток раненых, на помощь привлекают нележачих больных. И чаще всего наша помощь требуется именно в приемном покое.

Нередко раненых привозят сюда еще пахнущих пороховой гарью, еще не пришедших в себя после шока. И уже обколотых промедолом. И от этого зрелища тебе, кажется, больнее, чем ему. И хочется закричать от ужаса раньше, чем закричит от нахлынувшей боли он. А как не закричать, когда заносишь в приемную обрубок тела, обгоревший со всех сторон? Он весь, кажется, спекся, сплавился. Вместо лица — сплошное месиво. Сквозь черную корку просвечивает розовое мясо.

Перекладываем его на осмотровый стол. Врач сует мне в руки фонарик:

— Свети!

Я не сразу понял, куда светить и зачем. А врач орет:

— В глаза свети, идиот! В глаза!!!

А где у него глаза? Где в этом месиве глаза и откуда им там быть?

Врач берет мою руку и направляет свет в какую-то лишь ему понятную точку. И тут я понимаю, что там, полузалепленный ошметками горелой кожи, действительно глаз. Хотя, скорее, подобие глаза — какая-то желеобразная масса.

И тут врач начинает с ним… разговаривать. Хотя это скорее крик, а не разговор:

— Видишь свет? Отвечай. Видишь или нет? Дай знать!

Я даже не понял поначалу, к кому он обращается. Сообразил, только услышав откуда-то из-под этого месива какое-то глухое мычание…

Он реагировал! Он жил там, под этой коркой! Внутри этого обрубка, под этим месивом, в котором невозможно было даже приблизительно разглядеть черты человеческого лица… Он цеплялся за жизнь, за этот крохотный лучик света снаружи…

Я даже не хочу задумываться, что он чувствовал в этот момент. Какую испытывал боль. И не знаю, что было с ним дальше. И не хочу знать, не хочу думать и догадываться. Хотя догадываюсь… Но эта чужая боль сидит во мне все эти почти уже 30 лет. И не утихнет. И не уйдет никогда. И не забудется…

Танцор диско

Помимо прочих радостей жизни в виде нормальной еды, сна и человеческого в целом отношения были в госпитале и другие прелести, напоминавшие о давно забытой гражданке. Кино, например. Причем здесь его можно было воспринимать в исходном, первоначальном предназначении — поход в кино с целью просмотра кинофильма.

Дело в том, что встречи с «важнейшим из искусств» нам изредка устраивали и в Фергане, и даже в Гардезе. Но у бойца первого года службы попадание на полтора-два часа в полутемное помещение, где его оставляют на это время в покое, вызывает лишь одну реакцию — сугубо рефлекторную и непреодолимую. Те, кто служил, уже заулыбались… Правильно, он засыпает. Сон этот, конечно, не назовешь глубоким и спокойным — периодически нужно изображать интерес к происходящему на экране. Ибо отсутствие такового порождает ужасную обиду в отцах-командирах и старших товарищах. Их желание приобщить молодого солдата к прекрасному столь велико, что низменное стремление этого раздолбая захрючить доставляет им неизъяснимые мучения, непреодолимо перерастающие в злобное шипенье, подзатыльники, тычки под ребра и тому подобные приемы приобщения к искусству.

Для молодых солдат крайне важно выработать систему поочередного сна, чтобы волны Морфея не выкашивали их ряды одновременно. Чьи-то головы постоянно должны возвышаться… Признаюсь, эту науку мы с товарищами освоили идеально, потому как ни одного из просмотренных за первые полгода службы фильмов я не запомнил даже по названию. В смысле не сейчас не помню, а уже на выходе с сеанса не мог вспомнить. Как, собственно, и содержания.

Справедливости ради скажу, что большинство фильмов, просмотренных позже, уже в бодрствующем состоянии, тоже не произвели на меня впечатления. Видимо, кто-то очень изощренно-талантливый отбирал и распределял киноленты по частям воюющей 40-й армии для просмотра 18 — 20-летними бойцами. Помню, например, как, уже отслужив года полтора, тем не менее, из последних сил боролся с не подобающим «дедушке» сном на «Женитьбе Бальзаминова». Хотя смотрел потом — вроде хороший фильм, актеры шикарные, все дела. Но, видно, всему свое время и место…

Однако я отвлекся. Короче, к моменту попадания в госпиталь кино для нас с Пахомом практически перестало существовать как

искусство. Исключительно как возможность похрючить в относительном покое. Поэтому и первое время в госпитале никакого интереса к нему мы не проявляли — спать и так получалось достаточно. Но, пробыв в госпитале пару недель, мы оказались в команде выздоравливающих. В ней оказывается большинство бойцов, которым уже не нужен постельный режим и особый уход, но которых еще рановато выписывать. Субъектов из этой команды используют на всевозможных подсобных работах в госпитале.

Уж не знаю, чем мы приглянулись дембелю, который заруливал этой командой, но после нескольких «разовых акций» он командировал двух изрядно похудевших «шнуров»-москвичей на суперблатное местечко — в столовую, где питались работавшие в госпитале гражданские специалисты.

Если госпиталь был раем, то гражданская столовая стала для нас райским садом. Тетка, рулившая там, сильно нас полюбила и всячески старалась облегчить жизнь двум заморышам. (Дай ей бог здоровья!) В отделении можно было вообще не появляться. Мы и не появлялись — жили там же, в столовке, поближе к «хавчику» и подальше от проблем в виде более старших по призыву воинов-интернационалистов.

И вот, в виду такой неожиданно выпавшей на нашу долю лафы, когда удалось временно отъесться и отоспаться, в нас вскоре проснулась и тяга к прекрасному.

Из всех посмотренных в госпитале фильмов запомнил я лишь один, зато навсегда. Никогда мне не узнать, какие обстоятельства побудили на это ответственных за досуг и отдых бойцов ОКСВА, но в конце октября в ЦВГ завезли индийский «Танцор диско». Помимо сюжета, в котором добро после долгих и упорных битв побеждает зло, нанося ему звучные удары, проносящиеся в метре от лица, все индийские фильмы похожи огромным количеством песен.

Как очевидно из названия, в «Танцоре диско» было еще и множество танцев. Танцевал и пел главный герой, его любимая, его конкурент, любимая конкурента. Частью сюжета был даже всемирный чемпионат танцев-диско, на котором танцевали придурковатые европейцы, обезьяноподобные африканцы и, конечно же, неподражаемые индийцы. И именно на этом чемпионате главного героя «переклинивало» — он не мог начать танец, и любимая пыталась расклинить его ставшей впоследствии хитом песней «Джимми, Джимми».

К чему я так подробно пересказываю индийский фильм, каких сотни и все похожи друг на друга? Это вы поймете только тогда, когда и у вас в голове зазвучит эта музыка. Вспомнили?

Ритмичная музыка, симпатичная, призывно танцующая девушка…

Джимми, Джимми, Джимми
Аджа, аджа, аджа…

…И полный зал пацанов в госпитальных пижамах. Забинтованные головы, загипсованные руки, ноги, схваченные железными тисками аппарата Илизарова. Кто-то с костылями, кто-то на каталке… Десятки короткостриженых мальчишеских голов и устремленных на экран глаз. Пацаны пытаются что-то острить, ерничают по поводу пышных форм героини. Но каждый из них много бы отдал сейчас, чтобы смотреть эту слезливую лабуду в другом месте и в другом окружении.

Всем ли из них суждено потанцевать под диско? Да что там танцевать — ходить нормально, жить нормально. Да вообще — жить…

Да нет, наверное, сейчас, глядя на экран, они не задумываются об этом — они слишком молоды и оптимистичны для этого. Об этом задумываюсь, спустя годы, я, вновь и вновь, услышав «Джимми, Джимми». И оказываюсь в кинозале кабульского госпиталя. И снова становлюсь 18-летним молодым солдатом, «шнуром» 56-й гвардейской ДШБ, получившим такую необходимую передышку и понимающим, что скоро весь этот призрачный рай исчезнет. Потому что грядет выписка, а «тариться» в госпитале — это не по мне. Хотя возвращаться жутко не хочется. Да нет, не «не хочется» — просто «жутко».

Жутко от того, что, приблизившись хоть чуть-чуть к тому, что называется «нормальной жизнью», пусть самую малость отогревшись на этом тепле под «Джимми, Джимми», нужно снова нырять в темную ледяную прорубь «шнуровского» существования в бригаде. Но куда денешься — кончилось кино, кончились песни, кончились добродушные гражданские спецы и сердобольная завстоловой. Полетели «до дому», будь он неладен…

Неизвестный солдат (ноябрь 1984 года, Кабул)

Вот и прошли три недели в госпитале. Как мне нужна была эта передышка! Как быстро она закончилась… Как жутко не хочется снова в Гардез, но такова суровая реальность. Правда, воплотить в жизнь эту «реальность», будучи солдатом, прослужившим полгода, само по себе немалая проблема. Никакой организованной системы доставки из госпиталей в части нет. Соответственно, как добраться из Кабула в свою часть, ты должен беспокоиться сам. Вот если не доберешься — ты дезертир. А как — твои проблемы. Ограниченному контингенту ты нужен в качестве бойца, в строю, а вне строя — болтыхайся, как хочешь.

Добраться до бригады из Кабула можно двумя способами: либо колонной, идущей до Гардеза, либо «вертушками», которые летят в том же направлении. Мои предпочтения в выборе способа возвращения в бригаду не имеют практически никакого значения. Ведь на колонну меня кто-то должен посадить, а этого «кого-то» у меня среди госпитальных знакомых нет. Формально же все, чем ограниченный контингент в лице Кабульского центрального военного госпиталя готов помочь выписанному бойцу, — это доставить на аэродром на госпитальной «таблетке» — прямоугольном «уазике». Той самой, на которой тебя забирали с этого же аэродрома, куда ты был доставлен «вертушкой». Только тогда ты был пациентом, раненым или больным, и эта «таблетка» становилась средством доставки в оазис относительного спокойствия, тепла, сытости и, главное, хотя бы минимального восприятия тебя как человека. А теперь ты уже выписан, и тем же транспортом тебя из этого оазиса, этой сказки, вышвыривают в полную неизвестность. Выйдя из госпитального «УАЗа», ты автоматически оказываешься в реальном мире, где холодно, голодно, и главное — где ты никто.

Так в начале ноября 84-го года я снова оказался на Кабульском аэродроме, на знаменитой взлетке. Высадили меня у каких-то двух скособоченных палаток, обнесенных масксетью. Называлось это «эвакопункт». Заведовал им боец непонятного срока службы и национальности.

— Куда лететь?

Акцент у него странный, никогда я такого не слышал и даже предположить не могу, откуда он родом. Точно только, что не из Средней Азии.

— В Гардез.

Реакции никакой. Тут с этим своим непривычным акцентом он задает мне самый привычный вопрос:

— Сколько прослужил?

А я, сдуру, честно отвечаю на своем чисто русском:

— Полгода…

Естественно, интерес ко мне как к собеседнику тут же угасает. Зато теперь я вполне интересую его как дармовая рабсила — в армии это на уровне инстинкта. Реализовать свой инстинкт он намеревается с помощью некоего подобия метлы, которую сует мне в руки:

— Давай-ка, подмети здесь! Скоро полковник Картошкин приедет.

Какой смысл мести голую землю? Хоть бы и в связи с приездом неведомого полковника Картошкина.

Своего рода вариация на тему анекдота про прапорщика, отправляющего солдата мести плац ломом: «Мне надо, не чтобы чисто было, а чтоб ты зае…лся!» Только это я еще и без него успею, в бригаде. Там своих картошкиных-морковкиных хватает. Опять же не положено мне, в тельняшке, «припахиваться».

Метлу не беру, отступаю на шаг, прикидывая дальнейшие действия.

— Ты что, душара, опух? Много прослужил?

Пока он произносит этот стандартный текст, прикидываю, что наварить ему, конечно, можно, если что. Но вот только не ясно, до какой степени моя посадка на «вертушку» зависит от этого фрукта.

— Мне на «вертушку» надо, в Гардез. Я из 56-й бригады. А мести не буду!

От решительности моей он слегка оторопел и, как я минуту назад, неожиданно проговорился:

— Сегодня «вертушек» на Гардез не будет. Завтра будут…

Все, теперь мне не интересны ни он, ни даже полковник Картошкин.

«Командующий эвакопунктом» еще пытается на своем тарабарском русском чего-то бухтеть, типа обещает «разобраться».

Об этом я подумаю завтра… Сегодня ловить здесь нечего, начинаем организованный отход. Направление отхода — находящаяся метрах в трехстах кабульская пересылка.

Первый раз я был на пересылке в августе, когда нас привезли самолетом из Ферганы, и мы провели здесь ночь, ожидая вертолетов на Гардез. С тех пор минуло всего три месяца, но, кажется, это было в какой-то другой жизни. Правда, уже тогда я усвоил, что пересылка — место мрачное и для жизни

приспособленное слабо. Собственно, ее неприспособленность для жизни обуславливалась тем, что жить на ней никто и не должен был. Так, перекантоваться. «Кантовались» в основном либо привезенные из Союза молодые, создавать нормальные условия которым в Советской армии как-то не принято, либо уезжавшие в Союз дембеля, которым все уже «по барабану». Ну, и еще такие вот «возвращенцы» из госпиталей, вроде меня, которым «комфорт и уют» тоже, естественно, создавать никто не собирался.

Большинство офицеров ночевали в щитовом модуле у КПП пересылки, а те, кому не хватало там места, — в специально отведенной для них палатке. Там ночью топили печь, на кроватях были матрасы, одеяла и т. д. В остальных палатках, предназначенных для солдат, не топили. При этом где-то были хотя бы матрасы, а где-то — только голые сетки. Самое смешное, что при всем этом попасть солдату без сопровождения в этот «рай» было не так уж просто.

Во всяком случае, караульный у КПП пересылки разговаривает со мной очень грозно. Они вообще очень грозные, все эти вояки из всевозможных взводов охраны всяких штабов, госпиталей и пересылок. Чем дальше от войны, тем более бравый вид и высокомерный тон. А уж рассказов, наверное, на гражданке… Я с ними потом еще пересекался несколько раз, в том числе и с этими, пересылочными, но позже, когда я уже привык смотреть на эту шушеру свысока, а такое они чуют сразу.

Однако пока что приходится принять правила игры, где он крутой, а я непонятно кто…

— Кто такой, что надо?

— Я из центрального госпиталя, мне надо в Гардез.

— А че пешком сюда? А сопровождающий где?

— Высадили у эвакопункта, сопровождающий уехал. А там сказали, что «вертушек» сегодня не будет.

— Кто сказал?

Мне невдомек, чего он до меня докапывается, чего допрашивает. Какая, блин, тебе разница, кто сказал? Какой мне смысл врать-то?

Чуть меньше чем через год я снова окажусь на кабульской пересылке, возвращаясь в Гардез — теперь уже из баграмского госпиталя. Тогда мне, прослужившему почти полтора года, будет уже до того, чтобы вникнуть в устройство пересылочной жизни. Понять, что здесь одно из мест, где собирается человеческая пена Ограниченного контингента. Те, кто не смог пристроиться на «теплое» место в госпитале, но и в часть возвращаться не спешит. И плещется здесь эта пена порой месяцами… Тогда мне станет понятно, почему на каждого бойца, кто пытается проникнуть на

пересылку самостоятельно, здесь смотрят с подозрением.

Но это будет через год, а сейчас я ничего этого не знаю и не понимаю. Впрочем, инстинктивно решаю «подстраховаться», отвечая на вопрос караульного, кто мне сказал про «вертушки»:

— Полковник Картошкин.

Вот как оно бывает! Вот ведь где пригодилось «знакомство» на пересылке!

Видно, про Картошкина этот вояка слышал что-то. Сработало!

— Ладно, проходи…

Как прошел остаток дня и ночь на пересылке, как вообще устроена жизнь в этом до некоторой степени уникальном «углу» Афганистана — отдельная тема. Но лучше вернусь к ней в другой раз, когда смогу рассказывать с позиции наблюдающего за этой «пеной» со стороны (или свысока). А пока пришлось в ней вдоволь побарахтаться.

Для начала в столовую решил не ходить. И правильно сделал — наблюдал потом, как менее предусмотрительные мои «одногодки», пошедшие-таки на поводу у голода и припаханные, естественно, нарядом по столовой, полночи колупались с мытьем посуды от ужина, выносом помоев и так далее. А там и завтрак подоспел… Ну его на хрен — к голоду я привык, а ишачить на каких-то чмырей неохота.

С выбором палатки для сна раздумывать тоже не пришлось. Я поначалу сунулся в одну, где были хоть матрасы. Но вскоре оказалось, что на пересылку как раз пришло несколько больших партий дембелей. Днем они, видно, группировались где-то в другом месте, но к ночи стали расползаться по всем «приличным» палаткам. Одной ногой эти парни уже были на гражданке, но другой еще прочно стояли на земле Афганистана. И смысл существования молодых солдат видели по-прежнему только в одном — «шуршать».

Сбегав раза три за водой и выполнив еще несколько поручений, я понял по их взвинченно-куражистому состоянию, что не успокоятся они за всю ночь. Такая перспектива меня не устраивала — отказаться еще и от сна я был не готов. Короче говоря, из «цивилизации» я потихоньку свалил и остаток ночи пролязгал зубами на металлической сетке, пытаясь хоть как-то укутаться оставленной здесь кем-то шинелью.

В госпиталь меня увезли в октябре, когда ни бушлатов, ни зимних тельников еще не выдали. Соответственно, и выписали в том же, только вот уже в ноябре. А это, как говорится, две большие разницы. К счастью, в палатке оказались еще несколько таких же «хитрецов», и мы, сдвинув железные кровати, всю ночь жались друг к другу, как щенки, в поисках призрачного тепла.

Зато никто не «строил», а временами удавалось-таки на некоторое время «отрубиться»…

В общем, ночь провел вполне сносно. Правда, утром, спросонья, нас застукали «на месте преступления» (как же, закосили от исполнения своего «шнуровского» долга…). Наказание, впрочем, оказалось довольно мягким — отправили убирать бардак, оставшийся в палатках, где ночевали дембеля. Среди этого бардака обнаружилось и несколько почти полных пачек печенья «Pettit Berre», полбанки ветчины «Ham», банка сгущенки и бутылка минералки. Все эти «сказочные богатства» из магазина «Внешпосылторга», которые улетающим дембелям были уже не нужны, для нас стали просто манной небесной. Так была решена проблема голода, уже дававшая себя знать — в предыдущий раз я ел накануне утром, еще в госпитале.

Все-таки нет худа без добра.

Ободренный этой неожиданной удачей, отправляюсь к КПП, намереваясь двинуть на взлетку. И тут воздух наполняется каким-то необычным звуком. Какой-то топот, шарканье, позвякивание. И какая-то необычная энергия — как на море, когда приближается волна. Оборачиваюсь… Это и впрямь волна. Зеленовато-голубая, с белесыми вкраплениями, поблескивающая на солнышке, она движется из глубины пересылки в сторону КПП… В колонну по четыре идут человек сто или больше дембелей. На зеленом фоне парадок колышутся над строем лихо заломленные на затылок голубые береты. Большинство в колонне наши — десантура! На парадках белеют причудливо извивающиеся аксельбанты, сплетенные из парашютных строп. На груди у многих поблескивают медали. Голова колонны уже вытянулась за КПП, а хвост еще не показался из-за ближайших палаток.

Сколько же их! В этот момент все окружающее перестает существовать, становится мелким, незначительным и сиюминутным. Нет больше ни пыльной пересылки, ни голых кроватей, ни уродов-часовых. Уже неважно, что ночью именно эти дембеля не давали нам покоя. Нет сейчас ни Кабула с пересылкой, ни Гардеза с бригадой… Сейчас вся жизнь, все мысли, все чувства, центр самой жизни сосредоточился в этой колонне. Это — цель, это мечта, это будущее. Это то, ради чего живет, выживает здесь каждый из нас. Каждый день, сколько бы кто ни прослужил, мысленно мы вот так же идем к самолету, который унесет нас отсюда.

Домой! В Союз!!! И это — РЕАЛЬНО! Это — ВОЗМОЖНО!!!!!

Все эти мысли проносятся вихрем в голове и у меня и у каждого, наверное, кто стоит сейчас в немом восторге и преклонении перед мощью этой волны. На какие-то мгновения мы

перестаем быть «шнурами» и «ветеранами», десантниками и пехотинцами, местными и «проезжими». Мы все — просто советские парни, оказавшиеся здесь, на войне, и живущие мечтой о доме…

Тут в середине колонны замечаю знакомое лицо. Он? Не он? Да точно он! Марьян Гнатив, мой замкомвзвода. Это точно он, но таким я его никогда не видел. Шинель с начесом разглажена, как и парадка, до третьей пуговицы. Берет чудом держится на самом затылке, над зачесанным вверх белобрысым чубом. На груди — медаль «За отвагу».

Марьян был лихим парнем. Так говорили про него в роте все. Бесстрашным, боевым и в то же время рассудительным. Такую репутацию он заслужил за полтора года, что, как и все, ходил на боевые. При этом был веселым, умел своим характерным западноукраинским говорком рассмешить окружающих анекдотом или шуткой. Но мы, приехав в августе, застали совсем другого Марьяна. С конца августа единственной мыслью, которая, казалось, владела им, была — уехать с первой партией увольняемых. В «первую отправку»… Это была навязчивая идея. И порой казалось, что он просто тронулся. Стал настолько капризным и нервным, что порой доставал, похоже, даже своих. От шуток и веселья и следа не осталось.

Взводом практически все время «рулил» Лемешко, командир моего отделения, спокойный и невозмутимый. Хотя и ему тоже было домой. А Марьян постоянно «болел» — торчал весь день в палатке в непонятно откуда взятых цветастых семейных трусах. При этом «болезнь» совсем не влияла на его здоровый аппетит, и проблема «прокорма» вечно голодного замкомвзвода стала для нас, «шнуров», одной из главных. Мечтая о первой отправке, Марьян почти не трогал нас сам. Но «атмосферу» создавал «способствующую» — мы все время были «в залете», в чем-то виноваты.

Вот почему зрелище Марьяна в парадке и берете, с медалью на груди, на лице которого застыло какое-то очень сосредоточенное, я бы сказал возвышенное, выражение, было для меня довольно непривычным.

Первой мыслью было окликнуть его. Я уже даже и рот открыл. Но осекся. И дело даже не в том, что вряд ли бы он и узнал меня — «шнура», с которым он прослужил каких-то два месяца и к тому же уже три недели не видел. Он бы вряд ли даже вспомнил мою фамилию, а имени-то и не знал наверняка. Зачем?

Но дело, повторюсь, не в этом. А в том, что каким-то неведомым чутьем я уловил — он, все они — уже не здесь. Для них уже нет ни Кабула, ни Афганистана, ни этой пересылки, ни

этих солдатиков, с завистью глядящих вслед. Все их мысли уже там, в Союзе. И самолет, в который их ведут, — лишь средство физически перенести туда их тела. Их нет здесь — и нас нет для них…

Счастливо, ребята! Удачи, Марьян! Когда-нибудь и мы так же пройдем в лихо заломленных на затылок беретах, аксельбантах и позвякивая медалями по этой чертовой пересылке. Когда-то и «наш» самолет отвезет нас туда, где мы уже будем всеми своими мыслями. В Москву и Ленинград, Самару и Казань, Красноярск и Якутию, Украину и Белоруссию, Узбекистан и Туркмению… И еще во много-много мест, о которых ближайшие года полтора можно только мечтать. Но это — будет! Я только что прикоснулся к этому чуду, и теперь я знаю, что оно возможно. Что отсюда действительно есть путь назад. Это — не навсегда.

Обо всем этом я думаю уже по пути к знакомому эвакопункту.

Под впечатлением от увиденного мысли о дембеле захватывают меня настолько, что я успеваю даже подумать, что нам, весенникам, в смысле увольнения в запас везет больше. Во-первых, гемора меньше вдвое. С шинелью-то париться не надо — начесывать там, разглаживать… Опять же и шеврон, и погоны в одном экземпляре делать. Пусть и делаешь это все не ты — но голова-то все равно у тебя болит за это. А во-вторых, парадка сама по себе смотрится в сто раз лучше, чем с шинелью. Да и берет с шинелью как-то странно выглядит. Опять же здесь еще туда-сюда, тепло все-таки. А в Москве, может, уже и снег выпал — в берете-то точно охренеешь. А с шапкой, что с ней ни делай, виду все равно никакого…

В общем, охреневший вконец «шнурина»! Служить еще и служить, а туда же — про парадку он размечтался… Про дембель весной! Аж 1986 года! А на дворе 84-й… Так ведь какие мысли-то приятные. И светлые!

Пока витал в облаках, дошел до эвакопункта. Ну, думаю, интересно, как-то меня фрукт этот экзотический встретит.

Выходит. Делаю вид, что ничего вчера не было.

— Ну что, будут сегодня «вертушки» на Гардез?

— Не знаю; должны вроде быть.

Отвечает неожиданно миролюбиво. Интересно, с чего бы это?

Задуматься о возможной причине перемен в его настроении не успеваю. Над взлеткой раздается уже хорошо знакомый мне свистящий рокот «Ми-8». Внутри что-то сжимается — вдруг «моя». Тогда через минут сорок буду в Гардезе. И все по новой…

«Вертушка» уже близко, причем заходит прямо на эвакопункт. Неужто до такой степени повезло? Красиво так заходит, от солнца, только силуэт вижу. Волна пыли уже до нас добивает.

Метров 20 до вертолета. Только завис он низко над землей и не садится. Странно…

Тут хозяин эвакопункта, повинуясь какой-то только ему понятной логике, хватает носилки и несется к вертолету. На бегу оборачивается и кричит что-то мне. Разобрать из-за рева движков ничего нельзя, но по инерции бегу за ним.

Он уже подбежал к «вертушке», оттуда ему что-то кричат. Он подает им носилки, а из «вертушки» высовываются ручки точно таких же носилок.

Тут подбегаю я. Он жестами показывает — мол, хватайся за носилки. И мы почти на вытянутых над головой руках принимаем их из отсека вертолета.

Немного завалившись на мгновение на бок, «восьмерка» резко уходит вверх, и вскоре ее рокот лишь чуть слышен где-то вдалеке, а потом и вовсе пропадает.

Наступившая вмиг тишина оглушает.

«Оглушает» и открывающееся моему взгляду зрелище. Светит солнце, дует легкий теплый ветерок, колышет редкие выгоревшие травинки. Вдалеке красивым силуэтом вырисовываются горы… А перед нами на носилках лежит мертвый солдат. На нем светлый легкий комбинезон, каких я еще не видел. Тельник. На ногах кроссовки. Он лежит на спине с каким-то непостижимо спокойным, умиротворенным выражением лица. На комбезе ни капли крови.

На первый взгляд можно даже подумать, что он уснул, если бы не маленькая, аккуратная дырочка у него во лбу… Ну, не подберешь других слов — именно аккуратная. Она и расположена ровно посреди лба, и края у нее какие-то ровные.

То, что он солдат, я понял сразу — лицо совсем мальчишеское. На щеках пушок, особенно заметный на фоне загара. Загар у него какой-то бронзовый, красивый такой. Волосы светлые, выгорели совсем. Рукава комбинезона закатаны по локоть, руки тоже загорелые… Но самое поразительное — чудовищное спокойствие в его лице. Как будто, правда, не пуля его убила, а просто заснул, уморившись на жаре. Именно от этого особенно не по себе.

Я в госпитале насмотрелся всякого, пока в команде выздоравливающих был. И мертвых, и умирающих, и подрывы, и пулевые. Но там была кровь, грязь, стоны, крики, мат, слезы… Страшно, но понятно… А тут тишина, солнышко, ветерок, безмятежное лицо, светлый комбез… И это аккуратное отверстие в голове… Жутко и непостижимо. Нереально…

В реальность меня вернул мой «напарник».

— Из Джелалабада. Там где-то заваруха. Говорят, не

последний он сегодня. Давай посмотрим, чего тут есть у него…

Понятно теперь, чего «вертушка» так торопилась. Где-то там, около Джелалабада, такие же вот пацаны с «духами» рубятся.

Джелалабад… Нас из Ферганы первыми отправили, в Гардез. А вся следующая отправка ушла в Джелалабад. Полвзвода нашего. Пит Еремеев туда попал, друг Валеркин. Уж как не хотели они расставаться — из Москвы вместе были. Может, и кто-то из наших там сейчас воюет, в «заварухе» этой…

Уцелейте, пацаны! Удачи вам! А для него все кончилось…

Стали проверять карманы — ничего. Ни военника, ни записки, ни патрона «смертного». Мы перед боевыми из патрона автоматного пулю вынимали, высыпали порох, а в гильзу записку вставляли — имя-фамилия, группа крови, номер части. Пулю на место, патрон в кармашек маленький под ремнем, «пистон». Жетонов-то не было тогда… Ничего нет — прямо «неизвестный солдат».

Через какое-то время подъехала госпитальная «таблетка». Вышли два санитара и офицер какой-то. И к «фрукту» моему:

— Откуда?

— Джелалабад.

— Ясно, давай документы, поехали мы.

— У него нет ничего…

— Как это нет?! И че нам делать теперь? Как мы его оформлять будем? Че ты не взял-то у них ничего; не знаешь, что ли?

— Да они зависли только, мы вон с ним вытащили, и они улетели сразу. Говорят, там плохо все. Больше и не успели сказать ничего.

— Не успели, не успели… А нам теперь что делать? Мозги-то нам будут сушить — скажут, мы виноваты.

Как бы я сейчас врезал этим сытым госпитальным мордам! Козлам этим, которым не грозит получить пулю в лоб под Джелалабадом. У которых всех проблем — чтобы мозги не сушили при оформлении.

Слово-то, б…, какое. «Оформление»… Он еще недавно живой был, про дом мечтал, про дембель, про Союз. А теперь лежит здесь с головой простреленной. И в Союз поедет… «Грузом-200»… [5] А им — «оформление».

Вижу, «фрукта» тоже колбасит. Акцент еще сильнее стал, половину не разобрать, руками машет…

Не знаю уж, как они там и до чего договорились, — отошел я в сторону, не мог слышать это. И в морду дать не мог тогда… Через год бы дал.

Уехали крысы эти. Подошел он ко мне. Молча в палатку

зашли. Сидим.

— Есть хочешь? — спрашивает.

— Не-а… — говорю. — Спасибо…

Хотя есть, конечно, охота уже. Но как-то нельзя сейчас. Да я и понимаю, что он не для того спрашивает. Просто что-то человеческое сказать хочет…

Человеком оказался этот фрукт непонятного происхождения. С душой и сердцем. Как уж он там с душой и сердцем-то постоянно таких пацанов принимает… Таких, как этот наш «неизвестный солдат».

Тут на взлетке снова гул раздался. Только уже другой, мощный… Выглянули мы. «Ил-76» взлетает. Тяжелая громадина, а взлетел так круто. Ловушки тепловые отстреливает и все вверх, вверх, повыше…

Вот и полетели домой дембеля… Те, кому повезло дожить. Кто не стал «неизвестным солдатом». Кто возвращается домой не «грузом-200».

Прощай, Марьян! Живите, парни! Удачи вам.

Больше мы особо не разговаривали.

А через полчаса зарокотали снова «вертушки», и оказались они на Гардез. Видно, многие «фрукта» знали — договорился он с пилотами, взяли меня.

На прощание я даже не спросил у него имени. Да мы и не прощались-то особо.

— Ну, ладно, давай!

— Пока…

Так и остались тоже друг для друга неизвестными. Он остался в своем «эвакопункте» в Кабуле. А я полетел в свой Гардез. Да, именно свой. Пока что «моим» был Гардез, а не Москва.

Тогда я еще не понимал «знаков» судьбы. Не мог понять их смысла. Но пока летели до Гардеза, в голове уже не было места мыслям о дембеле. Я вернулся «на землю». Юный «неизвестный солдат» вернул меня.

И правда — нечего думать о дембеле, который непонятно когда. О доме. Пока что моя жизнь, моя реальность и моя перспектива — здесь. На этой войне, которая для кого-то уже кончилась, а для меня и моих товарищей продолжается. И дай бог не закончится раньше срока. А до срока того еще… Долго, нереально долго…

Прилетел в бригаду. Дошел до роты. Над палатками уже трубы печные торчат — зима скоро.

Первым у ротных палаток встретил Мартына. Еще с Ферганы мы вместе — в одном взводе были. И тут тоже. Он уже в тельнике

зимнем и белой рубахе от кальсон.

— Привет, Тема. Вернулся?..

— Привет, Олег. Да, вернулся вот. Как оно тут?..

Ничего мне не ответил Мартын. Только глазами своими раскосыми глянул, как ударил. И я сразу понял, как оно… Он-то один из немногих, кто ни в каком госпитале не был, так без передышки с августа и «летал».

— Теперь полегче будет… Давай «подключайся», Тема.

Вот и все. Вхожу в палатку. В глубине дембеля кучкуются…

— О, кого мы видим! Сюда иди!

Началось…

Тогда я не умел читать «знаки» судьбы. Но теперь понимаю, что в тот ноябрьский день 84-го года судьба задала мне два измерения в системе координат, в которой мне предстояло жить еще почти два года. Она показала мне одновременно оба варианта возвращения: лучший и наихудший… И про первый пока нужно забыть. Забыть на два года. А вцепиться в эти горы, в свой пулемет, верить в своих парней и жить. Жить этой жизнью, этим днем, этой минутой. И надеяться не стать «неизвестным солдатом».

До Алихейля оставалось три недели… До нашей первой большой армейской операции. А для кого-то и до последней…

P.S

В ноябре 84-го на кабульской взлетке, у тела неизвестного мне пацана, погибшего под Джелалабадом, я мысленно желал удачи своим ферганским товарищам, попавшим туда служить. Вспоминал Петю Еремеева, Валеркиного друга. Они вместе призвались. Мы были в одном отделении в Фергане. Их разлучил Афган. Оказалось, разлучил навсегда… Месяц спустя, в декабре, на Алихейле, погибнет Валера. А еще через три месяца, в марте 85-го, под Джелалабадом убьют на операции и Петю. Вот и встретились снова два друга… Теперь они снова вместе. Навсегда.

Свечи
(декабрь 1984 года, Гардез)

Уже через несколько дней после возвращения в бригаду все, что было со мной в госпитале, стало казаться лишь несбыточным сном, ненадолго озарившим светом сознание затюканного «шнура».

Начало декабря — зима в разгаре, на улице дубак, снегу навалило. Вечер, на улице темно, в палатке уже затопили буржуйку. Половина наших «урыла» за топливом для нее — выдаваемого угля не хватает. Ведь в бригаду завозится колоннами из Кабула все: и боеприпасы, и горючее, и продукты, и даже уголь. А «духам» все равно, что везет колонна, — мочат все без разбора. И если колонна не может пробиться в Гардез, значит, и есть нечего, и топить нечем.

В одну из таких зимних ночей, когда долго не было колонны с углем, буквально до щепочки был разобран отправленными на поиски топлива молодыми летний клуб. Причем не только сами лавки унесли — даже врытых в землю на 30–40 сантиметров столбиков ни одного не осталось. Все до одного выкопали, выгрызли из промерзшей земли.

Но клуб-то разобрали, а топить и дальше надо. Вот и рыщут «шнуры» по бригаде в поисках хоть каких деревяшек или, если повезет, возможности стырить угольку у зазевавшегося чужого истопника…

Остальные — в ожидании привычного уже: «Один!» Кто-то на стреме в палатке, кто-то мерзнет на улице, ждет своей очереди. Всех нас в палатку не пускают — не хрен баловать… Впрочем, во всем есть свои плюсы — на улице дубак, зато не кантуют, а в палатке можно погреться, но зато и «хапнуть» можно — черт его знает, чего дедушкам со скуки в голову взбредет…

Мы «отлетали» уже почти четыре месяца, осталось еще два. Но нам уже все равно — счет времени потерян, чувство боли атрофировано, чувство голода укоренилось настолько, что пересилить его способно лишь неодолимое желание спать…

И все, чего мы ждем с надеждой на облегчение, — это выходов на боевые. Боевые — это каждому взводу своя задача, и, значит, половина придурков расползется по другим горкам и высоткам. И, значит, доставать будут уже не все.

Боевые — это «армейский» сухпай: две банки каши, тушенка и черные сухари. И, значит, часть его — гарантированно твоя (перловку господам дембелям «не положено»). Боевые — это сон

на бронежилете под открытым небом или в окопе под плащпалаткой. И, значит, никаких наведений порядка и неизбежных после этого звиздюлей. На боевых, правда, мины и стреляют — но ведь не постоянно же, не 24 часа в сутки. А в бригаде-то «шуршишь» без передыху. Короче, война — это хоть какая-то жизнь…

Уже второй день нас готовят к смотру перед какой-то «армейской операцией». Что это такое и чем она отличается от операции обычной, мы не знаем, но, похоже, отличается. Во всяком случае, никогда ротный и взводные не уделяли столько внимания тому, что лежит у нас в РД.

Алихейль какой-то… Эх, скорей бы уже «на войну» — «летать» уже сил никаких нету. Хоть на Алихейль, хоть к черту на кулички…

Вот и моя очередь в палатку идти… В тамбур заходишь — как из самолета выпрыгиваешь… Только там три секунды, раскрылся купол — и кайф. А тут — сразу об землю… В дальнем углу палатки собрались «ветераны» и дембеля первого взвода. Серега Волк что-то негромко поет под гитару. Почти идиллия…

> О чем-то дальнем, неземном,
> О чем-то близком и родном,
> Сгорая, плачут свечи.[6]

Вот ведь сидят, слушают песню — нормальные же пацаны… Ну вот, меня заметили. Эх, сейчас начнется…

И тут лампочка под потолком палатки, несколько раз моргнув, гаснет. Палатка сразу же погружается во мрак, и только вокруг печки возникает багровое свечение. Но его недостаточно даже для того, чтобы осветить лица сидящих рядом. А уж меня-то и подавно не видать.

Запнувшись на секунду, Волк продолжает петь.

Постояв немного для приличия около входа, усаживаюсь на краешек ближайшей к входу койки. Если свет внезапно зажжется, то за такие вольности мне несдобровать, но уж больно велико искушение, да и по опыту знаю — быстро его теперь не включат.

Прислонившись к железной спинке, угревшись, начинаю проваливаться… Тепло и сон, обхватив с двух сторон, утаскивают меня куда-то далеко. Сопротивление бесполезно. Погасший неожиданно свет вырвал меня из привычного круга проблем, забот, беспокойств и переживаний. Я уже не помню, когда я вот так спокойно сидел. А тут еще песня…

Господи, когда все это было — снег и холод за окном, приятное тепло дома, приглушенный свет, музыка… Ведь совсем

недавно, а кажется — целую вечность, в какой-то другой жизни. Да и была ли она, эта другая жизнь? Где нет маклух, колобах, построений и «фанеры к осмотру», где нет каратиста Кондора, который использует нас как макивары, и боксера Сираича, для которого мы живые груши. Невменяемого Дурбека, который будет душить, пока не отрубишься, и тупорылого Какаева, который не может связать двух слов по-русски… Где не нужно воровать сахар и сгущенку, бегать по ночам на хлебозавод и жарить картошку в арыке. Где не нужно таскаться в дукан, чтобы продать ворованные бушлаты или кровати и к утру «порадовать дедушку» афганями. Где нет всего этого концлагеря, по недоразумению названного «службой»…

Но ведь где-то же она есть, эта жизнь! И я обязательно вернусь туда, я смогу, я выдержу и дотяну.

Уже скоро на боевые, на операцию. Даст бог, она продлится подольше, а там уже и Новый год, а там и февраль. А февраль — это значит, жизнь продолжается, и придут другие, которые сейчас только в Фергане. Которые думают, что им тяжело, что им плохо. Они еще не знают, что такое плохо, но скоро узнают, мы им покажем. Поскорее бы, поскорее…

— Рота, строиться на вечернюю поверку!

Все, пошел я…

Гришин
(8 декабря 1984 года, Нарай — Алихейль)

То, чего мы с таким вожделением ждали с конца ноября, наконец-то случилось. В один прекрасный — без преувеличения — день мы получаем в ружпарке оружие, боеприпасы, взваливаем на спину не раз уже проверенные РД и отправляемся в автопарк, где с раннего утра ждут под парами наши «ласточки» — БТРы.

Затуманив все вокруг сизым вонючим дымом, бригадная колонна потихоньку начинает вытягиваться в сторону Гардеза. Бригадные палатки все дальше и дальше от нас и скоро совсем уже теряются из виду.

Прощай, наш постылый дом! Подольше бы тебя не видеть!

После долгого и муторного марша по горным дорогам приехали к горе Нарай. Тут стоит какое-то афганское подразделение, и, похоже, больше на пути к Алихейлю союзничков не предвидится. А там — последний афганский гарнизон перед пакистанской границей. Как нам объяснили в общих чертах, смысл этой «армейской» операции — проводка колонны с продовольствием и боеприпасами к этому осажденному духами гарнизону.

Теперь мы знаем, что «армейской» она называется потому, что участвуют в ней части 40-й армии из разных частей Афганистана, а не только наша 56-я десантно-штурмовая бригада, в зоне ответственности которой этот самый Алихейль находится. Что для знающих говорит о масштабности и сложности предстоящей задачи.

Впрочем, мы, молодые, к таковым пока не относимся. Хотя готовили нас к этой операции непривычно тщательно. Было несколько тренировочных выходов в горы, стре льбы, несколько строевых смотров, на которых проверялась наша экипировка, вплоть до наличия запасных портянок в РД. Причем проводили эти смотры для каких-то суперважных проверяющих чуть ли не из Ташкента, из командования округа.

Но какими бы благими намерениями эта тщательность ни была вызвана, — ничего, кроме неприятностей и дополнительных сложностей, нам, молодым, она не принесла. Потому что, как правильно укомплектовать тот же РД, никто нам до этого особо не объяснял и не показывал. «Правильно» в смысле того, что должно в нем находиться по кем-то когда-то и где-то

придуманным и утвержденным правилам. Причем этот «кто-то» вряд ли когда-то сам бывал в горах, тем более — на боевых действиях. И даже размер РД не очень хорошо себе представлял. Иначе вряд ли бы в этот «правильный» список вошла бы куча ненужных вещей типа зубной щетки, запасной подшивы для подворотничка и всякой прочей хрени, которую никто, естественно, на боевые с собой никогда не брал. Какая там зубная паста — иногда каждый глоток воды на вес золота…

Соответственно, всю эту хрень нужно было перед строевым смотром в РД уложить, расхаживающему с важным видом проверяющему полковнику продемонстрировать. И не дай бог чего-то крайне важного в РД не окажется. Ротного «имеют» тут же на плацу. А дальше — по нисходящей, с предсказуемым для нас, «шнуров», результатом…

Короче, пока готовились к операции, задолбались так, что уже дождаться не могли, когда же «на войну».

И вот, дождавшись, наконец тронулись в путь.

Около Нарая мы стоим дня два-три — каждый день ждем, что пойдем в горы. Которая именно из окружающих нас гор та самая, Нарай, — мне пока невдомек. Да и, в общем-то, все равно. Раз сказали, что мы встали бригадной броней в районе такой-то горы — значит, где-то тут она. Собственно, мне-то никто ничего не говорил — услышал случайно бухтелово по связи в БТР. Откуда было знать в этот момент, что Нарай этот навсегда в памяти застрянет. Как осколок, который всю жизнь под сердцем носят… Не Гиндукуш, не Панджшер, не Черные горы или что-то еще звучное и впечатляющее. Нет, из всего горного многообразия Афганистана глубже всех засядет мне в душу Нарай…

Впрочем, пока что значительно больше меня заинтересовало относительно плоское пространство между гор, на котором расположилась броня нашей бригады. Вся эта плоскость усыпана неким подобием крупной гальки и серого то ли песка, то ли гравия. Может, и не серого, но низко нависшие свинцовые облака, из которых периодически начинает валить снег, окрасили серым, кажется, все вокруг. Посреди этой площадки течет то, что здесь называют реками, — метра три шириной, полметра глубиной, но течение быстрое.

Главное ощущение от остановки на Нарае — постоянная зябкая сырость, холод и тревожное ожидание. Тревожное потому, что сразу за границей «гальки» начинаются горы, склоны которых уходят вдаль; иногда даже не видно, где заканчиваясь. Куда-то туда нам предстоит идти. Когда, зачем? Что нас там ждет? Непонятно.

А пока мы поставили палатки, и практически все наше время

занято обустройством быта. Нужно на этом голом каменном пятаке насобирать палок, щепок и всего, что может гореть. Потому что в дорогу нам дали сухпай и его надо на чем-то греть; а ночью нужно чем-то топить буржуйки в палатках и костры перед ними. Естественно, все это ложится на наши плечи. Мы — «молодые», «шнуры». Мы прослужили чуть больше полугода, восемь месяцев, в Афгане — четыре из них.

Помимо того, что нам нужно организовать быт и отдых всей роты, не дает скучать и взводный Плотников. На второй день он решает устроить для нашего второго взвода, где «шнуров» большинство, «купание».

Мы и в бригаде не были особо чистыми, поскольку постоянно нужно что-то мыть, стирать, таскать уголь, дрова, топить буржуйку в палатке. А уж за время марша и подавно стали чернее негров — при том, что на стоянках постоянно жжем костры и греем сухпай в обожженных цинках из-под патронов, которые, за неимением дров, ставим на коптящие банки с соляркой.

Плотникову это не нравится — он бодрый, плотный, коренастый мужик лет 28 на вид. В офицерском бушлате ему тепло, кормят офицеров неплохо, его энергии нужен выход. Строем мы идем к «речке».

Вылезать пусть и из куцего, тонкого, но все же кое-как греющего солдатского бушлата не хочется. Еще меньше хочется, стоя на берегу холодного и быстрого потока, стаскивать теплый зимний тельник и надетую на него исподнюю рубаху. Но Плотников не дает раздумывать — через минуту все мы, уже по пояс голые, намыливаемся по очереди куском хозяйственного мыла. Сначала отмываем руки, а потом, уже почти ничего не чувствуя этими руками, моем свои тощие тела. Мне хуже других — пока ехали сюда по горам на броне, я, естественно, не снимал ушанку, повязанную на уши, и мое отбитое кем-то еще в бригаде и начавшее еще там гнить ухо намертво присохло к ворсистой внутренней стороне шапки.

По пояс голый, но в завязанной ушанке, я тут же привлекаю внимание взводного.

Выслушав, в чем дело, он, недолго думая, приказывает мне развязать ушанку. Заметив признаки колебаний, резким движением сам сдирает ее с головы вместе с коркой засохшего гноя и крови на ухе. А как кажется в этот момент мне — и со всем ухом целиком.

Оценив «масштабы бедствия», Плотников «наваривает» мне по здоровому уху, а больное приказывает перевязать санинструктору роты Лене Чмырю. Теперь, еще не отправившись на «боевые», я уже хожу с забинтованной головой. Мало того, что

все, естественно, подкалывают про «бандитскую пулю», — дополнительное неудобство еще и в том, что с такой «белой отметиной» я намного чаще попадаю на глаза и офицерам, и «ветеранам», когда нужно припахать кого-то для всевозможных мелких хозработ.

Именно тогда и именно поэтому судьба в последний раз сводит меня с Гришиным. Из «ветеранов», прослуживших год, он выделялся не особо. Разве что тем, что хорошо рисовал и периодически занимался оформлением ротных боевых листков. Тогда он запирался в палатке ленинской комнаты и, быстро нарисовав бо льшую часть, заваливался там спать. Еще недавно, до нашего приезда, «ветераны» были точно такими же, как мы, «шнурами» и привычки шнуровские — в первую очередь вечный недосып — еще не изжили.

Поскольку палатка, где жили первый взвод Гришина и мой второй взвод, находилась как раз напротив ленкомнаты, то довольно часто мне приходилось быть у Гены на шухере. При появлении замполита, старшего лейтенанта Шмыгаля, или комсорга роты, дембеля Рината Габайдулина, я должен был предупредить его, чтоб он вскочил и принял «позу творца».

Не знаю уж, из-за своей ли склонности к «искусству» или из-за того, что призвался он из подмосковного Клина, но Гена был довольно спокойным «ветераном». Без лишней надобности нас не мордовал, но припахивать, конечно, припахивал. Ведь главный закон жизни «ветерана»: «Не можешь припахать молодого — делай сам».

Именно в соответствии с этим законом в декабре 84-го меня и «зацепили» Гена Гришин и его земляк из Подмосковья Мишка Сергеев. Им поручили принести из «речки» воды в здоровом «стакане» от столитрового термоса. Делов там и для двоих немного, но тут им на глаза попался я со своей «белой отметиной» и был тут же припахан — дело принципа.

Я пытался отмазаться, но вечно угрюмый на тот момент Сергеев так угрожающе зашипел, что пришлось покорно тащиться с ними. Мишка был пожестче Гены, и уж за ним бы точно «не заржавело». А у меня и так уже благодаря «воспитательной работе» взводного звенело «в обоих ухах».

Начерпав котелками воды в «стакан», мы зацепили его под загнутый край бляхами ремней и по очереди (точнее, они по очереди, а я бессменно) потащили к палаткам роты. И надо же было нам попасться по дороге на глаза нашему Плотникову! Он тут же скумекал, что его «молодого» припахали «ветераны» первого взвода, и, пообещав им скорые проблемы, забрал меня.

Взгляды, которые бросали мне вслед Гришин с Сергеевым,

которым предстояло еще полдороги, будто последним «шнурам», тащить неудобный бидон, не предвещали ничего хорошего. Офицерское заступничество, как всегда, оборачивалось еще большими проблемами.

Как ни грустно, таким я его и запомнил, Гену Гришина, — злобно смотрящим на меня своими глубоко посаженными, какими-то бесцветными под серым небом Нарая глазами. Таким я запомнил первого в жизни погибшего у меня на глазах человека… А жить Гене оставалось меньше суток…

В тот вечер и ночь руки у них до меня не дошли, а утром нам поступила, наконец, команда выступать в горы. Парадоксально, но мы, молодые, уже были и этому рады. Постоянные хозработы и припашка, а также докапывания дуреющих от скуки и ничегонеделания дембелей и «граждан» достали жутко, а в горах ты все больше со своим взводом, и количество «агрессоров» резко уменьшается. И приказали бы нам одним нашим взводом пробить аж до самого Пакистана путь для колонны через душманские засады — по-моему, с радостью бы согласились, только бы свои в покое оставили. Ничего не скажешь — умеют в Красной армии боевой «дух» бойцов поднять. То, что еще пару дней назад скорее пугало, теперь вызывало облегчение. Правда, настроение слегка подпортилось тем, что, как оказалось, с нами идет и «ветеранский» первый взвод. Но хотя бы избавлялись от придурков-дембелей из третьего.

Мы выдвигаемся в горы колонной по одному вперемешку — первый взвод и наш. Из офицеров — оба взводных и замполит.

У меня на шее доставшийся мне сразу по прибытии в Афган «АКМ».[7] В отличие от обычных у нас в бригаде десантных «АКСов»,[8] у него нескладывающийся деревянный приклад и металлический магазин. Этот «АКМ» предназначен для использования с ПБСом, «прибором бесшумной стрельбы». Правда, самого ПБСа нет — уж не знаю, куда он делся из нашего ружпарка, произошло это еще до меня. Но армия есть армия — положено кому-то таскать эту единицу оружия, пусть таскает. А смысл… кого ж волнует в армии смысл?

Дополнительное неудобство в том, что у «АКМа» калибр 7,62 — патрончики покороче, но и потолще, чем у «АКСа». А поскольку, будучи «шнуром», я тащу, как положено по уставу, два БК, то есть 900 патронов, и часть из них забита в металлические, а не пластиковые, как у всех, магазины, ноша у меня ужасно тяжелая. Прибавить сюда еще четыре гранаты, дымы, пирофакелы, ракетницы, каску, бронежилет, саперную лопатку, ватные штаны, валенки, плащ-палатку, сухпай на трое суток (а это девять тяжеленных консервных банок и три объемные пачки

сухарей)… И вот все это хозяйство весом килограммов в тридцать пять и объемом с полменя тащу в горы я, московский мальчик, никогда не бывавший до армии в горах выше Ленинских. Последние семь месяцев ни разу не выспавшийся и не наевшийся досыта. С гниющим под бинтами ухом. При всем при этом на ногах у меня тяжеленные кирзачи с портянками, в которые нас переодели лишь месяц назад. А портянки мотать особо никто не учил (в Фергане-то мы ходили в ботинках, а в Афгане по приезде дали полусапожки на шнурках и под носок). И проверяющих на строевом смотре не интересовало, умею ли я наматывать портянки. Главное, чтобы запасные с собой были, «как положено». Картина маслом.

Стоит ли говорить, что уже через час пути сердце выпрыгивает из груди, дышать нечем, ноги подкашиваются и начинают стираться в кровь, головы не поднять. А это мы еще идем по довольно пологим склонам предгорий. Все чаще я останавливаюсь, пытаясь перевести дух, но ни к чему это не приводит, кроме того, что сдвинуться с места после остановки еще труднее.

Ко мне подходит замполит. На тот момент он меня уже невзлюбил за то, что сделать из меня стукача не получилось. И вот он начинает грузить в своей обычной манере: что-то про то, какое я чмо и никакой не штурмовик, и из-за таких, как я, и т. п. При этом он в легких «афганских» полусапожках; в РД у него, судя по размерам, сухпай и несколько магазинов, а никакого дефицита веса, судя по всему, не наблюдается.

И вот такой «политработой» он «облегчает» мне мои страдания. Ответить нечего, да и не положено, и я продолжаю, как усталый мул, ковылять в гору. Все мои мысли в этот момент только про привал, но я понимаю, что надеяться на него в ближайшее время не приходится. Впереди с третьим взводом наш ротный, капитан Пикунов по прозвищу «Рекс», прет в горы, как танк, и тормозить из-за каких-то салаг явно не намерен. Тем более что у него есть задача; он знает, куда мы идем и зачем. В отличие от нас, которым это знать не положено — иди себе и иди до следующей команды.

Все случается в тот момент, когда мне кажется, что я скоро просто упаду и не смогу идти вообще, пусть замполит хоть усрется. Наша цепочка начинает забираться на холмик впереди и чуть справа с круглой вершинкой. К этому моменту я иду уже в окружении «ветеранов» из первого взвода. Впереди меня Кравченко, сзади Гришин и еще кто-то из их взвода. Чуть дальше — Вовка Мордвинов. Он нашего призыва, но вместе с Белым и Пахомом угодил в «ветеранский» первый взвод.

Параллельно с нами идет цепочка «зеленых», солдат правительственных афганских войск. Я слышу, как с верхушки холма кто-то зовет бойцов первого взвода. Первая мысль — срезать, уйдя правее, через какие-то низкие кустики. Но тут соображаю, что, видимо, наши собираются где-то впереди, и продолжаю идти за Кравой. А он, как учили, выруливает к вершинке по следам впереди идущего, а тот, в свою очередь, идет за своим «ведущим». А впереди всей цепочки двигается со щупом сапер.

«Привал!!!» — мелькает мысль у меня в голове.

И это последнее, что можно еще назвать осознанной мыслью. Все последующее — вспышки памяти, обрывки ощущений, звуков, событий.

Где-то очень близко, справа и сзади, кажется, прямо у меня за спиной, раздается мощный взрыв. Я падаю, чувствую, что меня чем-то бьет, как ни странно, в лицо… Потом секундная темнота — и почти одновременно жуткая стрельба со всех сторон. И какой-то даже не крик — истошный вопль. Ничего не понимаю, что со мной и что происходит вокруг. Краем глаза вижу лежащего неподалеку слева «зеленого», куда-то палящего из своего «АКМа».

«Надо тоже стрелять», — успеваю подумать я и уже стаскиваю с шеи ремень автомата. Но тут каким-то сторонним слухом улавливаю, что стрельба идет только с нашей стороны, по нам не стреляют. Видимо, в ту же секунду доходит это и до «зеленого».

В наступившей резко тишине еще более отчетливо и нестерпимо звучит, бьется в холодном воздухе этот то ли крик, визг, то ли вой. Не знаю, как назвать этот звук, но он нечеловеческий. Никогда — ни до, ни после — не слышал я такого.

Я встаю, инстинктивно разворачиваюсь на этот крик и вижу, что на земле лежит какое-то землисто-серое существо, производя совершенно неестественные движения. Фокусируюсь еще немного и понимаю, что движения эти — дрыгающийся обрубок ноги и болтающиеся кровавые ошметки выше того места, где должно быть колено. На все это уходят секунды. За эти секунды к лежащему уже подбегают Плотников с кем-то еще, а я понимаю, что лежащий на земле — это Гена Гришин.

На бегу взводный спрашивает, что за кровь у меня на лице, хотя я ничего не чувствую. Убедившись, что мне всего лишь посекло лицо мелкими камешками, он забывает про меня и бросается к Гришину. Лихорадочно пытается перевязать его, остановить кровь, наложить жгут. Ему срочно нужно что-то, чтобы перетянуть ногу.

— Шейнин, тренчик есть? — кричит он мне.

Я, и без того одуревший, тупо не понимаю, зачем ему тренчик — узкий брезентовый ремешок для поддержки штанов х/б. У взводного нет времени на объяснения, он просто поднимает мой «бронник», бушлат и х/б, расстегивает тренчик и выдергивает его. Теперь ему нужно что-то, чтобы затянуть, — на это годится шомпол моего «АКМа».

Все это время Гришин неистово бьется, пытается приподняться и посмотреть на свою ногу; Плотников удерживает его, но тщетно. Гена кричит не переставая. В голове ужасный звон, тошнит, но все это отходит на второй план, когда до меня будто сквозь вату в ушах и шум в голове доходит, что он кричит:

— Убейте меня, убейте!

От неожиданного просветления в мозгу мне совсем не легче — от этого крика и от этих слов можно просто свихнуться.

Под Гену подкладывают плащ-палатку, она тут же густо намокает кровью. При этом Плотников уже вроде бы перетянул ногу в месте отрыва. Больше разобрать ничего не возможно, нижняя часть Гришина вся в крови. Его начинают переворачивать, и тут Плотников растерянно и безнадежно выругивается…

Переворачивая Гришина на плащ-палатку, они обнаруживают, что и вся правая сторона уцелевшей ноги Гришина разорвана. Именно оттуда кровь текла на плащ-палатку все время, пока Плотников перетягивал культю. Он не видел ее источник, не обращал внимания, думая, что главная проблема — оторванная нога, а тем временем Гена истекал кровью. Никто из нас не знает в этот момент, что, уходя в горы, Гришин зачем-то (он вряд ли и сам бы объяснил, зачем) положил в карман х/б гранату от подствольного гранатомета, которые обычно переносят в специальном портпледе. В конечном счете этот необъяснимый поступок стоил ему жизни наряду со стечением нескольких других обстоятельств.

Услышав голоса своих с вершины, он резко пошел вправо, напрямки. Как раз через те кустики, которые секунду назад миновал я, не поддавшись первому импульсу срезать через них путь наверх. Собственно, «пошел» — это не совсем правильно; он сделал лишь один шаг в сторону. И это был тот шаг, который, как часто бывает на войне, определяет всю судьбу. Гена наступил прямо на предусмотрительно закопанную «духами» в кустах мину. Мина эта была на самом деле банкой из-под нашего же сухпая, которую «духи» забили пластидом и воткнули внутрь взрыватель с растяжкой. Мина взорвалась, Гене оторвало ногу, а в кармане сдетонировала «ВОГ», разворотив ему весь бок.

Но ничего этого Плотников не знает. У него нет времени останавливать кровь во втором участке поражения, и он не

представляет, что тот может быть таким серьезным. Взводный думает, что сейчас главное — быстрее отправить Гришина в госпиталь. «Вертушки» уже вызваны. Он с бойцами первого взвода подхватывает плащ-палатку с затихшим уже под воздействием вколотого промедола Гришиным, и они тащат ее на какой-то соседний холм, где должна сесть «восьмерка» — там уже распускаются оранжевые дымы…

Только вернувшись с операции, мы узнаем, что Гену не довезли до госпиталя — потеря крови была слишком большой, жгут оказался бесполезным…

Потом я много раз убеждался, как много может значить один шаг, одна секунда, одно инстинктивное движение. Но в тот день это было впервые — Гена наступил туда, куда собирался ступить я. Наступил спустя секунды после меня. А ведь это могла быть МОЯ мина…

Впрочем, эти мысли придут потом, намного позже — даже, наверное, не в Афгане. Там я вряд ли успевал задумываться, хотя судьба преподнесет мне еще много таких поводов. Причем, к сожалению, очень скоро.

И вот после горячечной суеты наступает неожиданно резкая тишина. Все это время я стою неподвижно, и никто не обращает на меня внимания. Пытаюсь сделать шаг, ноги слушаются плохо. Тут я уже начинаю чувствовать и то, как ноет в нескольких местах лицо — на ощупь кажется, что оно все покрылось волдырями. Но я по инерции продолжаю брести вперед — на холме еще царит некоторое замешательство, усиливаемое подавленностью от случившегося.

«Зеленые» поднимаются и уходят вперед, мы же пока остаемся. Наши уселись, кто где стоял, и используют возникшую паузу для неожиданного отдыха.

Я добредаю до вершины холма и обнаруживаю там какое-то углубление, перекрытое подобием досок, — что-то типа лаза в блиндаж. В своем сомнамбулическом состоянии зачем-то прусь к нему и уже собираюсь туда спуститься. В последний момент меня окликает Мордвин:

— Пингвин, чего ты шаришься, не лазь тут. Саперы пусть все осмотрят.

Я послушно сажусь на самом краю ямы. Вскоре подходят саперы, прощупывают дно углубления и выковыривают оттуда еще две самопальные противопехотки…[9]

За последние полчаса судьба уберегает меня второй раз. На сей раз, к счастью, не такой дорогой ценой, как с Гришиным. Мордвина мой ангел-хранитель оставил целым.

Когда начинаем движение и проходим метров пятнадцать,

кто-то замечает в стороне от тропы непонятный предмет. При ближайшем рассмотрении это оказывается полураспоротый сапог с остатками ноги выше колена. Все, что осталось от Гены Гришина…

Поднявший жуткую находку застывает в сомнении, что делать — нести бессмысленно, бросить не поднимается рука… Из оцепенения его выводит голос ротного: «Какого хера опять встали, вперед, вторая рота!»

В голове опять загудело. Чмырь обработал мне раны, часть замазал йодом, и теперь моя забинтованная голова уже не выглядит столь по-дурацки. Потом мы долго плутаем и, как я понял по радиообмену взводного, упорно карабкаемся на какую-то гору, которую нам нужно было бы обойти понизу. Все сливается в один сплошной ритм движения: гул в голове, ноющее лицо, тяжесть РД, продолжающие натирать ноги портянки.

Следующие несколько дней помню очень смутно, как один бесконечный день, в котором вспышками выделяются какие-то события. Вся эта операция, «первый Алихейль», разделилась на ДО и ПОСЛЕ Гришина.

Уже потом, дома, когда снова и снова в моих снах Гена будет нечеловеческим голосом кричать: «Убейте, убейте меня!» — я пойму, что на ДО и ПОСЛЕ Гришина разделилась в тот день, в декабре 84-го, вся моя жизнь.

Замполит
(9 декабря 1984 года, Нарай — Алихейль)

После подрыва Гришина мы застряли где-то на час. Судя по тому, как попер вперед наш ротный Рекс, командование не особо взволновала причина нашей задержки — им важно было выполнение задачи.

После этого вынужденного привала нас опять поднимают.

«Приготовиться к движению, рота!» — своим резким зычным голосом орет Пикунов.

И мы опять куда-то бредем, опять не понимая куда. Чередующиеся подъемы и спуски слились в одно бесконечное движение. Которое никогда, кажется, не прекратится и которое происходит уже как бы помимо тебя.

Вот если б еще кто РД за меня потащил…

Но через какое-то время мы все же спускаемся в долинку между горами. Здесь течет какой-то арык. От одного взгляда на бурлящую воду становится холодно.

Теперь мы идем по раскисшей земле, периодически спотыкаясь и поскальзываясь под весом снаряжения. Спустя некоторое время начинаю обращать внимание на странные звуки. Ни птиц, ни насекомых здесь представить невозможно, но иначе как свистом этот звук не назовещь. Через какое-то время прислушиваюсь и понимаю, что это свистят вокруг пули. Но свистят как-то отрывочно, словно на излете.

Видимо, это же слышат и наши отцы-командиры, и мы сбиваемся в кучу за какой-то сопкой. Как им удалось определить направление, откуда ведется стрельба, — не знаю, но свист вокруг временно прекращается. Потом мы снова начинаем идти, свист периодически возобновляется, но на него уже никто не реагирует.

Отупение от усталости такое, что мысль о свистящих пулях уступает место надежде на ожидающий рано или поздно впереди привал. Проходим мимо странных сооружений — круглые башни, похожие на крепостные, разбросаны тут и там на вершинах холмов. Людей не видно, но ощущение, что за нами все время кто-то наблюдает. Кто-то очень недобрый. Такой же холодный, как вода в этом арыке, и скользкий, как земля у нас под ногами.

Про такое говорят «воздух пропитан тревогой». Но с тревогой мы потом разберемся — сейчас главное, чтобы хватило воздуха.

Мы когда-нибудь остановимся? Когда-нибудь куда-нибудь придем?!

Пока пересекаем эту долинку, начинает смеркаться. К счастью, высоких гор поблизости не видно, так что есть надежда, что переть по горам в темноте не придется. Наконец начинаем вновь карабкаться на какие-то пригорки. На вершине одного из них стоят ротный с замкомроты Васей Парамоновым и распределяют нас по оставшимся то ли от «духов», то ли от «зеленых» окопам.

Окопы — это, конечно, громко сказано. Так — ямы на двух-трех человек, глубиной чуть выше пояса. Но в горах и такое будешь полдня долбить, так что, считай, повезло нам с ночлегом. А мы все очень надеемся, что это остановка именно с этой целью.

После случившегося на горе, где подорвался Гришин, мы держимся вместе с Мордвином. С ним и попадаем в очередной, проверенный саперами окоп. Нам повезло — он всего метрах в двух-трех вниз по склону от того места, где толпится основная часть наших.

Только успеваем дойти до своего нового «дома», как раздается жуткий взрыв. Мы кубарем скатываемся в яму, сверху на нас валится еще и непонятным образом оказавшийся здесь боец разведроты с эсвэдэшкой.[10] Пережидаем несколько секунд после взрыва, потом осторожно высовываемся с автоматами на изготовку. Разведчик в прицел «СВД» рассматривает поросший лесом склон горы напротив. Ни стрельбы, ни новых взрывов не слышно. Стоявшие наверху, которым пришлось падать прямо в грязь, поднимаются, ошалело оглядываясь: «Что это было?»

Ротный опомнился первым: «Командирам взводов проверить личный состав!»

Взводные начинают перекличку. Судя по отзывам, все наши целы. А после такого взрыва, казалось, полроты не досчитаемся…

Так и не поняв, что случилось, начинаем с Мордвином оборудовать место для ночевки. Для нас это сейчас самое актуальное — со взрывом и его последствиями разберутся кому положено.

Мы затягиваем яму сверху одной плащ-палаткой, а другую бросаем на дно. На нее брони — это постель. В голову — РД. Все, походная постель готова.

Кто бы мне сказал, чуть больше полугода назад, в Москве, что я буду спать зимой в горах, на голой земле, подстелив под себя бронежилет, а под голову поставив РД… Да что в Москве — даже не самая комфортная армейская койка кажется сейчас олицетворением роскоши и комфорта. Но самое удивительное и поразительное даже не это. А то, что это походное ложе для

каждого из нас сейчас в сотни раз вожделеннее любой роскошной перины! Потому что, на чем спать, для нас, проживших сегодняшний бесконечный день, уже не важно. Нам бы только закрыть глаза, только бы отключиться хоть ненадолго. Этого жаждет и гудящее от усталости тело, и контуженный обилием эмоций и событий мозг.

Правда, спать нам предстоит по очереди. Один постоянно должен пялиться на противоположный склон на случай, если там начнется какое-то движение или стрельба.

Долго ковыряемся в своем логове, пытаясь разогреть кашу из сухпая. Таблетки сухого спирта не хотят разгораться, никаких дров поблизости не наблюдается. В конце концов плюем на это и съедаем и кашу и тушенку не разогревая. Вкуса от спрессованной перловки и каменного мяса вперемешку с жиром никакого, но желудок, давно уже жалобно подвывавший, набили. Много ли нам теперь нужно для счастья…

В этот момент подходит взводный. Узнает, как дела, говорит, чтобы, пока не совсем темно, почистили оружие и не дрыхли оба. Мол, буду проверять.

— А что это было-то, товарищ старший лейтенант? Что за взрыв-то?

— Замполит батальона подорвался, — говорит Плотников. — Шел чуть ли не в конце колонны. А вышел на пятачок, где расходились по позициям, и наступил точно на мину. Наповал… — Взводный как-то поперхнулся на этих словах и замолчал.

«Мы „шнуры“, нам много знать не положено, да и дух наш боевой подрывать не хочет, наверное», — решил я.

Впрочем, сказанное взводным и без деталей производило впечатление. Во-первых, потому что новый замполит батальона приехал из Союза только что и это была его первая операция. За то недолгое время, что мы могли наблюдать его в бригаде, он показался нормальным офицером. Во всяком случае, на фоне большинства других, обращавшихся с нами, «молодыми», едва ли не с таким же презрением, как дембеля. И вот на первой же операции погиб…

Но еще больше «пробивает» другое. Он же подорвался на том самом пятачке, через который прошли мы все. Мы все топтались там в ожидании, когда нам определят позицию. Мы все месили своими сапогами грязь, в которой ждала своего часа хитромудро установленная «духами» мина. Я слышал про такие мины и раньше — в них можно менять величину нажима, необходимого для срабатывания взрывателя. Обычно их ставили на дорогах — могло пройти 10, 20, 30 машин, а мина срабатывала на 31-й… И

вот теперь, наверное, эта дьявольская уловка сработала здесь. Это могла быть мина каждого из нас! Каждого из нескольких десятков человек, прошедших через вершину холма. Но судьба выбрала одного…

Пока чистили оружие, пришел кто-то из наших и рассказал подробности. После взрыва провели перекличку, и вроде все были на месте. Решили даже поначалу, что рвануло само по себе. Но потом минометчики, которые, видимо, встали на позиции чуть раньше и уже успели установить минометы, сообщили, что у них на одном миномете болтаются «какие-то ошметки». Стало ясно, что кого-то все-таки разорвало. Принялись собирать все, что могли найти, и, только обнаружив уцелевшую офицерскую шапку, догадались, чье отсутствие не смогли обнаружить солдатской перекличкой.

Теперь стало понятнее, почему так осекся и чем поперхнулся взводный, рассказав о гибели замполита батальона.

Стемнело. Мордвин благородно предлагает мне спать первому. Хотя дело не в благородстве только — он просто хитрее. Понимает, что спать хочется жутко, но заснуть после всего услышанного будет непросто. Да и просыпаться потом посреди ночи, вырывать себя из глубокого сна намного обломнее. Но я не спорю. Я так умаялся, что сил нет никаких. И размышления о превратностях судьбы не долго тревожат засыпающий мозг 18-летнего задолбанного службой солдата. Я даже не успеваю подумать перед сном, что три раза за сегодня «прошел по краю». Для меня сейчас вся жизнь — на краю…

Ночь проходит спокойно. Утром удается даже разогреть сухпай на отогревшемся за ночь нашим дыханием сухом спирте. Все вчерашнее кажется уже прошлым. Его больше нет, как уже нет Гришина и замполита батальона. Есть только мы и все мысли о том, что ждет нас сегодня. Но когда рота снова вытягивается в цепочку, идущий чуть впереди меня Исмаил Давлетов подбирает с земли обломки автомата. Все мы знаем, чьего…

На секунду защемило сердце, но в движении все быстро позабылось. Надо идти, надо смотреть под ноги. Начинается новый день. Мой 130-й день в Афгане. Впереди еще 600 дней.

Об остальном мы подумаем, когда вернемся. Если вернемся…

Валера (декабрь 1984 года, Нарай — Алихейль)

Переночевав на горке, где погиб замполит батальона, утром мы снова отправились в путь. Я по-прежнему не знаю и не понимаю, куда и зачем мы идем. Знаю только, что где-то там впереди мифический Алихейль, до которого, кажется, мы не дойдем никогда.

Спускаемся в очередную долину между гор. Идем вдоль неширокой речки, шурша усеивающей ее берега галькой. Вскоре видим впереди каких-то наших. Подойдя ближе, обнаруживаем, что это бригадная разведрота. Видимо, командирам что-то нужно обсудить, а может быть, просто поболтать. В любом случае ротный Рекс объявляет привал. Тут же садимся, откидываясь на тяжеленные РД.

Чуть прихожу в себя, и тут же вчерашние каша с тушенкой, съеденные холодными и всухомятку, начинают проситься наружу. Оставив РД под присмотром моего вчерашнего спасителя, Вовки Мордвина, направляюсь к ближайшим валунам. Уже почти дошел, как из-за камней появился кто-то и направился в мою сторону.

Ба, да это ж Валерка Мищенко из разведроты! Еще с Ферганы знакомы.

Он тоже меня замечает, узнал, помахал. Приближается с явным намерением поговорить. Как будто не понимает, с какой целью я иду за валуны — ведь сам же только оттуда…

Черт бы ее побрал, эту кашу перловую…

Может, пройти по-быстрому мимо, с озабоченным лицом? Типа, не заметил?.. Да нет, нехорошо как-то, столько не виделись… Да и поздно уже — он все равно уже рядом.

— Привет, Тема!

— Здорово, Валера!..

С Валерой Мищенко мы познакомились еще по пути из Москвы в Фергану. Внешне он особо не выделялся — был невысок, коренаст, с большой круглой головой и упрямым лбом, из-под которого смотрели темные, немного настороженные и колючие глаза. Необычным был разве что голос — глубокий и хриплый, не совсем подходивший восемнадцатилетнему пацану. Но что действительно выделяло Валеру — какая-то исходившая от него внутренняя энергия, спокойная и очень мощная. Он не был разговорчив, но то немногое, что говорил, было каким-то по-

мужски веским. Уже в Фергане, попав в одно отделение, мы сошлись ближе. Мы не были друзьями — в Фергане не успеть было ими стать. Не было на это ни сил, ни времени. Тем не менее, отношения складывались хорошие. Меня подкупала его основательность и уверенность в себе. А он, вероятно чувствуя это, относился ко мне несколько покровительственно, но по-доброму. Собственно, так было у Валеры почти со всеми, поскольку, оказавшись в одном отделении, мы узнали, что он старше нас на год (а в 18 лет это много) и, что особенно важно, что он женат и у него уже есть ребенок. Это еще прибавило ему авторитета.

Мищенко совершенно не лез в лидеры, не стремился выделиться, но довольно быстро стал одной из заметных фигур во взводе. Его так же гоняли и изводили, так же старались унизить, как всех нас. Но, казалось, все это действует на него гораздо меньше, чем на остальных. Во всяком случае, физически ко времени отправки в Афганистан Валера уже совершенно пришел в себя. Да и в целом выглядел куда более уверенным, чем многие из нас. Именно это, да еще то, что на гражданке он занимался карате, и предопределило, что при распределении в Гардезе он сам попросился и был без вопросов зачислен в разведроту.

Уже в следующие дни, встречаясь с нашими пацанами, попавшими в разведку, мы узнали, в какой ад они угодили. Избивали их еще сильнее нашего (хотя, казалось, куда уж сильнее). Но самым тяжелым был не мордобой, а то, что с первых же дней из них стали делать «волков». Из Ферганы нас привезли в ботинках, а в бригаде летняя форма — полусапожки. Сразу после прихода в роту молодых разведчиков «напутственно» отметелили и отправили по бригаде «рожать» эти самые полусапожки. «Где хотите, там и ищите. Можете своровать — воруйте. Можете снять с других — снимайте. Не важно, кто они: „молодые“, дембеля — вам должно быть по херу! Вы из разведроты, и этим все сказано».

Это рассказал нам кто-то из наших, попавших в разведроту, случайно забредший к нам в палатку. Причем рассказал, как рассказывают про умалишенных, про нелюдей. Он еще ассоциировал себя с нами, а не с ними… Но уже через несколько недель парни стали меняться. И дело не только в том, что стали они более угрюмыми, мрачными. Все больше и больше проявлялись в них результаты этой самой «психологической подготовки». «Мы — лучшие, остальные — чмыри». Тех, кто не справлялся с «заданиями», жестоко наказывали, нещадно били и чмырили, так что выход был только один — смириться и полагаться, как и требовали, только на силу и понт.

Спустя некоторое время мы уже начали избегать встреч с

нашими недавними однокашниками, оказавшимися в разведроте. Да они уже и перестали быть «нашими», уже не делали различий «знакомый — незнакомый». Все чаще действовало только одно правило: «Увидел чужого — припаши работать за себя. Есть что отобрать — отбери. Нечего отобрать — пусть сам найдет, что тебе у него отобрать».

С Валерой мы не пересекались месяца два. И насколько именно его изменила жизнь в «волчьей стае», я не знал, мог только догадываться. Тем сильнее было мое удивление, когда наши «шнуровские» орбиты пересеклись-таки где-то в конце сентября. Может быть, как раз из-за этого удивления я даже не помню точно, где именно в бригаде мы встретились и при каких обстоятельствах. Явно что-то делали, что бесконечно делают первые полгода все «шнуры», — что-то мыли, или стирали, или перетаскивали, или воровали…

Да это и неважно. Важно то, что он, изначально более крепкий и сильный, чем я, а теперь еще и со «статусом» «шнура разведроты», даже НЕ ПОПЫТАЛСЯ меня припахивать. Но и не это было самым поразительным. ОН БЫЛ ДРУГОЙ. Нет, не так. ЕГО НЕ БЫЛО. То есть внешне это был тот же Валерка — коренастый, большеголовый, разве что еще больше похудевший. Но ТОГО Валеры, которого я помнил по Фергане, не было. В его обычном хриплом голосе звучало непривычное отчаяние. По-прежнему настороженные, колючие глаза смотрели с такой непривычной тоской… Но самым непривычным было то, что ОН РАЗГОВАРИВАЛ СО МНОЙ КАК С РАВНЫМ, причем как с равным товарищем по несчастью…

О чем говорили — не помню. О чем могут говорить два задолбанных в доску «шнура», не представляющих себе, когда удастся нормально поесть, поспать, помыться, написать письмо, — но точно знающих, что в ближайший час, а потом еще несколько раз вечером, ночью и под утро они будут получать колобахи, маклухи, удары под дых и в грудь. Получать за то, что что-то сделали не так или не сделали — или, наоборот, сделали, чего не надо было. А если не за это — то просто так, потому что «шнуры», потому что так было раньше с теми, кто вешает им эти маклухи и бьет под дых. И так будет завтра, послезавтра, через месяц… Пока, наконец, жизнь не провернет со скрипом еще один «цикл» и на смену им не придут новые «шнуры», а им самим не настанет очередь теперь уже раздавать маклухи, колобахи и бить под дых другим…

Жизнь продолжается…

Именно на этой жизнеутверждающей мысли мы и расстаемся, поговорив о том, как же хочется уже нормально поесть, поспать,

помыться, написать письмо…

— Ничего, Валера, уже сентябрь, скоро призыв. Привезут в Фергану очередных «курков», а там и до нас довезут вскорости. Вот и у нас жизнь начнется!

— Точно, Тема, потерпим, а там и наше время придет. Не мы первые, не мы последние. Дотянем, а уж там…

Есть и в жизни «шнуров» место светлым перспективам. Просветленные, возвращаемся каждый в свою роту, и все продолжается так, как происходит вот уже почти два месяца.

Палатки разведчиков стояли в расположении нашего батальона, довольно недалеко от наших. Но всеми возможными способами мы избегали ходить мимо них. Это был словно Бермудский треугольник: оказался там — считай, пропал. Может быть, поэтому, а может быть, потому, что так было угодно судьбе, но с Валерой мы больше не пересекались до того самого дня, когда встретились у валунов на Алихейле.

— Привет, Тема!

— Здорово, Валера!

— Что с головой?

— Бандитская пуля… Как оно?

Он стал еще мрачнее. Еще более подчеркивает эту мрачность то, что руки и лицо у Валеры почти черные. Глаза — еще более колючие и угрюмые на фоне этой копоти. Тоскливые… Голос — еще более хриплый. В голосе — безнадега:

— Заколебали они, Тема, жизни нет вообще. Всю дорогу только и делаем, что жрать им готовим. Куда лезет-то столько…

— Не говори, наши тоже достали — перловку из сухпая им «западло», рис давай и гречку, а где их взять-то?.. Хорошо хоть, сухари черные из «армейского» сухпая не едят, а то б мы вообще сдохли все…

— И, как назло, без дела сидим. Они и дуреют. Хоть бы на задание какое скорей. Сам попрошусь, как что будет. Сил моих больше нет.

— Да ладно, Валера, декабрь уже. Скоро привезут осенников из Ферганы — помнишь, говорили? Заживем! До февраля-то всего осталось…

— До февраля еще дожить надо.

Валеркино настроение мне понятно и близко, но сейчас у меня куда более насущная проблема, и она все острее напоминает о себе. Ничего не возражаю, быстро прощаюсь и уже почти на полусогнутых ретируюсь за валуны.

Да и что тут скажешь — это позже я пойму, что нельзя на войне таких слов говорить, нельзя судьбу гневить. Это потом узнаю, что нет на войне слова «последний», а только —

«крайний». Уже пробыв в Афгане довольно долго, привыкну к тому, что каждая встреча, каждый разговор могут быть ПОСЛЕДНИМИ. Научусь не загадывать наперед и не дразнить Провидение замыслами и планами на будущее. И главное — не поминать смерть!

Но пока я ничего этого еще не знаю. Как не знаю и того, что в очередной раз где-то совсем рядом вновь замаячила Судьба: кружит над нами, высматривая, кого бы выбрать, кому «назначить» этот день…

…Минут через пятнадцать звучит рык нашего Рекса:

— Вторая рота, приготовиться к движению!..

Проходим мимо остающихся пока на месте разведчиков, где-то среди них вижу рядом с костром Валеру. Но он не видит меня, он при деле.

Спустя несколько часов разведроте прикажут проверить какой-то заброшенный кишлак. Валеркина надежда сбудется — он попадет в группу к молодому лейтехе-взводному, которому поручат эту задачу. Перед входом в кишлак Валера, по примеру других, разогнет усики на кольце гранаты в подсумке на груди. В последний момент группе дадут отбой. Он загнет их снова. Потом еще раз: «Вперед!» И снова: «Отставить!»

Алюминиевые усики подломятся, но Валера этого не заметит… Лейтенант, стоящий среди дембелей, подзовет его, чтобы что-то приказать. Подходя к нему, Валера снимет автомат с шеи и перекинет его за спину. Молодой лейтенант первым сообразит, что за сухой щелчок раздался из Валеркиного подсумка. Лейтеха был только из училища, одна из первых операций, но и его опыта хватило, чтобы за секунду понять, что произошло. Оставшейся секунды хватило, чтобы сделать то, что разделяет мгновение и бесконечность. Лейтенант бросился к Валере, обхватил его руками и повалил, накрыв собой… Так они и ушли в вечность, обнявшись — молодой лейтенант и молодой солдат, — приняв на себя всю мощь «эргэдэшки», и подарив жизнь остальным.

Никто из стоявших рядом не пострадал. Лейтенант был уже мертв, а Валера успел еще шепнуть: «Больно… очень…»

Восемь месяцев Ферганы и Гардеза нам было больно каждый день. Валера так и не дожил до конца этой боли, так и умер с нею и в ней. Так и не наступил для него долгожданный февраль 85-го, до которого он не знал, как дожить, чтобы снова «зажить»…

Но там, в декабре 84-го, ни Валера, ни я ничего этого не знаем. Он — что ему осталось жить несколько часов. Я — что в этот день судьба преподнесет мне очередной урок, еще более жестокий, чем накануне, забрав теперь уже близкого мне

человека. Там, в декабре 84-го, он уже забыл наш разговор. Все его мысли о том, как бы поскорее попасть на долгожданное задание. Забыл наш разговор и я.

Прошло полчаса, и снова начал давить к земле неподъемный РД, снова заныли натертые ноги, защипало от пота разодранное лицо, и загудела «ушибленная» вчера голова. И все мои мысли о том, когда же, бл…, мы дойдем уже до этого чертова Алихейля. До этой мифической крепости…

Я изменил его фамилию. Мне неизвестно, что знают о гибели Валеры его жена и дочь. Пусть это и знают о его смерти. И ничего не знают о последних месяцах его жизни… Я не знаю фамилии того молодого лейтенанта. Не знаю, как его звали. Не знаю даже, как он выглядел. Для меня они навсегда вместе — два пацана, ушедших в небо над Алихейлем.

Крепость (декабрь 1984 года, Алихейль)

Сколько уже дней мы в горах? Четыре? Пять? Неделю? Не знаю. Все слилось в один бесконечный поток времени. Подъем, спуск, подъем, спуск, подъем… Пот стекает по лицу, по спине… Ночь — тупо сонными глазами таращусь на склон.

Холодно. Сейчас бы посушиться хоть чуть-чуть… Хоть портянки… «Костры не жечь, накроют!» Холодно. Отмерзают пальцы на руках и ногах. Чмырь пропал куда-то — ухо опять присохло под шапкой… Что у меня с лицом — днем щипало, сейчас ноет… Броник на снег — спать. Холодно.

Только провалился в сон:

— Приготовиться к движению, рота!

Когда же это кончится? Сколько еще брести, не зная куда?..

С неба начинает падать на землю что-то непонятное — уже не дождь, еще не снег. Нет, скорее все же дождь. Почему-то не останавливаемся, чтобы отвязать плащ-палатки, притороченные к РД. Ротный Рекс, наверное, непромокаемый…

Уже трое суток почти нечего есть. Сухпай кончился, броня далеко, а подбросить «вертушками» не могут — сквозь это низкое свинцовое небо, кроме дождя, ничто не может пробиться. В память от сухпая у меня остался только предусмотрительно засунутый в РД кусок упаковочного целлофана. Когда перегружали банки в РД, сам не знаю зачем, «затарил». Как эстонец из анекдота с лепешкой навоза: «Пригодицца…» Пригодился. Теперь пытаюсь превратить его в подобие дождевика — один из углов целлофана сохранил форму капюшона. Но на шапку не налезает, а снять ее не могу — ухо опять присохло из-за просочившейся сквозь бинты крови.

Куцый бушлат потихоньку промокает. Не знаю, что сейчас сильнее — холод или голод. Самое обидное, что они не уравновешивают друг друга, а, наоборот, усиливают.

В слегка позванивающей по-прежнему голове умещается только одна мысль: «Теперь ночью совсем задубеем, если опять не дадут посушиться…»

Выходим в какую-то долину — и вдруг сквозь пелену непрекращающегося дождя видим впереди холм с извивающейся вокруг него к вершине дорогой, а наверху какие-то стены. Словно замок в фильме про Средневековье.

Неужто мифический Алихейль, в существовании которого я уж было начал всерьез сомневаться? А может, все-таки мираж?

Плод голодной фантазии?

Нет, не мираж — подтверждение тому зычный голос Рекса:

— Внимание, рота! Подъем заминирован, множество растяжек по обочинам! Быть предельно внимательными, по сторонам не шариться! Идти строго в колонне по одному! Вперед!

Выплывая из дождя, замок становится все больше. Теперь это уже действительно похоже на крепость…

Хлеб наш насущный

Обвивая склон, змея ротной колонны постепенно втягивается в ворота наверху. Оказывается, мы тут не первые — по краям большого открытого пространства, на котором мы оказываемся, войдя внутрь крепости, уже сидят, откинувшись на РД, какие-то наши. Вроде 3-я рота. Пока идем в их сторону, рассредоточиваясь по периметру «площади», начинаю оглядываться по сторонам. Успеваю заметить вдалеке, чуть левее, длинную цепь небольших помещений. Главное, что меня интересует в них, — там есть крыша. Крыша над головой! Крыша, под которой, возможно, получится хоть ненадолго укрыться от долбаного непрекращающегося дождя…

От этих мыслей даже как будто начинает становиться теплее. Но вдруг что-то неуловимо меняется. Воздух наполняется какой-то… не тревогой даже, а суетой, что ли.

Оборачиваюсь и вижу, как на открытое пространство перед воротами выруливает из-за угла грузовик. В кузове несколько сарбозов.

Увидеть здесь, посреди гор, машину так же удивительно, как и то, что по этому узкому пространству она едет как-то уж больно быстро. Оказавшись на середине площади, грузовик резко разворачивается, сарбозы выкидывают на землю из кузова что-то бесформенное, и машина так же быстро уезжает с площади.

Это заняло какие-то секунды, но их достаточно, чтобы, повинуясь какому-то инстинкту, десятки «шнуров» бросились к выброшенному непонятному предмету. Еще не успел затихнуть за углом ближайшего форта шум двигателя, как мы уже подскочили и обступили эти… Эти несколько мешков, туго набитых худосочными, жесткими, коричневыми афганскими лепешками.

Поскольку наша рота только втянулась в крепость, у нас некое преимущество — ведь в отличие от других нам не нужно вставать, отрывая от земли РД. Потому-то первыми у мешков в основном молодые нашей роты. Но и нас слишком много. Вокруг мешков возникает давка, усиливающаяся с натиском подоспевших чуть позже парней из других рот.

Голод в этот момент пересиливает все остальные инстинкты, и со стороны мы, наверное, напоминаем регбистов, борющихся за мяч. Только, в отличие от регби, наш «мяч» куда желаннее для каждого из нас — это ЕДА!

Не сговариваясь, мы с Мордвином «работаем в паре» (вот уж точно — «боевая двойка»). Я мельче и иду вперед, «на добычу»; он крупнее и идет сзади, одновременно проталкивая меня ближе к

цели и тормозя идущих сзади «соперников». Добраться до мешков лишь полдела. Нужно еще схватить лепешку, не дав вырвать ее никому из тянущихся одновременно с тобой рук. Более того, на подступах к этой «куче-мале» уже завязываются потасовки с теми, кто, чуть замешкавшись, потерял шанс пробиться к центру и теперь может рассчитывать только на то, чтобы «обнести» выбирающихся из давки.

Удачно хватаю сразу две лепешки. Успеваю подумать: «Какие же они жесткие — жестче черствого хлеба…» Да плевать, мы и черствого уже сколько не видели!

Предусмотрительный Мордвин сразу же запихивает одну из лепешек в мой РД. Вторую предстоит протащить через толпу, прикрывая телами.

Пошли…

Тут над местом потасовки раздается до боли знакомый уже рык ротного. И мы понимаем, что проблем у нас больше, чем просто выбраться отсюда.

«Ну-ка, бл…, разошлись все! Никто ничего не хватает!»

Под этот крик он и еще несколько подоспевших офицеров начинают буквально расшвыривать бойцов в стороны. Вовремя «охолонувшие» просто отлетают в стороны, иногда получая сопроводительный пинок под зад. Не успевшие сориентироваться и продолжающие свой натиск в сторону мешков выдираются за шиворот и получают по морде. Кто-то, не удержавшись, падает, не может встать под весом РД. Кто-то из упавших, передвигаясь на карачках, еще пытается утащить-таки заветную лепешку, уже извалянную в грязи. Их пинают, пока они не расстанутся с добычей.

Через считаные минуты потасовка окончена. Посреди площади остаются лежать разодранные в клочья мешки и извалянные в грязи растоптанные лепешки. А в сторону своих взводов стремительно расползаются счастливчики, урвавшие-таки частицу запретного плода. В их числе и мы с Мордвином. Плевать, что при отходе он получил от Рекса мощнейший пинок под зад, а я от кого-то из офицеров — по зубам. Плевать, что наша «добыча» достанется другим — тем, кто мог позволить себе не то что не дергаться, даже не смотреть в нашу сторону. Во-первых, мы уже сжились с мыслью, что такой порядок вещей неизбежен. Во-вторых, благодаря ушлости Мордвина у меня в РД лежит вторая лепешка, о которой никто не знает и которую можно будет умять потом, со своими. Риск, конечно, немалый — не дай бог узнает о нашей «затарке» кто-то из «ветеранов», которым и давиться вместе с нами уже было «не положено», и «добычи» на их долю явно не останется. Тут уж бить будут от

души — ибо «за дело».

Едва ли не худший вариант попасть с этим сокровищем на глаза Рексу или замполиту. Точно станешь уже не только залетчиком, но и буквально-таки пособником мирового империализма. Ведь, разметав в разные стороны голодных своих бойцов, втоптав в грязь вожделенные для них хлеба, он громогласно прорычал на всю площадь следующий текст:

— Что, сука, не понятно?! Оголодали, сволочи?! Я вас накормлю, гондоны! А если вас в этот момент фотографировал кто-то? Если это провокация? И это все на Западе опубликуют? Советские, бл…, героические десантники давятся за харчи!

Даже, несмотря на, казалось бы, убивший все мысли голод, поражаюсь фантастичности версии ротного. Преклоняюсь перед его дальновидностью и глубиной мысли. Где еще прививают такую мудрость? Да нет, только в военном училище… Вот потому-то никогда не победить нас сытым империалистам…

Голод не тетка

Возможно, увещевания ротного на некоторое время и смогли подавить голодные спазмы в животах его измотанных подчиненных. Но ненадолго. Никаких команд нам не поступало, и народ начал потихоньку рассасываться по территории крепости. А разбредались в основном «шнуры» в поисках жратвы.

Даже угроза стать объектом провокации западных спецслужб не могла унять основных инстинктов советских воинов-десантников. Даже высокое звание воина-интернационалиста не могло удержать их от того, чтобы отбирать у попавшихся на пути сарбозов все, что могло сгодиться в пищу. А поскольку дело шло к вечеру, то часть этих сарбозов как раз тащила куда-то — видимо, в свои подразделения — термосы с едой и чаем… Исход каждой такой встречи зачуханных афганских сарбозов гарнизона Алихейля с оголодавшими, но по-прежнему доблестными штурмовиками гвардейской 56-й ДШБ был предрешен. Светлые идеалы интернационализма временно отступали перед суровой реальностью…

То ли при таком раскладе угроза провокаций Запада оценивалась нашими командирами не так высоко, то ли и на них голод оказал отрезвляющее воздействие, но особого внимания на происходящее отцы-командиры уже не обращали.

Видимо, в какой-то момент критическая масса вернувшихся с пустыми руками к ужину сарбозов превысила допустимую. Неподалеку от площади, где по-прежнему сгруппировались в ожидании непонятно чего несколько рот бригады, появились трое афганских офицеров. Чем закончилось бы их общение с нашими, не знаю, но оказалось, что в гарнизоне есть и советники. С их помощью удалось донести до афганского командования, что если они не хотят остаться без еды сами, то лучше бы им придумать что-то, чтобы и союзников накормить.

От каждой роты выделили по нескольку человек, набравших кучу котелков и отправившихся вместе с представителями того или иного подразделения афганского гарнизона в их расположение. От нашей роты эта почетная миссия выпала на долю Лени Шеина и Ахрора Хайдарова, парней нашего призыва.

Леня как раз только-только, незадолго до операции, прибыл из Гайжюнайской учебки. Для него это был первый боевой выход, но ему уже было 20, и на фоне нас, 18-летних пацанов, он выглядел значительно солиднее и взрослее. Да не только выглядел, но и был — призвался он из Зырянки, что в Якутии, и северная уверенность и обстоятельность чувствовалась у Лени во

всем, и, вероятно, это сыграло немалую роль в том, что, прослужив всего полгода, Леня приехал из учебки уже в звании сержанта и тут же встал на должность командира отделения. Лидер в нем был заметен сразу.

Ахрор попал в Афган вместе с нами, в августе. Он был одним из тех бедолаг-узбеков, которых готовили в Иолотани на водителей «КамАЗов». Автомат за три месяца они видели дважды — на стрельбе положенными тремя патронами и на присяге. В основном учились водить машину, а не воевать. Представляю себе их «радость», когда они очутились в боевых ротах!

К чести «наших» узбеков и ребят, попавших в соседнюю третью роту, большая часть из них не только не расползлись, как многие их земляки, по хлеборезкам, хлебозаводам и складам, но и довольно быстро стали вполне нормальными бойцами. А почти не говоривший в начале службы по-русски Исмаил Давлетов даже дорос к дембелю до замкомвзвода минометчиков.

Ахрор был из солнечного Ташкента, и заснеженные горы Алихейля давались ему с огромным трудом. Нередко он просто ложился на снег, не в силах подняться, и я видел, что он не притворяется, что это — «край». Впрочем, пинки замполита раз за разом его с этого «края» сдвигали.

Я тоже никогда не видел до этого гор, но мне хоть холод был не настолько непривычен. Ахрор же на холоде Алихейля просто умирал…

А в пару к «врубалистому» Лене он попал в качестве переводчика. Отцы-командиры не особо вдавались в детали и считали, что узбек уж худо-бедно объяснится с афганцами. Ну, вроде как русский с поляком. И невдомек им, видно, было, что узбекский с фарси ничего общего не имеет, а с пушту — и подавно. Ну, вроде как русский с финским или там румынским. Хотя тоже вроде рядом живем и внешне похожи…

Так что единственным средством общения с выделенным им афганцем стали у Лени и Ахрора те несколько слов, что сарбоз знал по-русски: «Солдат! Хорошо! Ленин!» Отчасти русским словом было и имя, которым он себя называл, — Женя. Гордо тыкал себя в грудь и говорил:

— Зеня! Солдат! Хорошо!

Из какого афганского имени кто-то из советников «переделал» его в Женю, так и осталось для ребят загадкой, а спросить — не знали как. Да и не сильно их это волновало. Особенно после того, как, оказавшись в расположении подразделения Жени, они почувствовали дурманящий и понятный без всякого перевода запах готовящегося плова.

Пока ребята шли за сарбозом по крепости, их не покидало

чувство настороженности — хрен его знает, куда заведет этот «дух». Кто их тут разберет, за кого они. Все «духи» — не сейчас, так в будущем. Ведь удумал же кто-то из гарнизона выходку с лепешками — вряд ли из дружеских чувств и сострадания к шурави…

Но, оказавшись в тепле, обволакиваемые запахами еды, они расслабились и готовы были хоть по сотому разу выслушивать Женино: «Солдат! Хорошо! Ленин!»

Другие сарбозы в разговор не лезли, сраженные познаниями Жени в русском.

Тут и плов подоспел. Поставили афганцы посреди комнаты блюдо с аппетитным кушаньем, жестами показывают, мол, присоединяйтесь. И давай наворачивать. А едят-то руками… А руки-то аж черные у некоторых… И как в туалет они ходят, мы уже видели: рядом с нашей броней у Нарая какие-то «зеленые» стояли. Кто камушком подотрется, а кто и рукой…

Но недолго колебались парни — не до церемоний становится, когда три дня ни крошки во рту не было…

Плова не стало быстро, а в принесенные котелки сарбозы им какого-то горохового варева набухали «с горочкой».

Сколько прошло времени — кто ж его знает. Нет у парней часов. Глядь, а на улице уже хоть глаз выколи.

Как по крепости до своих добрались — сами не знают. Женя-то назад с ними не пошел — видно, не особо по ночам по той крепости можно было расхаживать. Да только от давно забытых тепла и сытости стали парни как пьяные, а пьяному и море по колено, и темный Алихейль по барабану.

Только подошли к ротному, а он и давай их лупить да материть. Рота-то уж с минуты на минуту на проческу крепости собиралась, двух пропавших непонятно куда бойцов искать. Ведь никто ж не предполагал, что их там пловом кормить будут — ждали, что наполнят котелки баландой и вернутся. А их нет и нет…

Досталось, конечно, Лене с Ахрором на орехи. Сначала от ротного, потом от «ветеранчиков». Да только что им были те тумаки да колобахи — с такой-то «местной анестезией»…

Правда, знали бы ротный с «ветеранами» истинную причину Лениной с Ахрором задержки — вряд ли бы одними тумаками да колобахами дело обошлось… Так ведь не знали. И не узнали никогда. И нам-то с Пахомом рассказал всю эту историю подполковник МВД Якутии Леонид Шеин почти 22 года спустя — под плов и водочку…

Знать бы, где сейчас тот Женя-сарбоз из крепости Алихейль? И по-прежнему ли у него «Ленин-хорошо»?

Зона

За те несколько часов, что прошли с нашего прихода в крепость, мне удалось кое-как осмотреться — пока совершали набеги на сарбозов, пока лазили в поисках воды и, по «шнуровской» привычке, всего, что «плохо лежит». Правда, ничего путного найти не удалось. Казалось, что жизнь на территории крепости замерла и теплится только местами. В целом же впечатление было довольно сюрреалистическое.

Уж не знаю, там ли мне пришло в голову это сравнение или позже, но по-любому лучше не опишешь: это абсолютно походило на «зону» из «Сталкера» Тарковского. Та же постоянно висящая в воздухе непонятная дымка. Та же гнетущая тишина, которая в то же время сама казалась звуком. Та же военная техника, непонятно кем, как и когда подбитая. И главное, непонятно как здесь очутившаяся. Как и когда попал сюда этот танк без гусениц, опустивший вниз орудие, словно слон, грустно повесивший нос? Но главное — кругом вроде горы. Из земли, что ли, он вырос?.. Лет сто назад…

Даже появлявшиеся время от времени откуда-то сарбозы не нарушали ощущения нереальности этого места.

Столько лет прошло, но это ощущение не стерлось из памяти. Стерлись детали, подробности. Но это чувство, что все происходящее — не происходит, а кажется, что окружающее — нереально, что ты попал в какой-то параллельный мир, — чувство это не стирается.

А «Сталкер» для меня теперь навсегда фильм про Алихейль…

Ночь

Пока ждали отправленных за едой Леню с Ахрором, роту разместили на ночлег.

Нет, все-таки мысль имеет силу действия! Иначе как еще объяснить, что под ночлег нам отвели именно те самые крытые помещения, которые я углядел, только войдя в крепость? Я так и не понял толком, что это были за клетушки — то ли чье-то жилье (только чье?), то ли какие-то торговые ряды (только для кого?). Во всяком случае, клетушки эти пустовали, а внутри царил довольно сильный беспорядок. С нашим приходом он превратился в тотальный бардак. В комнатки площадью примерно по шесть квадратных метров распределяли человек по десять.

Та, где оказались мы с Мордвином, больше всего напоминала все-таки лавку. По стенам развешаны полки, на которых в больших количествах стояли пиалы и чайники. Причем многие, как ни странно, целые. Видимо, на фоне общего запустения и заброшенности крепости целые керамические изделия воспринимаются как нонсенс, как издевка.

Не сговариваясь, повинуясь какому-то неожиданному внутреннему импульсу, ожесточенно расшарашиваем практически все целые пиалы и чайники о глиняные стены и пол… Спросил бы кто зачем — не объяснил бы ни тогда, ни сейчас. Но шарашили, точно помню, от души.

Главная прелесть этих клетушек — здесь немерено дров. Собственно, не дров как таковых — дерева. А как еще можем мы воспринимать в этом затерянном мире любую вещь из дерева? Неважно, чем она была до нас и чем, возможно, предполагалось, что останется и дальше — дверью, полкой, подставкой. Актуальны только дрова. Много дров. Столько дров, чтобы отогреться за несколько прошедших ночей и на неизвестно сколько предстоящих. Ведь никто из нас не питает иллюзий, что на этом островке блаженства мы останемся надолго. А без нас его вообще не существует — это мираж.

Костер разводим прямо внутри клетушки, ближе к двери на полу. За костром выпадает следить нам с Мордвином. Парни вповалку утискиваются у стен. Нести караул никому из нас не выпало.

Ближе всех к костру располагается Саня Иванов в обнимку со своим «ПК» — в этой комнате он самый «старый». Ему и место самое блатное — к теплу поближе и без толкотни.

Отрубаются все моментально, что немудрено после горячей еды и многодневного постоянного замерзания. Как ни странно,

меня в сон клонит не так уж сильно. Настолько, видно, ликует душа — целую ночь можно греться! — что не готова пока менять это удовольствие на другое.

Потрескивают в костре дрова, комната медленно наполняется сладким запахом. Афганское дерево по-особому пахнет. «Сладко» — это самое близкое определение, хотя и не идеальное.

Снимаю сапоги, обворачиваю вокруг голенищ, кажется, навсегда отсыревшие портянки, блаженно протягиваю к огню ноги. Сколько я уже не снимал сапоги? Не помню… Левой ноге точно кранты — уже нарывает там, где натерло в первый день. Да хрен с ним, изменить-то ничего нельзя. Да и можно ли сейчас думать о плохом? Тепло, сладко потрескивают дрова. Сверху не капает, под задницей снега нет.

Сопят и постанывают вдоль стен умаявшиеся бойцы второй парашютно-десантной роты. Никто не кантует — сон стирает сроки службы. Блаженство — оно бывает разное. Иногда — такое. Ведь вопрос, с чем сравнивать.

Афганистан. Он у каждого свой. Вспоминаешь многое. Но есть моменты, которые засели в памяти навсегда. Да нет, не в памяти даже. Где-то в самом сердце, там, откуда вырастают все твои ощущения, чувства. Почему именно это или то? Никто не знает… Никто не объяснит… Но, уверен, у каждого, кто был на войне, живут внутри, среди сотен воспоминаний, несколько таких моментов, из которых складывается общее ощущение от этой войны. Моментов ужаса, отчаяния, ненависти — да. Но не только… Потому что не может быть только плохо. Не бывает…

Та ночь в крепости, этот огонь, этот сладкий запах, эти посапывающие у стен пацаны, это ощущение нереальности окружающего — кусочек «моего» Афганистана. Того Афганистана, что всегда «как вчера».

Спустя 15 лет, когда разгорятся своим сладким пламенем дрова в печурке гостевого домика Ахмад Шаха в Талукане, первое, что сразу всплывет в памяти, — ночь в крепости Алихейль, декабрь 84-го. Но это будет не скоро. А пока я даже не знаю, что со мной станет завтра. Но сейчас мне хорошо, мне блаженно…

А утром реальность снова вернется в свои права. Подъем, спуск, подъем, спуск, подъем… Пот стекает по лицу, по спине… Ночь — тупо сонными глазами таращусь на склон. Холодно.

Сейчас бы посушиться хоть чуть-чуть… Хоть портянки…

«Костры не жечь, накроют!»

Холодно…

«Жизнь продолжается» (май — июль 1985 года)

Как быстро летит время. Еще совсем недавно казалось, что этот дурдом никогда не кончится, что вечно будет звучать это ненавистное: «Один!» Что никогда не кончится долбаная зима, еженощно пожирающая уголь, ставший уже на вес золота. Что никогда не угомонятся придурки дембеля, ежедневно изобретающие новые и новые «испытания» для нас. (Им бы надзирателями в концлагерь.) Что ты будешь виноват всегда, во всем и перед всеми — от «ветеранов» до начпо.

Но пришел февраль, и вот уже поиски угля не твоя забота — прибыл очередной призыв и теперь лишь надо правильно «построить» «шнуров».

Пришла весна, и вот уже дембеля оказались нормальными парнями. Они собираются домой, а нам остался всего год. И ты уже не «без вины виноватый» — с «ветеранами» ты уже ходил «на войну», а начпо «в гробу видал». Уже другие пацаны, которых угораздило призваться на полгода позже, семенят на призыв: «Один!» Уже нас бесит, когда они «не врубаются», «припухают», «забивают на службу». И уже нами освоено нехитрое искусство маклух и колобах.

Палатка — уже не тюремная камера, а родной дом. Место, откуда ты не стремишься, как раньше, под любым предлогом свалить, а где, наоборот, стремишься побыстрее оказаться.

Ведь тогда ты тут выживал. А теперь — живешь.

«Калимба»

В общем, жить стало лучше, жить стало веселее. Среди прочего еще и потому, что появились маленькие «бытовые радости», которых и не замечаешь на гражданке, а здесь это большое дело. Например, по палаткам провели из клуба динамики и периодически балуют нас всякой музычкой. Репертуар не особо богатый, и постоянно повторяется одно и то же, но и на том спасибо. Даже «иностранщину» порой крутят. Какую-то «Калимбу де Луну». Кто поет — хрен его знает. Да и какая нам разница — это ж все равно на другой планете все, в другой жизни — группы, альбомы, диски…

И каким ветром эту «Калимбу» занесло в город-герой Гардез весной 1985-го? Неисповедимы пути твои…

Э-о-у-а Калимба де Луна…

Вот ведь интересно — ведь почему-то именно эта песня и именно в это время попала к нам в бригаду, и крутили ее по палаткам, и засела она у меня в башке на всю жизнь. Да не у меня одного, наверное. Еще у одного человека точно засела…

В нашем втором взводе трое «шнуров». Не повезло парням пуще нашего — нас хоть побольше было, почти взвод, а их трое в палатке, где живут два взвода — наш и первый, где, кроме Толяна Кочетова и Пахома, все осенники 83-го года, «дедушки» то есть. Со всеми вытекающими — никого не волнует, что «шнуров» трое всего. Дембелям положен почет, уважение и соответствующий «уход», а мы свое тоже отлетали — не положено нам. Вот и крутись как хочешь…

Изначально-то их четверо к нам попало, но сразу же один из четверых, коренастый белорус Дыдышко, стал ротным каптерщиком. То есть только числился во взводе, а жил постоянно в каптерке у старшины. Такая традиция в роте была. Офицерам ведь тоже свои «шнуры» нужны — дров натаскать, воды, печку топить, пожрать приготовить, порядок навести. Правда, и на боевые каптерщик, как правило, ходил. Предыдущий, Тихон, домой с Красной Звездой уехал…

Так что в этом смысле все было справедливо, но в бригаде-то это пацанам никак не помогало — счастливчик Дыдышко, сразу же переименованный в Деда, в палатке не появлялся, и «шуршали» парни втроем — Усов, Храпов и Календа.

Саня Календа тоже был родом откуда-то из Белоруссии. Там, наверное, такая фамилия особого удивления не вызывает. Но в советской армии, на фоне Усовых, Храповых, Федоровых и Ивановых, конечно, выделяется.

А тут еще «Калимба» эта периодически играет. Калимба-Календа… Как заведут песню — так все давай Саню тыркать. Да еще вместо «Калимба да Луна» там неискушенному в языках уху, при том, что певцы половину букв прожевывают и вместо «да» у них «за» слышится, совсем другое слово на ум приходит. Более грубое, зато и более понятное…

И вот каждый раз кто-нибудь да затянет в палатке, «подпевая»:

— Э-о-у-а, Календа, залу…

Сейчас глупостью кажется, а тогда так сладко было: сидишь в палатке, в тельнике и тапочках, как «белый» человек, слушаешь песню «иностранскую» и прикалываешься. Хотя и беззлобно, в общем, но достает, думаю, не слабо того, над кем прикалываются. Особенно когда терпеть должен.

Так ведь и прикол-то весь в том, что терпеть уж не тебе приходится, а другому кому-то. Такая своеобразная психологическая реабилитация, возвращение размывшейся на время самоидентификации.

Кстати, полезная оказалась штука — хорошее испытание для души. Причем двойное — ведь сначала нужно остаться человеком, когда морально уничтожают тебя. А потом — не озвереть, когда возможность уничтожать получаешь ты. И еще неизвестно, что сложнее. Знавал я таких, кто первое прошел достойно, а вот второе — завалил…

Но это уж я все потом понял. А тогда, весной 85-го, просто наслаждался под «Калимбу» этой вновь вернувшейся жизнью…

Правда, Саня парнем оказался крепким: отлетать свое — отлетал, но уж потом спуску никому не давал:

— Ща в табло заряжу — будет тебе и Калимба, и остальное на воротник!..

Пришел очередной призыв, стал Календа «ветераном», причем авторитетным, и сползла эта традиция потихоньку на «нет». Но песня так в памяти и осталась — как несущиеся через годы звуки, символизирующие, что жизнь снова вернулась и продолжается…

«Строевая»

Вторая армейская весна потихоньку переползла во второе армейское лето…

Июль. Жара. Уже почти год мы здесь, в Афганистане. И даже этот факт уже стал давно привычным. Уже сложно представить, что когда-то мы были НЕ ЗДЕСЬ. И пока еще тяжело — что когда-то БУДЕМ не здесь.

Уже не вызывают прежнего внутреннего трепета слова «боевые», «операция», «колонна», «засада», «обстрел». Все это стало обыденностью — более того, на боевые стремишься, ждешь их. Раньше считал, потому что боевые облегчали выматывающее «шнуровство», теперь — потому что только там избавляешься от нудизма и бессмыслицы «армейской службы» как таковой.

Мы уже прослужили довольно долго. Служба перестала выматывать и начала доставать. Точнее, не сама она, а такое ее неотъемлемое и печальное свойство, как дубизм и тупость. Не знаю уж, нам ли одним так не повезло, или в других местах тоже хватало этого дурдома, но только даже спустя 25 лет не перестаю удивляться. Чего стоят одни только занятия по строевой(!) подготовке, которые время от времени проводили на бригадном плацу! Именно не прохождение строем с песней — без этого куда ж, — а именно тупая и бессмысленная шагистика.

С краю плаца расположился барабанщик из оркестра, на трибуне — заместитель командира бригады подполковник Н-цев. Роты распределяются на плацу — и погнали… Большой барабан глухо отсчитывает удары, задавая ритм шагов. Подполковник Н-цев что-то глухо бухтит с трибуны, вызывая желание его грохнуть, идиота. А бойцы подразделений, которых угораздило в это время оказаться не на боевых, начинают вышагивать под эти глухие удары и бухтение в затылок друг другу по квадратам, в центре которых стоит по офицеру.

Бум! Бум! Бум!

Ну, то есть не все, конечно, бойцы, да и офицеры не все. Все, кто может хоть под каким-то предлогом избежать этого мероприятия, его избегают. И у солдат, и у офицеров шансов на это тем больше, чем больше срок службы или должность. У дембелей резко ухудшается самочувствие, у ротных и взводных постарше — резко возникает необходимость в заполнении документации и подготовке конспектов занятий… В итоге на плацу под присмотром самых сопливых лейтенантов вышагивают самые сопливые гвардейцы-десантники. И тем и другим, конечно же, строевая нужна просто позарез. Потому как воевать без нее ну

совершенно невозможно, особенно в горах Афганистана.

Бум! Бум! Бум!

Зато замкомбрига — счастлив. Видно, эта часть службы ему всего милее и понятнее… Любовь командования бригады к строевой подготовке настолько велика, что даже с бригадных построений перед отбытием на боевые действия мы иногда выходим с плаца строевым и с песней — это при том, что уже тащим на себе всю экипировку и боеприпасы.

Непередаваемые ощущения — шагать строевым шагом вдоль трибуны, с песней и «р-р-равнение на-а-а прррраво!», неся при этом на горбу 40-килограммовый РД, а в руке, допустим, — короб с лентой для «Утеса». Или с «телом» «АГСа» на плече… Или минометной трубой…

У-у-х, аж бодростью всего переполнило, как вспомнил…

Короче, любили наши командиры строевую и внимание ей уделяли особое. Как говорится, война войной…

Вот и сейчас, в начале июля 85-го мы готовимся к операции на Панджшер. Где предстоит нам лазать по горкам повыше и покруче, чем наши пактийские. Чуть ли не 5000-тысячники покорять придется. И главный душман тех краев, Ахмад Шах Масуд, — вояка серьезный.

Про все это нам уже рассказал замполит батальона и предупредил, что готовиться нужно особо тщательно. Ну, а что может быть важнее в подготовке гвардейца-десантника к боевым действиям в горной местности? Есть варианты? Так точно, ответ правильный: конечно, строевая!!!

Золотая осень (октябрь 1985 года, провинция Логар, Бараки)

Середина осени в нашей части Афганистана, можно сказать, «золотая пора». Солнце светит еще довольно сильно, но одуряющей летней жары уже нет. Ночью уже бывает прохладно, но еще не дубак и до снега далеко. А земля так прогрелась за лето, что ночью щедро отдает свое тепло.

«Зеленка» уже потихоньку начинает жухнуть, но пока вполне оправдывает свое название. И в том смысле, что зелень пока непроницаема для взгляда, и в том, что лупят из нее исправно и регулярно. В общем, для войны самое милое дело — ночью не задубеешь, днем не запаришься. И ни днем, ни ночью не соскучишься.

И вот в такую золотую пору, в октябре 1985-го, мы отправились на операцию в район Бараков.

Город Баракибарак располагался в соседней с нашей Пактией провинции Логар. Это примерно посередке между Гардезом и Кабулом. Городом-то он, конечно, только по понятиям Афганистана считался. Просто «назначили» его быть городом — все-таки столица провинции. А на самом деле не более чем гигантское скопление кишлаков. Но, в отличие от множества других населенных пунктов, как правило, ничего для нас не значивших, с Бараками ассоциация была вполне определенная. Здесь, в Логаре, стоял третий батальон нашей 56-й десантно-штурмовой бригады. Собственно, сам Баракибарак ни батальон, ни бригада не контролировали, в отличие, скажем, от Гардеза. Но так уж повелось — «третий батальон, Бараки».

Феномен Афганистана — третий батальон располагался от бригады километрах в 60 и формально считался ее неразрывной частью. Но воспринимался как совершенно иной, отдельный от нас мир.

Когда нас только привезли из Ферганы и распределяли по ротам в бригадном клубе, тех парней, кого направляли в Бараки, сразу отделили. И между нами тут же возникла словно какая-то невидимая перегородка. Мы еще не могли тогда сами понять, почему. Наверное, своим обостренным до предела от неизвестности чутьем «молодых солдат» просто уловили, как изменилось к ним отношение бригадных офицеров. «Отрезанные ломти».

Их словно должны были отправить куда-то на другую планету. Куда-то на другой конец Афганистана, а не в батальон нашей же части. Даже по ротам не распределяли, как нас, а просто увели всех толпой.

Через несколько месяцев, в кабульском госпитале, я встретил Колю Фурсова, с которым в Фергане был в одном взводе. Встрече мы оба обрадовались, поговорили о своем житье-бытье. Но уже тогда я поймал себя на мысли, что совершенно не чувствуется, что мы служим в одной части. Он рассказывал про какую-то другую, не как в бригаде, жизнь. И так же слушал мои рассказы.

Несколько раз по дороге на операции в сторону Кабула мы проезжали мимо третьего батальона. Никого из своих ферганских не встретили, а в остальном воспринималось это как совсем другая часть. Чего стоили одни казармы, в которых жил батальон, тогда как неотъемлемой частью «пейзажа» бригады были бесконечные ряды палаток…

Тем не менее, увольнялись баракинские через бригаду. То есть сначала их переправляли из Бараков в Гардез, а уж отсюда все дембеля летели «вертушками» в Кабул.

И вот спустя два года мы встретили своих знакомых, с кем три месяца «умирали» в Фергане… Олега Михнюка по ферганской кличке Умка, Валеру Цуцкова, нашего с Пахомом земляка, и многих других. Нет, мы узнали друг друга. Мы были рады встрече. Но было ощущение, что приехали дембеля из какой-то другой части. Парни даже держались так, словно они здесь чужие…

Но до этого еще должны были пройти эти долгих два года. А пока…

«Бараки-мраки» — услышали мы в первые же дни в бригаде. Никто ничего не объяснял нам, новичкам. Но звучало впечатляюще и запоминалось.

Тогда мы, естественно, не знали, что до третьего батальона всего-то километров 60, вроде рукой подать. А когда узнали со временем, то отношение к расстояниям в Афганистане у нас уже было другое. Афган быстро отучает от привычных понятий и мерок. Ведь по меркам тутошней войны 60 километров — очень много. Много, потому что порой преодолевать эти километры приходится целый день, со скоростью идущих пешком саперов. Много, потому что «духи» в «зеленке» вокруг Бараков уж больно наглые и редко какую колонну пропустят, не обстреляв. А то и всю сожгут. Много, потому что почти вся дорога у Бараков и за ними утыкана по обочинам нашей сгоревшей техникой. И слово «нашей» чем дальше, тем больше наполняется для каждого из нас особым смыслом. Потому что уже на наших глазах этой

сгоревшей техники становится все больше. И уже в нашей памяти появляются зарубки с именами товарищей, для кого эта дорога на Бараки стала последней…

Теперь и мы знаем, почему Бараки-мраки. Каждый в бригаде знает про печально знаменитую «Мухамедку» — без приключений миновать район кишлака Мухамед-Ага редко удавалось. И располагался он как раз в зоне ответственности третьего батальона. Собственно, основной задачей батальона и было контролировать этот самый опасный отрезок дороги — от Мухамедки до перевала Терра на Гардез, — по которой осуществлялось в основном снабжение бригады всем необходимым: боеприпасами, топливом, продовольствием и т. п. И еще «таскать» колонны — когда до Мухамедки, когда до Кабула и обратно. Ну и, по возможности, держать под контролем окружающую «зеленку», обитатели и «гости» которой из Пакистана как раз и жгли наши колонны. Хотя кто кого там контролировал, вопрос сложный.

Сама бригада от Гардеза была на приличном расстоянии, при этом окружена со стороны города полукольцом охранения — противотанковая батарея, зенитка, минометка. Но даже при этом и бригаду, и взлетку вертолетчиков «духи» периодически обстреливали «эрэсами» (реактивными снарядами) и минами.

С противоположной стороны, со стороны склада РАВ, был еще какой-то кишлак, но с тем вроде в свое время договорились о нейтралитете. Периодически, конечно, постреливали оттуда в сторону автопарка бригады и склада РАВ, но как-то лениво, будто понарошку. Стоял тот кишлак на открытой местности, и уж случись что — снесли бы его с лица земли за пять секунд.

А третий батальон был чуть ли не посередине «зеленки». Так что, помимо бесконечной рубки за прохождение колонн, заняться трем ротам батальона всегда было чем. Как говорится, «не отходя от кассы».

В этом, вероятно, еще одна причина некоторого тогдашнего «отчуждения» между нами и служившими в Бараках. Какое бы негласное соперничество ни было между нашим и 4-м батальоном, но, как ни крути, на боевые мы ходили в одни и те же места, когда по очереди, а когда и вместе. А с третьим батальоном на боевых мы практически не пересекались — у него была «своя война», жестокая и кровопролитная. В основном со «своими» «духами», в «своей» «зеленке» и окрестностях.

А «духи» в баракинской «зеленке» и впрямь были какие-то охреневшие. И попытки углубиться в нее периодически кончались весьма плачевно. Поэтому «на войну» туда ходили и витебчане из Кабула, и мы из Гардеза.

И вот на прическу этой самой «зеленки», «в гости» к этим самым охреневшим «духам» провинции Логар и на подмогу нашему третьему батальону в октябре 85-го отправился 1-й батальон бригады. А стало быть, и наша вторая парашютно-десантная рота.

Эта операция была знаменательна для нашего призыва еще и тем, что первый раз мы были на боевых в статусе дембелей. Уже вышел осенний приказ, ознаменовавший полтора года нашей службы, а значит, следующий приказ — НАШ!

Что радовало на этих боевых — вполне обоснованные надежды, что, по крайней мере, не придется лезть в горы. Да, шансов «нарваться» в «зеленке», пожалуй, побольше, особенно в такой. Но после июльского Панджшера и августовских Алихейля с Хостом, где мы опять налазились по горам до тошноты, при этом еще и «хапая» периодически от «духов», мы предпочитали иметь какие угодно сложности, но все же лучше на относительно пологой местности.

Ожидания наши оправдались — недели две мы занимались только тем, что переезжали с места на место на броне и останавливались неподалеку от разных кишлаков. А что такое обычный местный кишлак? Несколько дувалов, окруженных полями, а потом опять «зеленка».

Техника оставалось «в поле», а мы либо вставали на блок, «обозначая присутствие» и прикрытие, пока кто-то чесал этот кишлак внутри, либо, наоборот, шли в него сами. Обычно считалось, что вместе с нами работают и «зеленые»: царандой или ХАД.[11] Хотя видели мы их редко.

Каждый такой день начинался одинаково. Рассредоточились на расстоянии в 300–400 метров от «зеленки». Над дувалами дымок поднимается, собаки гавкают, петухи заливаются — какая-то жизнь там идет. И мы в той жизни точно лишние, но вмешаться в нее придется. Чем это на сей раз закончится… Чем может закончиться — представляют в роте все, кроме разве что прибывших только в августе из Ферганы «шнуров».

Огрызающаяся огнем «зеленка» — зрелище незабываемое. Однажды мне даже довелось наблюдать его буквально-таки в масштабе батального полотна, практически с высоты птичьего полета.

Летом то ли на Панджшере, то ли на Алихейле, наш взвод долго карабкался на очередную гору. Зачем — никто, как водится, особо не объяснял. Первыми лезем мы с Дядей. Постепенно горка превращается уже в некое подобие пика, но лезть еще можно. Мы и лезем. В конце концов оказываемся на головокружительной высоте на площадке размером метра

полтора на два с половиной. Даже не площадка уже — выступ на вершине пика. Учитывая богатырские Дядины размеры, даже дышать на этом выступе мне нужно аккуратно, чтобы не сдуло вниз. А внизу-то как раз какой-то кишлак здоровенный, горка аккурат над ним возвышается. Тихий такой кишлачок, спокойный, звуки слышны какие-то «сельские». Пастораль, одним словом, деревенская идиллия…

Только обустроились кое-как в этом «орлином гнезде», тут как засверкает внизу! Смотрим: с левой стороны к кишлаку бронегруппа приближается. Штук десять бэтээров идут уступом и шпарят непрестанно из обоих пулеметов и из бойниц. А кишлачок-то наш идиллический засверкал весь вспышками, как гирлянда елочная. Из всех дувалов в ответ лупят. При этом ни одного человека не видно. Просто сюр какой-то… Вдобавок звуки от выстрелов доносятся чуть позже, чем сами вспышки, то есть звук боя получается отдельно от «изображения». Нереальное зрелище — просто как в кино себя чувствовал. А как еще? Из «РПК» моего стрелять смысла нет. В кого? Гранату бросить — не долетит, взорвется раньше. Да и куда она попадет, хрен знает. А если в своих?

Слава богу, у обитателей этого идиллического кишлака гранатометов, видно, не оказалось. Или пожадничали. Так или иначе, пробились бэтээры через кишлак и скрылись из виду. Чего уж им там надо было, — так и осталось для меня загадкой. Хотя недолго-то я над ней и раздумывал. К тому времени уж привык особо на боевых не задумываться, что к чему да почему. Что надо — объяснят. А остальное, значит, и не надо.

И вот бэтээры наши уехали, а кишлак опять погрузился в свою пасторальную благость. Как будто и не было ничего, померещилось. Но картина еще минуту назад такого мирного и сонного селения, плюющегося из всех щелей огнем, засела в голове прочно. И теперь нет-нет да и напоминала о себе предательской мыслью, что теперь-то внизу мы, а очередной сонный кишлак — вон он, в паре сотен метров впереди… Только вот эту «батальную картину» придется уже не сверху рассматривать, а изнутри.

Ротный ставит взводным задачу, кто куда направляется — к каким дувалам. Взводные назначают группы прикрытия и досмотра. Ну, начали…

«Золотая осень» в полном разгаре. Солнышко ласково светит, листочки на деревьях шелестят — где зеленые, а где уже и пожухлые. Красота! То тут, то там среди выстроившихся по струнке тополей журчит арык. Наклонился, плеснул на лицо, смочил руки — уже легче. Это тебе не по горам ишачить,

обливаясь потом и умирая от жажды… Хотя, конечно, пока лазаешь между глиняных коробок дувалов, тоже нет-нет да и потечет по спине пот. Только непонятно — от жары или от неотступного чувства, что за тобой наблюдают из-за этих глухих глинобитных стен, к которым ты приближаешься по до отвращения открытому пространству. И не исключено, что наблюдают в прицел…

Переступаешь через земляные валики, на квадратики разделяющие поля вокруг дувалов, и думаешь: случись что, за таким валиком не особо укроешься… Но пока везет — сопротивления никакого. Так, по мелочи. Иногда курьезно…

В очередном доме Толян Кочетов в одной из комнатушек обнаруживает «духа». Почему-то тот не успел ни свалить, ни спрятаться. Может, думал, не найдут его в соломе этой. Но Толян нашел. Мужик без оружия, но в нагруднике с магазинами, — точно «дух». И это выбивает Толяна из колеи. До этого мы «духов» только в горах видели, на боевых действиях. Там все ясно — кто раньше выстрелит, тот и молодец. Попал-победил. А тут непонятно как-то: то ли это боевые действия, то ли нет, то ли это «дух», то ли нет. С вооруженным человеком хоть ясно, что делать. Сопротивляется — стреляй. Сдается — клади на землю, разоружай.

Короче, в этих непонятках Толян схватил свой автомат за ствол и давай над головой крутить, орать на «духа». Мол, стоять, бояться! Типа как старшина Васков в «А зори здесь тихие…»: «Лягайт, лягайт, сука!»

На шум вваливается Пахом со своей «СВД» наготове и не «заваливает» с разбегу «духа», а только успевает оценить комичность происходящего.

«Дух» сдается, Толян опускает автомат-дубину, и парни выводят пленного из помещения, навстречу подоспевшему ротному. А из-за дувала уже вывалила куча детей и теток в паранджах, и все голосят как резаные.

«Духа» обыскивают, в одном из карманов обнаруживают толстенную пачку денег. Тут ротный совершает удивительный поступок — отдает ее ВСЮ в руки оказавшейся рядом навзрыд плачущей девчушке лет пяти. Она сжимает деньги ручонками и, не переставая плакать, идет обратно, в сторону дувала. По дороге к дому проходит мимо Пахома… На нее уже никто не смотрит, тетки все колотятся по поводу попавшегося мужика, а ротный продолжает его шмонать.

Эх, Пахом, Пахом… Не поднялась рука прибрать все это богатство к рукам… Тоже, блин, Достоевский… Слеза ребенка, и всякое такое…

Потом задержанного сажают на корточки у дувала. До прихода хадовцев несколько человек остаются его караулить.

Наступает черед Пахома. К этому моменту от достоевщины он уже отошел, и мысль о том, что с этой овцы не предвидится ни клока шерсти, его бесит.

Пока «духа» шмонали, Саня положил глаз на складные пакистанские ножнички, которые обнаружились у того в одном из карманов. Вещь компактная, в хозяйстве нужная, а главное, уж больно «заморская».

— Эй, душара, чарс аст?[12]

Докопаться-то надо до чего-то… Откуда у того чарс после шмона? «Дух» удивленно смотрит, а Пахом уже лезет ему в давно «пристрелянный» карман.

— Шурави[13] контрол…

И вот заветные ножнички уже у Сани.

— Бакшиш, бача. Фамиди?[14]

Да понял он. Все понял — так посмотрел на Пахома, с таким презрением, что пятнадцать лет не мог забыть Саня этот взгляд. Так и не сумел — года три назад выкинул эти ножнички к едрене фене…

Вечером, до темноты, выходим из «зеленки» к броне. Туда уже горячую еду подвезли. С утра и днем особенно старались не наедаться — вдруг бой. Горький опыт — на пустой желудок шансов выжить при попадании в живот больше. А набуздыришься — разорвет кишки, и пиши пропало… Только за «шнурами» нужен глаз да глаз — им-то, вечно голодным, неймется весь сухпай смолотить, зная, что вечером все равно накормят.

Поели, умылись в речке, «шнуров» на посты — и баюшки. Вот и еще один день прошел. Ну и х… с ним…

На третий-четвертый день все уже стало казаться рутиной. Очередной кишлак, очередное бугристое поле, очередной дувал… Идем без взводного. «Шнуров» оставили снаружи.

— Смотрим, блин, в оба. Если кто из шакалов нарисуется — мухой сообщить!

Очередной бухтящий что-то непонятное старик с козлиной седой бородкой.

— Душманы аст, бабай? Оружие аст?

Про душманов понимает, сука. Еще активнее бухтит, теперь уже покачивая головой:

— Нист, шурави, тыр-пыр, астам-хастам…

Мол, нет, какие душманы, нет никого, мирные мы, крестьяне…

Ни хрена мы его, конечно, не понимаем, да что он еще-то может говорить? Конечно, мирные, конечно, нет душманов. Тут,

похоже, вообще никого нету.

Жестами показываю — мол, дом осмотрим.

Опять бухтит, что-то там про «духтар».

— Ну да, «духтар» — это мы понимаем. Давай показывай…

Что, не покажешь? А если вот так тебе, если стволом автоматным под ребро сунуть? Нет, не понимаешь? А прикладом по спине? О, понимаешь, молодец! Пошли смотреть «ханум-духтар»…

— Да хорош ты, бухтеть-то, щас еще получишь! Не тронем мы их…

Аккуратно входим в приоткрытую дедом дверь. Внутри чуть слышный шелест — сбились все в кучу, лица закрыли.

— Усов, Храпов, остались здесь — смотрим в оба!

Ни хрена не видать, что там, за окошечком этим сетчатым, в том месте, где лицо. Только видно, как мелкой-мелкой дрожью трясутся складки…

— Ну что, дед, играем в «Гюльчатай, покажь личико»?.. Опять бухтишь? Ты задолбал уже бухтеть, покажи давай, кто там дрожит у тебя… Кто там нас так боится, воинов-интернационалистов… Дед, ну ты упертый какой, что с тобой делать, а? Вот так понимаешь? — Затвором «щелк»… — Смотри-ка, понимает. Видать, знакомый с такой техникой!

Злобно зыркает глазами дед, бормочет что-то в сторону безликих фигур. Секундное замешательство… Что-то прикрикивает…

Женщины поднимают свои «забрала». Е-мое!.. Какие же глаза! Огромные, темные. Где-то я уже видел такие глаза? Точно, у косуль с газелями такие глаза — карие, чуть влажные, настороженные. А эти не настороженные даже, а испуганные. Только от этого они еще прекраснее… Такие прекрасные, такие чистые, такие беззащитные…

Это я что, краснею, что ли? Отставить, солдат. Отставить интеллигентские гунди. Мы на войне. Я — солдат. Это — враги… Ну, не враги то есть, а пособники врагов… Возможные пособники. Вот где их мужики? Не одни же деды и девки волоокие на полях этих работают. И куда все мужики подевались? Чего испугались? Значит — «духи»!

Это же здесь Мишка Сергеев погиб из нашей роты, когда три месяца назад колонну очередную раздолбали. Три месяца! Три месяца ему оставалось до дома! Сейчас бы уже отправки ждал… Это кто-то из них, козлов, лупил по нему, истекающему кровью, когда он пытался от подбитого бэтээра отползти. Не дали, не отполз — добили…

Все, на хрен все мысли! Нету тут людей, нету… «Духи» они

все!

— Так, дед, давай-ка мы оружие тут у тебя поищем. Да не бухти ты уже! Видишь, не тронули духтар твоих. Вот сейчас поищем — и уйдем…

Разошлись по дому кто куда. Так, что тут у нас? Ага, лепешки и что-то типа масла в кадке. Отлично. Вот, уже не зря пришли.

— Гаврюша, сюда иди! Маслица побольше этого на лепешечку! Завернуть — и в РД! Не дай бог сожрешь, «шнурина», вешайся тогда!

Так-с. Отлично. Дальше что? Второй этаж. Маленькая комнатуха. У стены сундук. Замок.

— Дед, ключи давай! Что, не дашь? Сука ты душманская, дед. А мы с тобой по-хорошему… А могли бы всех твоих духтар…

Ладно, пособник душманский ключи не дает — пинком его вниз, чтоб не тарахтел.

— Саня, Календа, посмотри там за ним.

Что тут у нас в сундучке? Без ключей разберемся, на то приклад есть. О-па! Есть контакт! Афошки! Тугая скатка, веревочкой перетянута! До хрена, наверное… То-то и плохо, что до хрена — за это «до хрена» он и вонь потом поднять может. Небось копили, чтоб очередную духтар в дом привести кому-то из сыновей. Точно развоняется.

Так-с, ладно. Из вашей душманской пачки забираем немного на покупку часов «Casio» с «куркулятором» и еще чуток на бакшиш из дукана. А то через полгода домой, а я ни хрена еще на дембель не затарил. Все скачу и скачу по вашим горам чертовским. А там хрен чего затаришь. Скорее, самого «затарят» в цинк… Короче, причитается с вас!

Спускаюсь вниз. Из других помещений выруливают Олег, Серега, Дядя. Все перевернули, но судя по постным лицам — нигде ничего.

Ну, глядишь, в другом дувале повезет вам, парни. Значит, мой день сегодня.

— Все, дед, не бухти! Уходим мы. Живите пока…

Возвращаемся к взводу.

— Все чисто, товарищ лейтенант, бабай да бабы. Оружия не нашли. Только и мужиков никого.

— Ясно. Ничего удивительного — операция-то совместная с «зелеными». Местных небось еще вчера предупредили, вот и нет никого. Ладно, продолжаем…

Только подошли к следующему дувалу — где-то за ним, со стороны поля, стрельба. Обегаем дувал, падаем на краю поля за земляным валиком. Так, что там такое?

Впереди нас — здоровое прямоугольное поле, за ним деревья

в ряд к небу вытянулись, арык видно. А правее, на дальнем краю, еще пара дувалов. Там вроде первый и третий взводы чешут. Стрельба оттуда как раз. И тут замечаем, как со стороны тех двух дувалов бежит через поле человек. Афганец. В чалме, в рубахе длинной и накидке их обычной, типа одеяла тонкого. И вот он ОДИН бежит, а стреляют-то как раз по нему наши парни. Причем стреляют уже не таясь, потихоньку двигаясь за бегущим. Есть такое упражнение учебное — «Стрельба с короткой остановки». Вот примерно такое упражнение сейчас человек десять наших выполняют от дальних дувалов.

«Дух» бежит, перепрыгивает через земляные межи, петляет как заяц. А парни от этого все сильнее заводятся. И то ли от возбуждения не сразу попадают, то ли специально…

Бум-бум-бум…

Это из «ПК» кто-то «зарядил». Афганец аж подпрыгнул — фонтанчики земли везде вокруг него все ближе. Вдруг как толкнули его в спину… Упал… Все? Нет, опять поднялся, бежит, хотя не так прытко уже. Вот дает!

От парней до него метров 100–150 наверное, а от нас метров 50. Всю эту картину я за считаные секунды «срисовал». А пока «срисовывал», сошки «РПК» своего поудобнее на бугорке земляном пристроил. Подумал еще: «А может, не надо, ведь и так ясно все…» И ответил себе же: «Надо!»

Передался мне азарт с того конца поля. Попер адреналин, за предыдущие дни накопившийся, пока ждал, что начнут такие вот в чалмах по нам долбить…

— На тебе! Получи, сука!

Полмагазина засадил в первую же очередь. Двадцать пуль. Двадцать кусочков горячего свинца в зайца этого…

Попал! Точно попал!

И почти одновременно пулеметчик с того конца поля тоже задолбался, видно, тянуть кота за… Сошлись две пулеметные очереди на бегущем. От такого «заряда» его аж в воздух подбросило и развернуло… Упал. Приподнялся, пытается встать, упал на четвереньки, ползти пытается…

Тут уж его реально просто добивать стали все, кто рядом оказался. Сколько уж там в него свинца засадили, не знаю — я свою «сорокапятку»[15] выпустил всю.

Тут, слышу, ротный орет:

— Прекратить стрельбу! Отставить! Хватит!

И звенящая тишина над полем. И гарью пороховой тянет…

Поднялись, идем к нему, к «духу» этому — он еще ворочается чего-то. Подошли, встали полукругом. Он на спину перевалился, весь в кровище, аж пузырится по всему телу. Глазами вращает

навыкате, хрипит что-то… Молодой, лет 20, наверное… Хотя кто их разберет.

Ротный протиснулся меж бойцов. Распахнул окровавленные ошметки покрывала на груди.

Парень обеими руками прижимает к себе «АКМ». В «лифчике» железные магазины, штуки четыре… Точно, «дух»!

Ротный подозвал Леню Чмыря, санинструктора роты. Ни слова не говоря, только кивнул вопросительно на «духа».

Леня так же молча, с вечным своим скептическим выражением на лице взял раненого за запястье… Чего-то там на шее потрогал… Выражение лица сделалось еще более скептическим. Отрицательно покачал головой.

Ротный снял с плеча автомат и поднес к уху парня. Тот еще сильнее захрипел, завращал глазами, изо рта пузыри пошли кровавые…

Этот выстрел прозвучал ужасно одиноко, но показался всем нам громче, чем безумная пальба несколько минут назад…

Молча стали расходиться. Ротный передал по связи:

— Я «Остров». Нахожусь там-то там-то. Уничтожил мятежника. Захвачена одна единица оружия и боеприпасы. Потерь не имею.

Да, мы уничтожили еще одного мятежника. Еще одного охреневшего «духа» из баракинской «зеленки»… Нашего врага. Не первого и не последнего.

Только на душе до самого вечера было как-то муторно. И о дневном происшествии никто не промолвил больше ни слова. И все забылось, ушло. Ушло под «корку», как уходило уже до этого многое и как еще многому предстояло уйти. Такому, о чем нельзя ни думать, ни говорить, ни помнить.

А утром был новый кишлак, новый дувал, новый бабай… И снова светило солнышко, шелестели листья на деревьях, журчал прохладный арык в тени устремившихся в небо деревьев… И до дембеля было всего полгода. Или целых полгода. Кому как повезет…

Такой запомнилась мне «золотая осень» 1985 года на Бараках.

* * *

Когда мы вернулись в Союз, меня долго не переставал поражать один и тот же вопрос, задававшийся удивительно многими, узнававшими, где я служил:

— Ты убивал людей?

Самые любознательные шли дальше:

— А скольких ты убил?

Воистину любознательность порой граничит с кровожадностью. Мне ни разу не пришлось ответить на этот вопрос. О чем это они? Какие люди? Что значит «убивал»? Я служил в армии. Выполнял воинский долг. Был на войне. Стрелял по врагам.

Видимо, то ли по выражению моих глаз, то ли лица, то ли по каким-то еще телодвижениям спрашивавшие понимали, что продолжать не стоит.

К этому времени мы все, кто побывал «за речкой», уже перестали быть кабульскими, баграмскими, гардезскими, баракинскими, кандагарскими, джелалабадскими… Мы все стали «афганцами». Мы безошибочно чувствовали друг друга и как к родным тянулись к каждому, кто откликался на оклик «Бача!..». Может, и потому, что всем нам задавали эти вопросы и все мы не понимали, о чем это ОНИ???

А потом, через несколько лет, в фильме про войну во Вьетнаме я увидел эпизод, в котором американские солдаты стоят над телом подстреленной вьетнамской снайперши. Та вращает глазами навыкате и что-то хрипит…

И тут что-то скребнуло внутри. Я даже не понял сразу, что…

А потом один из американцев в кино перевел, что она просит ее добить. И они ее добили.

И тут я понял, ЧТО заскреблось у меня внутри. Вспомнил, где сам видел такие глаза и слышал такой хрип… Так вот, наверное, что он хрипел… Душара тот, на Бараках, осенью 85-го… Да и хрен с ним. Что бы он там ни хрипел — он был наш враг. А мы — его. И без разницы, что он не стрелял и был беззащитен… Он бы, не задумываясь, убил любого из нас, представься случай… И не переживал бы потом. И я не переживаю. Ни секунды. Сколько бы там ему ни было…

Сергееву тоже было 20. И Илье Редькову. А Гришину — 19… И Валере… А Ринату Узбекову — вообще 18. А ротному Мантурову — 27. И ротному Левченко…

И что?

Все, хватит… Из-за какого-то «духа»…

И правда, не переживал. Еще несколько лет… А потом в руки мне попалась какая-то книжка про белорусских партизан. Даже не помню, кто автор и как называется. Не помню, потому что не дочитал ее… Дошел до места, где молодой партизан, ослушавшись командира, пробрался на собственный страх и риск в свою деревню — увидеть то ли мать, то ли невесту — и напоролся на немцев, искавших в деревне партизан. И бежал изо

всех сил через заснеженное поле к своим, а немцы хохотали и обкладывали его очередями из пулеметов. А потом застрелили.

Тут у меня хрустнули зубы. Да нет, не тогда хрустнули. Сейчас! Потому что все! ВСЕ! Потому что все смешалось в башке — и этот белорус, и этот афганец. И это я лежу посреди какого-то поля, изрешеченный пулями, пускаю кровавые пузыри и что-то пытаюсь сказать. И понимаю, что ни матери, ни невесты, никого я больше не увижу! И мне всего 20… А вокруг меня стоят чужие люди. Смотрят на меня с любопытством. Один снимает с плеча автомат…

Только не надо мне говорить, что мы не немцы и пришли туда не для того, чтобы убить всех афганцев. Мы были готовы убить их всех, если надо. И у каждого из нас было достаточно причин для этого.

Меня уже давно не спрашивают, убивал ли я людей. И слава богу. Теперь я бы ответил…

Комарово (ноябрь — декабрь 1985 года, Кандагар)

Декабрь 85-го, Кандагарская операция.

Пожалуй, так далеко мы еще от Гардеза не уезжали. Хотя, может быть, это кажется. Просто уж больно ощутима в декабре разница между горным Гардезом и равнинным Кандагаром.

Из бригады выезжаем в снегу, кутаясь в бушлаты, и в ватных штанах. Глядя на удаляющиеся палатки, вспоминаю, как ровно год назад, вот так же кутаясь от холода во все, что можно, мы ехали на Алихейль, и я мечтал как можно дольше не возвращаться в бригаду, чтобы не видеть эти ненавистные палатки, где все время нужно «шуршать», эти ненавистные столовую и хлебопекарню, откуда нужно таскать жрачку. А теперь мне даже грустно как-то. И хочется скорее вернуться.

Впрочем, и в Кандагар съездить тоже интересно. Во-первых, мы там никогда не были. И в Панджшере побывали, и в Хосте. Алихейль с Нараем вообще как дом родной. А Кандагар — что-то далекое и незнакомое. А во-вторых, там, говорят, тепло зимой. А то погодка-то наша гардезская меня порядком зимой подзадолбала. Это ж надо, как подвезло — попасть в южную страну и по четыре месяца мерзнуть. Даже тогда, когда не твоя забота обеспечить тепло в палатке, расчистить снег и так далее — все равно достает этот постоянный дубак. И влажность. При минус 15 в горах легко можно обморозиться. Серега Жуков на какой-то зимней операции ноги «упустил» — и без половины большого пальца остался.

Проехав Газни, «разоблачаемся» и остаемся в одних х/б. Чем ближе к Кандагару, тем теплее. А уж во время операции днем вообще бывало реально жарко. Необычно, в общем. На дворе-то декабрь… Но приятно — хоть одним геморроем меньше: в эти три недели не мерзли почти.

После нескольких этапов операции на обратном пути бригада располагается на ночлег в чистом поле. Привыкшему к окружающим Гардез горам взгляду даже некуда упереться — вокруг плоско. Только где-то вдалеке, под торчащей из этой плоскости сопкой, расположена какая-то воинская часть.

Смеркается, и в той части уютно и призывно начинают мерцать электрические огоньки. Но мы чужие на этом празднике жизни. Нам предстоит очередная ночь «на природе». Скоро мы

уже совсем одичаем. Хорошо хоть, после одного из этапов нас сводили в баню в стоящий в Кандагаре второй батальон нашей 56ДШБ. Правда, было это давно и кажется неправдой. А вот грязь под ногами вполне реальна. Наверное, снег здесь все же бывает. Или дождь. В общем, что-то, из-за чего почва раскисла, стала скользкой и противной. От того, что придется не только месить ее сапогами, но и среди всего этого спать, становится тоскливо.

Впрочем, для того, наверное, чтобы нам не было уж совсем тоскливо, заботливое командование подгоняет поближе к броне бээрдэмку с установленным на ней огромным громкоговорителем. Это бронемашина нашего бригадного БАПО — боевого агитационно-пропагандистского отряда. Отряд этот ездит по кишлакам и через этот самый громкоговоритель вещает вперемешку с местной музыкой собранным на митинг дехканам, какая классная у них будет жизнь при народной власти. Короче, все как у нас в Гражданскую, когда были агитбронепоезда. Просто тут железных дорог нету. Не знаю, как кто, но не хотел бы я попасть в этот БАПО. Пару раз нас им на усиление давали, когда они ехали агитировать в какой-нибудь уж совсем душманский кишлак. Народ собирали на какой-нибудь вместительной площадке, бапошники агитировали за народную власть и рассказывали про светлое будущее. А мы рассредотачивались на некотором расстоянии на случай, если кто из местных тоже захочет поагитировать «шурави» и сильно увлечется. И, зная любимый и единственный духовский способ агитации, оружие заранее снимали с предохранителя и глаз с местных не спускали. И как-то не верилось по лицам афганцев, что сильно они верят в светлое будущее. Особенно когда в него зовут «шурави». Потому как-то спокойнее было, что на наших бэтээрах вместо громкоговорителей — крупнокалиберные «КПВТ». Как-то оно надежнее. Да и убедительнее, наверное…

Но сейчас, поскольку поблизости агитировать за народную власть было некого, динамики бапошного бронетранспортера решили использовать «для своих». Звучит из них незнакомая песня.

На недельку, до второго
Я уеду в Комарово
Поглядеть отвыкшим глазом
На балтийскую волну…[16]

Веселенькая такая. Бодрая.

То, что песенка бодрая, мне сейчас очень кстати, потому как отправил меня взводный с двумя «шнурами» и огромным

термосом за «котловым довольствием». Так, по-моему, на армейском новоязе называется горячее питание, которое нам выдают, когда мы стоим рядом с броней.

Полевую кухню поставили где-то хрен знает где. По грязище этой хлюпающей идти задолбаешься. А тут еще двое «шнуров» еле прут здоровенный термос, до краев наполненный какой-то горячей бурдой. Пыхтят, спотыкаются… Какие ж они нескладные и неуклюжие, «шнуры» эти. Ползут, как беременные. Но не мне ж с ними тащить — ни хрена себе, дембелю ВДВ… Может, «ускорения» им придать? Бесят, гады…

С таким же точно громадным термосом ровно год назад на Нарае ковылял и я. Мне повезло меньше, чем этим двоим, — я был один с двумя «ветеранами», Гришиным и Сергеевым. Пинали меня постоянно. Злились…

Всего-то год прошел… Целый год… Полслужбы, как полжизни. Нет уже в живых ни Гришина, ни Сергеева. Гена подорвался там же, на Нарае, на следующий день. А Мишку в июне убили. На колонне, у Мухамедки…

А большая часть их призыва уже дома. Сираич, Крава, Волк, Билык… Все, кто из наших злобных «ветеранов» успели стать нашими хорошими приятелями. А то и друзьями. Нормальными пацанами. Сейчас тащутся там, наверное, под это «Комарово» на танцах. А мне еще полгода тут корячиться, эх… А «шнурам» этим — так все полтора! Это если повезет… Да нет, повезет обязательно. И мне, и двум пацанам этим. Нормальные, в общем, пацаны. Илюха Редьков из Питера вроде…

— Репа, ты ж питерский?

— Да.

— Карелия ж рядом у вас. Знаешь, где это Комарово, про которое поют? Бывал?

— Чего?

Смотрит на меня, рожа красная. Пот течет. Какое там Комарово, он ни хрена не слышит и не видит сейчас! Весь мир для него сейчас в этом тяжеленном термосе… Как для меня тогда, на Нарае…

Тут как подтолкнуло меня что-то:

— Ладно, Репа, давай передохни маленько…

Смотрит удивленно, непонимающе. И второй тоже офигел. Не поймет, чего это я дуркую…

Да я и сам не пойму. Как в анекдоте: «Музыкой, что ли, навеяло…»

— Чего ты, сапог, уставился?! Потащили!

Что тогда подумал про меня Репа, я не знаю. И не узнаю никогда. Не суждено было Илюхе Редькову вернуться в родной

Питер. Под самый дембель, в апреле 87-го, убили его под Джелалабадом…

День рождения (январь 1986 года, Нарай)

Вот мне и 20! Удивительно устроено время в армии — всего год назад, когда исполнялось 19, я был «молодой». И жизни не было. Теперь мне всего 20, а я уже «дед»! И жизнь прекрасна!

Уже больше полутора лет в Афгане, скоро весна — а значит, домой! И плевать, что до дембеля еще минимум три месяца. Плевать, что день рождения придется отмечать на боевых. Так оно даже интереснее, если ты дембель, если на этой горке ты уже бывал раньше, если вообще горы теперь для тебя привычны. И многочасовой подъем, на котором ты умирал год назад и который непросто дался тебе даже девять месяцев назад, весной, теперь ты осиливаешь, не сильно запыхавшись. Даже идя почти по пояс в снегу.

Да и боевые складываются вполне удачно — похоже, на сей раз переть до Алихейля придется доблестному 4-му батальону. Во всяком случае, мы на своей горке сидим уже больше недели. И как раз вчера очень кстати наш взвод отряжали вниз за очередной порцией сухпая. Очень кстати потому, что сухпай теперь нам выдают «горный», а это значит — много вкусных консервов плюс сгущенка, шоколад и пшеничные галеты. Все, что нужно, чтобы 20-летие мое получилось отменным.

Спустились без проблем, хотя немного стремно было, что идем только с тем боекомплектом, что в автомате да в подсумках, — РД освободили под сухпай. Но сверху нас «пасли» наши, снизу — подошедшая броня, а взводный, Кондратьев, чуть ли не каждые 15 минут докладывал обстановку. Так что было ощущение «прикрытия». И потом, все-таки очень успокаивало, что это почти родной Нарай — сколько раз уже здесь лазали. Хотя ведь где-то здесь неподалеку и та горка, где подорвался в декабре 84-го Гришин, и та, где разорвало тогда нового замполита батальона.

Броня подвезла сухпай на всю роту к подножию гор. Мы распихали его по РД и еще на горб по коробке. Броня осталась внизу до нашего сообщения, что дошли. Назад пыхтели долго — сухпай, конечно, не патроны, но под завязку набитый банками РД весит тоже немало. Однако самое неудобное — коробка с шестью целыми сухпаями на горбу. Правда, на этот раз шел я без нее — оттаскал уже свое, хватит. Должен же быть какой-то смысл в сержантских лычках, кроме дополнительной мозгопарки…

Но наши молодые «забуксовали». Уходя с горки, мы

просмотрели, что некоторые из них не стали снимать ватные штаны, в которых дежурили ночью. «Шнурам» же все время холодно… И теперь с них ручьем лил пот… Так что пока долезли назад — вымотались все. Они — идти, мы — подгонять. Броня уже материла нас по-всякому. Мол, сколько можно! Материла, но ждала.

Доставленный сухпай распределили по взводам, а потом началось его частичное «обратное движение» в расположение нашего взвода.

У Пахома с Толяном Кочетовым целый взвод «шнуров». А всякий знает — «шнуры» не любят сгущенку и шоколад. Да и вредно им… Вот они и пожертвовали все это добровольно в фонд празднования. Ну и наши «шнуры», конечно, тоже… Так что всего вполне достаточно для праздничного «торта» и «горячего шоколада». Три галеты промазываются сгущенкой, и это «пирожное» убирается в снег до утра. Часть галет черенком саперки перетирается в котелке в крошку и перемешивается со сгущенкой. Тоже в снег. А завтра остатки сгущенки разведем водой и смешаем с растопленным шоколадом. И потом как все это… Ресторан «Прага» отдыхает!

Наступает утро. Мысль о предстоящем пиршестве греет душу. Даже несмотря на то, что за ночь тело, как всегда, промерзло по самое некуда — морозу ведь плевать, кто «молодой», а кто «дедушка». Потихоньку шатаемся между позиций, постепенно согреваясь.

Пахом с Толяном уже подошли. Они со своими «шнурами» сидят совсем рядом с нами, на небольшом хребте, в который вытягивается горка нашего взвода.

Поздравили меня парни. Потихоньку прихожу в настроение именинника. Скоро должны подтянуться Белый, Леня Шеин и другие наши из третьего взвода — Серега Мельников, Давлетов… Да много еще кто — ведь и с осенниками, что на полгода младше, мы уж скорешились. Кто теперь помнит, что год назад именно на них переложили мы свои «шнуровские» страдания…

Как все соберутся — начнем «пировать». И так уже все только что не облизываемся, глядя на лежащие на снегу под елью «деликатесы»…

Но первыми на горизонте показываются ротный с замполитом. Они еще только проходят мимо первого взвода, но чую — идут к нам. Судя по направлению взглядов, именно к позиции моего отделения.

Плотников, что ни говори, нормальный мужик. Поначалу-то он как раз моим взводным и был. Хоть и натерпелись мы тогда, но он жизнь портил меньше, чем многие другие летехи. Теперь он

старлей и ротный. Если б не Плотников, не видать бы мне ни звания, ни соответственно надежды на отправку в апреле…

И вот кто бы первый не допустил этого, не будь Плотников его другом, так это замполит. Вот уж кто ненавидит меня всей душой! Больше полутора лет с ним служим вместе, в горы ходим, а все не успокоится. Вот и недавно опять чуть под статью не подвел… Никак не уймется, тварь!

Да пошел ты! Ну что ты можешь мне сейчас «предъявить»? Допустим, стуканул кто-то про сгущенку и шоколад. Так большинство подтвердит, что отдали сами, типа в «общак». Я ж без нужды никого из наших «шнуров» не трогаю. А первый взвод и подавно — Толян носится с ними, как наседка. Сам наваривает, если что, а другие — не моги. Нам бы в свое время такого замкомвзвода…

Так что уверен я — ни у кого из «шнуров» обиды на меня быть не может. Не за что. Но, как ни успокаивай себя, а каждое появление замполита, хочешь не хочешь, напрягает. «Блин, неужели и этот день рождения мне испортит?» Прошлый раз никогда не забуду…

В голове проносятся подробности моего 19-летия. Всего-то год прошел, а кажется — полжизни…

…На утреннем построении замполит поздравил меня перед строем роты, отправлявшейся на «парко-хозяйственные работы», и объявил, что я, как новорожденный, от работы сегодня освобожден и могу остаться в палатке.

Ох как «по-доброму» посмотрели на меня… да все почти, кроме моего призыва. Мы же все еще самые молодые в роте, долгожданный февраль еще не наступил… И вот какой-то «шнурина» будет тащиться в роте, а «ветераны», «дедушки» и даже «граждане» ВДВ будут вкалывать на холоде?!

Замполит знал, что делал, — никогда не упускал он случая покуражиться над не захотевшим «стучать» для него москвичом. Что ждет меня вечером из-за его «подарка», прекрасно понимали и он, и я.

Но замполиту мало, он изобретательный. Рота уже затопала в сторону парка, а замполит чуть задержался, подрулил своей гусачьей походкой ко мне и ласково так шепчет на ухо:

— Шейнин, до вечера бушлат постирай. Чтоб на вечерней поверке был в чистом!

Вот сука!!! Нет, бушлат-то, конечно, не блещет чистотой. (А откуда ему быть чистым — ведь с утра до вечера что-то моешь, таскаешь, воруешь…) Но что значит «шнуру» постирать бушлат до вечера? Горы, 2800 над уровнем моря. Январь. Снег, влажность, ветер, при — 10–15 случались и обморожения. В палатке стирать

не даст наряд — на хрена им нужно, чтобы кто-то их чистоту нарушал. Да еще и припашут наводить ее, если кто из старших призывов в наряде. Нет, от палатки нужно держаться подальше, причем лучше до вечера. Значит, единственный выход — к столовой. Там установлено приспособление для мойки котелков — длинный жестяной желоб, над ним труба с дырочками, из которых тоненькими струйками течет, если повезет, теплая вода. Под ней котелок-то пока отмоешь, руки отвалятся, а тут — бушлат целый! А что делать? День рождения же — гуляем-отдыхаем…

С водой повезло: сегодня течет, и довольно теплая. Не повезло с тем, что нарвался на Юрку Жаркова из разведроты — сегодня припахивать кого-то для мытья котелков разведчиков выпало ему. Мы земляки, да и в Фергане были в одном отделении. Но тут деваться некуда, припахивать ему придется меня. Он крупнее, сильнее, да и не стал бы я по-любому с разведчиком связываться… Ладно, значит, бушлатом займемся позже.

По идее, он должен только наблюдать за мной да «ускорение» придавать. Но Юрке неудобно — все же свои… К тому же, спросив, как меня сюда занесло, он узнает, что это я так день рождения праздную.

Юрка моет котелки вместе со мной. А что еще он мне может подарить? И это для него недешевый подарок: увидел бы кто из разведроты, как он вместе с припаханным котелки наяривает, огреб бы Юра по полной! Вдвоем управляемся быстро. «Ладно, Тема, давай. Не обижайся. С днем рождения тебя еще раз!» Ну, как тут не вспомнить мультфильм про Винни-Пуха, про день рождения ослика Иа-Иа, потерявшего хвост? Тот тоже иронизировал по поводу праздничного стола, подарков и гостей… которых не было.

Но мне не до мультфильмов — у меня «большая стирка». В меру способностей оттираю бушлат при помощи огрызка хозяйственного мыла. Полдела сделано. Но это только кажется. Главный-то фокус — не постирать, а высушить. Вот в чем «прелесть» всей затеи замполита — он же знает, что печки не топят в палатках до вечера. Да и когда затопят, никто не даст молодому спокойно сушить бушлат. Особенно когда вернется рота… Значит, либо надевать недосушенный, как нередко уже приходилось многим из нас, либо придумывать что-то нестандартное.

Есть, придумал! Решение, как всегда, перед самыми глазами. Мойка рядом со столовой. Столовая — это готовка. А готовка — это котельная с топками. Гениально! Заодно и погреемся, как

говорится…

Обхожу столовую, захожу в полумрак котельной. В глубине призывным и обнадеживающим пламенем светятся несколько топок. Из полумрака выплывает черномазое чучело — истопник. Это одно из немногих существ в бригаде, не находящееся в солдатской иерархии выше «шнура». У таких нет призыва — как правило, они попадают в свои котельные, свинарники и так далее «шнурами», сломавшись и не выдержав «школы жизни» в этом ее проявлении. И дальше, сколько бы уже человек ни служил, отношение к нему как к чмо. А потом вдруг он исчезает куда-то, и на его месте оказывается точно такое же сомнамбулическое «тело» без срока службы. Всегда испытывал к ним смесь презрения и жалости…

— Слышь, мне тут бушлат нужно высушить!

— Да суши… У тебя закурить нету?

— Не курю.

— Ладно, суши.

Интересно, они все изначально такие «отмороженные» или им здесь все эмоции поотбивали? Больше ни слова от него не услышал — он сел в стороне и сидел, молча уставившись на огонь, лишь иногда подкручивая напор в горелках.

Тепло… Воняет, правда, немного. То ли это топливо для горелок, то ли результат его сгорания. Да плевать. Никто не кантует… Жрать, правда, охота, но на обед не пойду. Лучше здесь побуду спокойно, погреюсь. Звиздюлей вечером так и так получать… Скажу, сушил бушлат, сигнал не услышал, а часов у меня нет.

Бушлат высушился отлично — я его совсем близко подносил к огню; и наизнанку выворачивал, и снаружи просушил.

Как быстро летит время в тепле и спокойствии!.. Когда выхожу наружу, уже темно. Иду в роту. Наши готовятся к построению на ужин. Вхожу в палатку.

— «Шейнин, где был, сука? Тарился где-то? Что за херня, солдат? Иди сюда!»

Это Сираев, наш замкомвзвода, гроза и ужас. Шея уже заныла от предстоящих маклух.

— Че мне замполит за тебя мозги парит? Почему на обеде не был?

— Игорь, я бушлат стирал, потом сушил в котельной. Сигнал не услышал, часов нет… Вот, высушил и пришел.

Что-то у него изменилось во взгляде. К обычному для Сираича бешенству прибавляется еще какой-то оттенок. Что это? Удивление? Издевка?

— Ты бушлат стирал? Сушил, говоришь? А ты себя видел,

чучело, чего ты настирал-то?

Только сейчас, при свете пусть тусклой, но все-таки лампочки, первый раз толком разглядываю бушлат… и медленно холодею от ужаса и безнадеги.

Бушлат сам по себе был чистым, но его словно посыпали тонким-тонким слоем золы, настолько мелкой, что заметить ее в полумраке котельной и в темени улицы я не смог. Да и не ожидал такого…

Первые несколько ударов в корпус я даже не почувствовал, настолько был удручен, что все насмарку. Следующая порция маклух-колобах была уже более чувствительной, но все же немного приглушилась мыслями о предстоящей «перестирке» уже ночью и сушке до утра. А потом я привычно вырубился от любимого сираевского «крюка».

Вот мне и 19…

Неужели все это было со мной и так недавно? Я даже успел забыть, как это, когда бьют тебя, а не ты. Хотя сираевской виртуозности мне не достичь.

…Ладно, к черту воспоминания, тем более такие. Мне 20, и скоро домой.

Ротный с замполитом уже подошли. Точно — ко мне и шли. Только лица какие-то странные у них. Хмурые какие-то физиономии. А я-то думал, поздравят…

— Ну что, — начинает ротный как-то вяло, — с днем рождения тебя, Артем!

— Спасибо, тащ старший лейтенант!

Чего он смурной-то такой, не пойму. Тут вступает в разговор замполит:

— Тебе сколько исполнилось-то?

— Двадцать, тащ старший лейтенант!

— А чтоб 21 исполнилось, хочешь?

Ну просто типичный, в духе нашего замполита, вопрос. Кто еще так «по-доброму» может «украсить» поздравление. Ну что тут скажешь?

— Конечно, хочу! Надеюсь…

— А вот семнадцати человекам из первой роты уже точно никогда не исполнится, — перебивает он. — Сегодня у них целый взвод перебила «духовская» банда. К вечеру могут выйти на нас. Так что хочешь до 21 дожить — долби окоп и не спи.

Настолько все услышанное не укладывается в голове, особенно при сегодняшнем блаженном настрое, что по лицу моему, видать, понятно, что торможу. И правда — как обухом по голове. Аж в ушах зазвенело… Взвод? Первой роты? Да там половина парней знакомых, у нас же в бригаде палатки рядом!

Мысли никак не собираются в кучу… Как, почему?!

Ротный объясняет:

— Пошли вниз за сухпаем. По дороге назад нарвались на засаду. «Духи» перебили всех. Видно, серьезные ребята — есть данные, что могут быть переодеты в нашу форму. Так что посты усилить, быть внимательными и бдительными. Никаких костров. Возможно, они уже нас «срисовали». Всем сидеть на позициях, не шататься. И укрепляйтесь, укрепляйтесь!

С этими словами они удаляются туда, где сидят наш Кондрат с замкомвзвода Ванькой Зуевым.

Еще каких-то десять минут назад на нашей позиции царило радостное оживление и предвкушение застолья. Сейчас… И не знаю, как это назвать. «Обалдение», наверное… Сказал бы «шок» — да не говорили мы тогда так.

В этом вот невыразимом состоянии Пахом с Толиком молча уходят к себе на позиции. А что тут говорить? Погуляли…

А мы поднимаем всех, отдыхающих с ночи, и начинаем «укрепляться, укрепляться». Правда, не очень понятно, как выполнить приказ ротного, не нарушая другого его же приказа. Если не шататься по позициям, то чем укрепляться? Ведь все камни поблизости мы уже и так собрали, соорудив брустверы своих позиций и обложив возвышающийся в центре «Утес». Долбить каменистую, промерзшую землю, стараясь углубить окопы, почти бесполезно. Но слова замполита насчет «дожить до 21» засели в голове — и, видно, не только у меня. Все молча, исступленно долбят свои окопы до самой темноты. Ночью, против обыкновения, по одному-двое спать отправляем только молодых.

Не знаю, о чем думают, вглядываясь в эту тьму, парни. Наверное, все про те же слова замполита. Про ребят из первой роты, которым никогда уже не исполнится 21…

Первая рота реже ходила в горы. Обычной их работой в бригаде было «таскать» колонны. На это «мероприятие» периодически попадали по очереди и другие роты нашего и четвертого батальона, но первая рота ходила в составе сопровождения почти всегда.

Сопровождать колонны — занятие едва ли не более опасное, чем ходить в горы. Недаром при старом комбриге, Чижикове, говорят, было правило, что каждый, кто с апреля по октябрь отъездил пять колонн, представляется к медали. Может, и преувеличивала солдатская молва, но, во всяком случае, точно отражала, насколько это считалось опасным. Редко какая колонна проходила «зеленку» без обстрелов и подрывов. Одна знаменитая Мухамедка чего стоит: вспомнишь — вздрогнешь…

Так что лиха афганского ребята из первой роты,

сопровождавшие колонны между Гардезом и Кабулом или Бараками, хлебали в полной мере. Но в горах нужны совсем другие навыки…

Почему на этот раз и их тоже решили отправить в горы — не знаю. Для многих, даже прослуживших по году, этот выход в горы был первым.

Пялясь в проклятую темень и дубея от холода, еще и еще раз перебираю в памяти все услышанное от ротного с замполитом. Первая рота сидит на соседней горке. Значит, спускались к броне той же дорогой, что и мы. Так, может, «духи» эти и вчера там сидели? Раз такие серьезные ребята, так вряд ли сразу бросились нападать, сначала понаблюдали.

Как ни холодно, а все равно зябко поеживаюсь еще и от мысли, что вчера за нами могли следить глаза выбиравших цель для нападения «духов».

В ту ночь, ночь после моего так и не отмеченного дня рождения, я не знал подробностей гибели ребят. Но и без этого навсегда остался во мне тот тоскливый ужас неизвестности. Мыслей о смерти семнадцати парней. И о том, что, возможно, сейчас эта смерть бродит где-то рядом с нами…

Вниз за сухпаем отправился взвод с приданными сапером и связистом. Все, как накануне у нас. Разница была только в том, что аккумуляторы у рации были севшими. И еще в том, что вниз спускался вместе с бойцами первой роты сидевший с ней до этого комбат. Был он мужик резкий и напористый. Во время спуска группа встретила «зеленых». Те сказали, что они здесь уже несколько часов и что все чисто.

То ли это подействовало на комбата, то ли сказалась его обычная напористость и желание поскорее оказаться после горки хоть в какой-то «цивилизации», в расположении бригады у подножия Нарая… Как бы там ни было, но как только бойцы забрали весь привезенный сухпай, комбат приказал броне трогаться. Никто не решился возражать, хотя по правилам броня должна была остаться прикрывать подъем группы. Но ведь «зеленые» сказали, что все чисто…

Двинулись назад. Через какое-то время встретили тех же «зеленых». «Все хорошо, шурави. Удачной дороги!»

Успокоенные «шурави» прошли еще метров десять. «Зеленые» скрылись с дорожки — и в тот же момент с обеих сторон по группе ударили почти в упор перекрестным огнем. Плотность огня и неожиданность нападения были такими, что почти никто не успел даже ответить. Все кончилось мгновенно. Так и легли все цепью, как шли.

«Духи» не особо спешили. Они же знали, что, в отличие от

предыдущего дня, брони внизу нет и перестрелку никто не услышит.

Всех, кроме лейтенанта, добили разрывными в лицо. Собрали оружие. Всех раздели, опять же почему-то не тронув офицерский бушлат (вот откуда слова ротного про нашу форму…). Мусульманам отрезали «мужское достоинство».

Подробности случившегося на броне узнали лишь несколько часов спустя, когда туда добрались два чудом уцелевших солдатика первой роты. Чудом — потому что были они неопытными «шнурами», до того вообще в серьезных боевых не участвовавшими. Чудом — потому что нагруженные коробками сухпая шли в цепочке самыми последними. И когда началась стрельба, каким-то чудом сообразили, да не сообразили даже, а инстинктивно сориентировались, как нужно действовать. И действовали, как учили — один убегал, другой прикрывал. Так и ушли — то ли не заметили их «духи», то ли ввиду богатой добычи решили не тратить силы на мелочи.

…Тела погибших ребят, собранные у тропинки, привезли на броне, и несколько часов они лежали в ряд, обратив в небо изуродованные лица. То ли по глупости кто не досмотрел, то ли, наоборот, от большого ума решил «бдительность» таким образом усилить…

…Первую роту, потерявшую чуть ли не треть людей, в жуткой спешке заменили на третью… Комбата сразу же отстранили от командования, а потом просто перевели куда-то с понижением… Долго не знали, и что делать с двумя уцелевшими «шнурами» — то ли отдать под трибунал за дезертирство, то ли наградить. В результате решили просто оставить в покое.

И только целый ряд коек в палатке, заправленных по-белому и с лежащими на подушках беретами, еще некоторое время напоминал всем о случившемся. На них никто больше не спал…

Но ничего этого я не знаю ночью 26 января. Мне просто жутко от того, что вот так, в один день, не стало почти двадцати ребят, из которых кого-то я мог близко знать. Жутко, что день моего рождения стал днем их смерти. Что дембель, как оказалось, не так уж близок, как казалось мне еще сегодня утром. Что дожить до него не намного легче, чем мне казалось в этих же горах больше года назад. И нужно вглядываться в эту ночь — там смерть.

Вот мне и 20…

P/S

Вот мне и 40… Вроде полжизни прошло, а кажется — вчера все было. Нарай, сухпай, замполит; те слова, тот день, та ночь…

Не люблю свой день рождения. Да нет, не то чтобы не

люблю… Просто плохо мне в этот день. Да нет, не то чтобы плохо… Тоскливо как-то, не по себе. От того, что нужно улыбаться, слушать поздравления, тосты. А в ушах все слова замполита:

«А чтобы 21 исполнилось, хочешь?»

Да хочу я, хочу! И исполнилось! И 21, и 31, и дальше, даст бог… Но каждый год в этот день в семнадцати семьях поминки…

Давно не справлял день рождения. Не хочу. Не могу. Не могу забыть. Не могу не вспоминать. Каждый раз 26 января у меня 1986 год.

«Укрепляться, укрепляться!..»

Расстраиваются родные, подкалывают друзья, мол, опять «зажал»… Ну как объяснишь… Вроде столько лет прошло — как объяснишь, что это не пройдет…

И ЭТО — НАВСЕГДА…

Бой, которого не было (январь 1986 года, Нарай)

Уже два дня, как перебили в засаде взвод первой роты. Вот уже третью ночь, как мы находимся в тревожном ожидании. Хотя в этих горах и в этой стране ты круглые сутки в тревожном ожидании. Но тут случай особый — где-то рядом бродит по горам довольно дерзкая и, судя по всему, опытная группа «духов». А может, и ушла уже давно — до Пакистана-то рукой подать…

Не знаю, бродит ли в поисках этих «духов» кто-то из наших — во всяком случае, нам никаких команд на этот счет не поступало. Только усилить бдительность и ждать. А сколько ее еще усиливать-то? И как? Пялишься, пялишься в темноту… Хорошо хоть снег повсюду — видно хорошо. Так ведь и нас тоже…

Наш второй взвод — крайний левый фланг роты. Или крайний правый — это смотря в какую сторону глядеть, где считать «фронт»… Но крайние мы по-любому. Перед нами только поросшие деревьями склоны внизу, да чуть поодаль немного нависающая над нашей горкой небольшая высотка. Почему туда никого не посадили, не знаю. Наверное, потому, что снегу там вообще по пояс. А может, просто внимания не придали — прыщ и прыщ…

Позиции взвода разбросаны по лысой вершине горки. У самого склона, под единственной елкой, обосновались я и Олег Никулин. Мы уже год, наверное, как «боевая двойка». Елка эта нам сразу приглянулась — между корней выкопали подобие норы, всяко легче долбить, чем простую породу. Опять же снег по фигу, да и психологически — все не под открытым небом. И нагреть эту «норку» кое-как можно — тем же спиртом от сухпая. Или думать, что нагрел. Номер «полулюкс», в общем…

«Люкс»-то у взводного с Зуем, замкомвзвода нашим. На них первые дни молодые изрядно поишачили с саперками, да и гранат не пожалели. Зато теперь у них почти блиндаж — сверху укрыли плащ-палатками, тащатся. Ну и слава богу — вылезать им оттуда не особо охота, да и блиндаж этот почти на противоположной стороне горки. Так что нашу сторону взводный особо не кантует, предоставив рулить тут мне.

Чуть ближе к вершинке — наш с Никулиным окоп. Точнее, теперь окоп; сначала-то просто выдолбили чуть-чуть да камнями обложились. Но за два дня после гибели ребят из первой роты углубились основательно.

По окружности горки еще несколько таких же позиций

понаделано, только, в отличие от нас с Олегом, парни там же и живут. Усов с Храповым, Саня Календа — «ветеранчики». Гаврюша с Овечкиным — «шнуры». Кахрамон с Серегой Сергеевым — наши.

На вершине — позиция «Утеса». Там Дядя с Петрухой и приданный им в подмогу «молодой» Ходжа, узбек из Ферганы. Вообще-то он Хужанбердыев, но это ж кто такое выговорит? Зовут, правда, Уктам. Дык, много чести «шнуру» по имени зваться. Мне-то просто подвезло быть его командиром отделения, потому и знаю. А то докопается замполит: «Всех ли в отделении знаешь? Ведь положено!» А я ему: «Хужанбердыев Уктам Каримович. 1967 года. Город Фергана, парикмахер!» Мне не привыкать такие труднопроизносимые имена запоминать. Наш-то Кахрамон Абдельазизович Мираипов — тоже в моем отделении. О как, навсегда засело в голове. Спасибо, товарищ замполит, за тренировку памяти!

Правда, Кахрамону почему-то за полтора года никакого прозвища или хотя бы русского эквивалента так и не подобрали. А этот Ходжой стал моментально. Ходжа коренастый, крепкий такой пацан. Чувствуется, что не из тихонь. Не знаю уж, как он парикмахером заделался… Пришел из сержантской учебки ашхабадской, в ноябре только.

Первое знакомство с ним навсегда запомнил. Его ко мне в отделение «стрелком-санитаром» определили. Формальность, конечно — на боевых кто рядом окажется, тот и «санитар». Санинструктор роты — другое дело… Но тут как раз занятия по оказанию первой помощи. Кому по десятому, а кому и по первому разу. Потом медик батальонный, что занятия проводил, начинает опрос:

«Пулевое в руку без видимого повреждения кости. Ваши действия?»

«Сквозное в область груди…»

«Подрыв с повреждением нижней конечности…»

Кто бойко, кто не очень, отвечают пацаны про шины, промедол, ИПП, остановку крови. И все больше про жгуты, про то, чтоб поближе к ране, чтоб записку со временем наложения и т. п.

Доходит очередь до Ходжи:

— Ранение в голову. Ваши действия?

Без колебаний:

— Жьгут, таварыш каптан!

Медик оторопел:

— Куда жгут?

Секундное замешательство:

— Шею, таварыш каптан…

Так Ходжа перестал числиться стрелком-санитаром.

Всего-то месяца три с тех пор прошло, но последнее время уже нет-нет зубы да покажет — надоело ему «летать». Ох, не повезет кому-то в феврале… Из таких злые «ветераны» вырастают. Даже порой своих «подпрягать» пытается. Хотя всего-то вторые боевые у него, а парни уж с августа ходят. Но пока, как ни крути, он «молодой» и службу тащит на горке как «молодой».

Да у Петрухи с Дядей особо и не подуркуешь. Особенно узбеку… Дядя добрый-добрый, увалень-увальнем, а кулак-то размером с гирю. Как даст с высоты под два метра, и не забалуешь… Мышцы-то на костяк мамонтиный наросли уже. Последнее время не косят Серегу с положенной при его росте полуторной пайкой. Дядя в расчете «Утеса» первый номер. Он хоть и дембель, но таскает станину, самую тяжелую и неудобную часть пулемета. Хотя на стрельбище пару раз и весь «Утес» на спор поднимал.

Дядей он в этих самых горах стал, на первом Алихейле, в декабре 84-го. Его тогда как раз только перевели к нам из саперной роты. Там до такой степени затумкали доброго русского богатыря местные дембеля-казахи, что на огромном его теле, казалось, места живого не осталось, синяк сплошной. А ведь любого из них толкни Дядька посильнее, из палатки улетел бы. Да куда там — традиции, блин, армейские…

На ту алихейльскую операцию Дядя пошел вторым номером расчета «ПК» с Саней Ивановым. Того тоже к нам перевели недавно откуда-то, но, в отличие от Дяди, как раз за «неуставняк» — весной уж домой Сане было. На первый взгляд был Иванов спокойным, но взрывался порой с ходу. И когда взрывался, рука у него была ох тяжелая. Может, от того взрывался, что частенько по ночам я его в палатке со шприцем видел и с глазами стеклянными…

Опять «попал» Дядя «на мероприятие». Точнее, Серега Екимов попал, он тогда еще Серегой был… На какой горке ни заночуем, Иванов сразу его за дровами посылает. А тот и рад — сам-то тепло тоже любит безгранично. Только дрова закончатся — опять Серега на склон урывает. С каждым разом все дальше и на дольше. Они как раз рядом с нами с Мордвином сидели. Только и слышно было всю ночь:

— Эй, дядя, ты живой там? — кричит развалившийся у костра Иванов.

— Угу… — раздается откуда-то с самого низу, из-под горы, медвежий бас.

— А хера ли так долго-то, дядя? Погаснет — вешайся!

Это кричит Саня, у которого росту-то метр восемьдесят не

будет, да и в плечах не молотобоец совсем.

В ответ снизу раздается только кряхтенье, пыхтенье, треск — и впрямь словно медведь по чаще лесной шарится.

— Эй ты, дядя, хорош там, давай сюда уже, зае…л ты… Бегом давай!

И вот, спустя еще минут 15, на склоне показывается громадная фигура, несущая просто непередаваемых размеров гору дров. Чуть ли не стволы целые. Кряхтит, сопит, сопли замерзшие до земли…

— Ну, ты, блин, даешь, дядя!

Саня не может скрыть в голосе восхищение. Что, впрочем, не мешает ему наградить «дядю» парой пинков. Как же — заставил «дедушку» волноваться…

Так и повелось с тех пор с легкой руки Иванова: Дядя и Дядя. Многие даже забыли его имя. А он не обижался — добрый был, спокойный… Если на кого и набычится бывало — так только на среднеазиатов наших. Не забыл, видать, молодости в саперной роте.

Петруха, второй номер при «Утесе» — из Белоруссии, вроде из Западной, или с Украины. Короче, с запада откуда-то. Говорок у него своеобразный такой. И характер — тоже.

Петруха нашего призыва, но к нам его из охранения перевели совсем недавно. Чего-то он там залетел, а у них в охранении это наказание такое — в роту. И правда — в ротах-то своих «крутых перцев» хватает. Да и с охранения на операции в горы-то мало кто ходит. И каково оно, под конец службы начинать… Тем более что и в ротах-то подход к таким залетчикам «индивидуальный»: все норовят запихнуть куда потяжелее — отделение «АГС» или минометный взвод. Чтоб не просто в горы ходить, а еще и железа на горбу тащить побольше. Вот и угодил Петруха в минометный взвод. А там к тому времени узбеки нашего призыва шишку держали. Как раз я стал невольным свидетелем, как «знакомство» у них складывалось.

Не помню уж зачем, пошел я к минометчикам в палатку. Еще из тамбура слышу какие-то странные звуки — то ли шипенье какое, то ли визг, скрип. Вхожу, в дальнем углу палатки стоит Петруха с топором. (Видно, из тамбура заднего взял, где дрова лежат — в палатках уже топить начали.) А перед ним Давлетов и Исмаилов — шипят что-то по-своему, но приблизиться не решаются. Остальные в стороне сгрудились, не лезут.

— Ну что, обезьяны, давайте! Кто первый подойдет, тому первому башку и расшибу!

Видно, не захотели «крутые узбеки» при постороннем лицом в повидло падать. Жить-то хочется, а по Петрухе видно — точно

расшибет. Прошипели что-то типа «вешайся» и отвернулись от него. Так, видать, и нашла коса на камень — перевели от них Петруху к нам во взвод. Но после этих разборок счет у него к узбекам имелся серьезный…

В общем, повезло Ходже с напарниками на боевых. Оба «интернационалисты» — дальше некуда. Закаленные, так сказать, жизнью.

И вот уже которую ночь тащит Ходжа службу «на воздухе» — не пускают его Петруха с Дядей на позицию. И присесть не дают. И днем поспать толком. И не знаю уж, насколько адекватно оценивает действительность который день несущий «вахту» боец. Ну, не вмешиваться же мне в «воспитательный процесс» — да и было б за кого… К тому же все равно не спится нам всем эти три ночи.

И вот топает Ходжа по горке. Снег под сапогами хрум-хрум… Холодно. Воздух морозный, аж звенит, кажется… В сторону блиндажа взводного шагов 15 — хрум-хрум…

Холодно. Все пытаемся с Олежкой угреться в своей норе — ни хрена не выходит. Раньше получалось — теперь ни в какую…

Дембель в опасности. Не спится. Интересно, а Дядя с Петрухой хрючат?

— Дядя!

— А?

— Х… на! Добрый я?

— Да иди ты, Артемыч…

Хрум-хрум… Ходжа возвращается к «Утесу».

Задолбались мы с Никулиным — спать не спим, затекает все, мерзнем. Вылезли из норы, пошли в свой окоп. Теперь Ходжа вообще у нас над головами хрумкает.

Когда с кем-то столько боевых вместе прошел, сколько мы с Никулиным, когда в одном окопе, на одной позиции не раз и не два сидел; когда и вода, и сухпай — все на двоих (да что там вода — в туалет-то только вдвоем ходишь), — тогда начинаешь человека по-другому чувствовать. Настроение его, эмоции, намерения. Особенно когда этот человек такой взрывной, эмоциональный, как Никулин. С ним пока чаю котелок выпьешь, он тебя раз двадцать пошлет. Такая у него фирменная реакция: только скажи чего не так: «Да пошел ты на х…, да пошел ты на х…, да пошел ты на х…»

И вот, чувствую я, мается Олежка. Тягостно ему сидение это и напряженное бесконечное ожидание. Скучно ему. Задумал чего-то, по глазам вижу, по выражению лица его хитрованского. Хоть и ночь. Да и понимаю его прекрасно — это ж дураком станешь так, с утра до вечера… Тоска…

Хрум-хрум…

— Ходжа, если «духов» заметишь, твои действия?

— Стрэляю!

Так. Похоже, начинаю догадываться, что задумал Никулин.

Хрум-хрум… Опять удаляется Ходжа в сторону взводного.

Олег берет со дна окопа палку какую-то — и как швырнет ее вниз по склону! Шмяк! Воздух морозный, тишина мертвая — все слышно.

Ходжа замер на ходу, оборачивается к нам.

— Ходжа! Ты слышал?

— Да.

— А чего думаешь?

— Нэ знаю.

Все ясно, чего Олежка удумал. Будет теперь над Ходжой прикалываться и нервы тому щекотать. Опять же если что, будет повод по башке ему надавать. Тоже развлечение, заодно и согреемся.

Вяло, скорее для порядка, пытаюсь отговорить Никулина. Но, получив в ответ привычную уже очередь: «Да пошел ты на…, да пошел ты на…», расслабляюсь. Занимаю место в партере.

Минут через пять повторяется та же история.

Тут уж и я впадаю в азарт — следующую палку запускаю в сторону елок сам. Палок у нас с Никулиным много, дури тоже хватает. Ходжа так просто не ведется, но с каждой попыткой «градус» напряжения повышается.

— Ты че, чмо, вообще, что ли, мышей не ловишь? Не слышишь, что ли, там шуршание какое-то? Там точно приближается кто-то!

В какой-то момент случается то, что должно случиться: Ходжа «ломается».

— Ходжа, ты слышал?

— Так тошна! «Духы»!

— Ну и чего ты? Твои действия?

Ходжа выпускает в сторону непонятных звуков очередь. Туда же лепит Никулин из «эсвэдэшки», а я, словно одурманенный первыми звуками выстрелов, раздавшихся в ледяном воздухе, выскакиваю из окопа и с бедра засаживаю в елки на склоне всю сорокапятку своего «АКСа».

Что тут началось! Мы и не предполагали такого с Олегом. Такое впечатление, что пацаны только и ждали, чуть ли не с пальцами на спусковых крючках сидели.

Сразу же после нас начинается пальба на противоположном фланге — там сидит третий взвод. Тоже больше половины наш призыв — и тоже, видать, маются ребята. Чуть позже оживает

небольшой хребет, протянувшийся от нашей горки вниз, в сторону роты. Там, прикрытый с обеих сторон нами и третьим взводом, сидит «шнуровский» взвод Толяна Кочетова. Где-то там берлога Пахома, балдеющего среди полутора десятков «шнуров» при отсутствии какой бы то ни было за них ответственности.

Пахом серьезный боец в отличие от нас с Никулиным. Настоящий «дед». Положено дембелю спать — он и спит. Подумаешь, холод, подумаешь, зима — раз служба идет, так что ж солдату не спать? А то какой пример молодежи?

Саня вспоминал потом, что при звуках совершенно безумной стрельбы, начавшейся абсолютно неожиданно и со всех сторон сразу, сквозь сон решил: «Шандец, приплыли!» Схватился за винтовку, выкатился из своей берлоги — и первое время даже не мог понять, что происходит, потому что стреляли мало того, что со всех сторон, так еще и в обе стороны от хребта и с обоих его флангов. Представляю себе, каково это должно казаться спросонья и без понятия об истинной сути и первопричине происходящего…

Эффект превзошел все наши с Никулиным ожидания. Развеяли напряжение, блин… расслабились! Чего теперь делать-то?

В безумной стрельбе наступает передышка — то ли команд каких ждут, пережив первый всплеск дури, то ли перезаряжают все. А может, доперло, что по ним вроде не стреляет никто.

К нам подлетает Кондрат.

— Че было-то?

— Да Ходжа вроде на склоне «духов» углядел. Правда, Хужанбердыев?

А куда он денется-то. Попробует сказать, что нет, — так ему первому и влетит. Сначала от взводного, ну а потом уж…

— Так тошно, таварыш старшы лэтенант!

Кондрат с подозрением косится на склон и уж собирается сказать что-то, но тут замечаем, что, как и два дня назад, в мой день рождения, со стороны роты чешут ротный с замполитом. Только тогда лица у них были напряженные, а сейчас скорее возбужденные.

— Что тут у тебя, Миша?

Теперь очередь Кондрата оценивать свои шансы и решать, на чьей он стороне. Сдав нас, он подставляет, возможно, и себя.

— Да че-то какое-то шевеление было на склоне…

— Где, на каком?

— Да вон там, вон у тех елок подальше, где погуще натыканы.

Кондрат просто артист. Станиславский бы гордился!

— Шейнин, дай осветительную!

Вытаскиваю из «лифчика»,[17] который успел уже напялить после начала «боя», осветительную ракетницу. Выпускаем одну, вторую… Снег белый, елки черные, тени по снегу мечутся — ни хрена не разобрать. Но жутко. Даже нам с Никулиным жутко…

Ротный бросается к рации:

— Я «Остров». Предполагаю передвижение противника. Подсветите!

Броню долго уговаривать не надо. Там тоже небось все заведенные после случившегося с первой ротой. Через несколько минут шуршание — и небо расцветает светлячками осветительных снарядов. Правда, бо льшая часть «светлячков» тут же камнем летит вниз.

А где еще брать молодым стропы на неуставные аксельбанты для парадок дембелям в десантной части, все парашюты которой хранятся где-то в Союзе? Если вообще они еще где-то хранятся. Бригада-то вся целиком в Афгане чуть ли не с декабря 1979-го, с самого ввода… Единственные парашюты — в осветительных снарядах. То-то на складе РАВ молодым никогда не скучно в карауле…

Но, видно, не до всех осветительных добрались еще — осенники почти уже все разъехались, а весенники еще не занялись вплотную парадками. Так что постепенно местность на некоторое время заливается мертвенно-бледным светом. Некоторые осветительные все-таки опускаются, как положено, медленно. Тени на снегу от всего этого разнобоя «светлячков» еще чернее, еще суетливее и еще неразличимее. Кажется, уже весь склон шевелится!

И вдруг ротный кричит:

— Вижу, вон они, человек 12! Все в черном, уходят по склону!

Вот уж тут мы совсем охренели. Какие 12? По какому склону?! И почему в черном?!!

А ротный уже в рацию орет, артиллерию вызывает. Украдкой переглядываемся с Никулиным. Ни хрена себе войнушку затеяли!

Вижу, что он с трудом сдерживает улыбку и прячет свои глаза-бесенята.

И тут пробивает замполита. Он уже успел забраться в наш с Олегом окопчик, а окопчик-то выходит аккурат на ту самую незанятую горушку-прыщ.

И вот он с видом абсолютного зомби произносит незабываемую фразу:

— А если они сейчас оттуда цепями попрут?

Что его переклинило? Чарс вроде не курил никогда…

И на этих словах начинает наш грозный замполит одну за

одной гранаты из своего подствольника в сторону той горушки высаживать. И приговаривает:

— Все, на х..! На х… все! На дембель надо, на дембель!

Никогда мы его таким не видели и не увидим больше. Видно, замполиты тоже люди, и тоже перед дембелем колбасит их, как любого рядового. А до замены-то замполиту аккурат столько, сколько нам оставалось…

Уж сколько он этих «гэпэшек»[18] выпустил, не знаю, потому как через какое-то время подоспела артиллерия. Боги войны тоже там засиделись внизу, застоялись. Тоже рады «размяться»… Так шарахнули, что и внизу нашего склона, и на противоположном места живого места не осталось — уже не белое все стало, светло-коричневое от снега с землей и остатков деревьев.

Как бы я хотел, чтобы где-нибудь там действительно оказались сейчас те «духи»!

Потом еще долго ротный чего-то по рации трендел — видно, броня всерьез за нас перетрухнула. Да и немудрено… Пока он трендел, потом пока обсуждали, расходились — тут и время к утру подоспело. Да, успели мы согреться, пока «воевали». Но главное, что не так тоскливо стало после «боя» этого. Ушло куда-то напряжение этих дней, словно разнесла его вместе с елками нарайскими артиллерия.

Еще несколько дней сидели мы на той горке. Еще раз за сухпаем ходили по той же тропинке. Только теперь уж и с меня пот в три ручья лил, хотя и не тащил я ничего тяжелее, чем в прошлый раз. Мысли, мысли…

Потом опять мерзли, опять пялились во тьму ночи. Да только по-другому уже все было. Точнее — как всегда. Как всегда на операции, где всякое может в любой момент случиться. С каждым из нас…

Еще один трагический эпизод нашей службы и нашей войны стал прошлым. А в настоящем мы снова остались пацанами. Порой бесшабашными, порой хулиганистыми, порой разгильдяями…

Ведь большинству из нас не было еще и 20. Мы все, даже многие наши офицеры, были совсем еще пацанами. Только постаревшими на эти два дня и три ночи…

Корка
(февраль 1986 года, Гардез)

Закончилась январская операция на Нарай. Операция, ставшая последней для семнадцати парней из первой роты… Мы вернулись в бригаду, и все пошло своим чередом. Подъемы, построения, строевая, стрельбы, наряды, уголь, дрова, снег… Опять докапывается по поводу и без повода замполит, опять идиотский запрет в течение дня даже садиться на койку, опять опостылевшие консервы и сечка с салом, которую нам есть уже давно «не положено». Опять вечные кошки-мышки между замполитом и «шнурами», отправленными на пекарню за хлебом или жарящими в укрытии за палаткой картошку. Обычная жизнь 2-й парашютно-десантной роты. От которой хочется как можно быстрее снова свалить «на войну». Обычная жизнь обычной воинской части. Как будто и нет никакой войны…

Но она рядом. И даже в бригаде нет-нет да и напоминает о себе. Завыванием улетающих куда-то за Гардез «Градов» артдивизиона, вспышки которых где-то там, далеко, оставляют только догадываться, уцелело ли там хоть что-то живое… «Духовскими» «эрэсами» и минами, прилетающими порой со стороны Гардеза и окрестностей, от которых предполагается бежать в укрытие за палаткой, но никто даже не думает этого делать… И пустующими кроватями в палатках первой роты, заправленными «по-белому», с лежащими на них беретами. В этих беретах уже некому ехать на дембель. На этих койках некому спать. Эти парни не вернулись с Нарая.

Для нас эта трагедия — уже прошлое. Бой с мифическими «духами» на Нарае подвел под ней черту. Голова здесь работает по-другому, по-другому чувствует душа. Обрастает она коркой, панцирем защитным. Не пропускает в себя боль и скорбь. Да нет, пропускает — только реагирует на них не так. Как при анестезии реагирует — боль ощущаешь, но как-то приглушенно.

Не знаю, как этому учатся, но учатся все. Каждый по-своему. Каждый в свое время. И не сразу понимая, что это не бездушие, а попытка спасти душу…

Теперь, пробыв здесь полтора года, я совсем по-другому оцениваю поступок начпо (начальника политотдела бригады) год назад. Тогда, в январе 85-го, после Алихейля, заправленная «по-белому» койка с беретом была в нашей палатке. Койка Гены Гришина…

…Я один в палатке. Рота на занятиях, но меня освободили.

Еще на операции намятая портянками нога начала гнить, и теперь я «калич» — на одной ноге у меня вместо сапога тапок. Припахать работать на улице наряд меня не может (точнее, опасается). Все, что можно было сделать для наведения чистоты в палатке, я сделал. Точнее, почти все — оставил немного «нюансов», чтобы достоверно изображать «шуршание», если кто войдет.

Вот как раз кто-то зашел в тамбур… Дверь распахивается. Ничего себе «кто-то» — это ж начпо. Целый полковник! В бригаде их всего два. Замполита я как-то видел уже вблизи, а этого — впервые. Хотя наслышан ого-го!

Слово «начпо» каждый солдат, прослуживший больше года, произносит с ненавистью и страхом. Офицеры — с угрозой и намеком на возможные большие неприятности.

После прибытия в бригаду я долго не понимал причину такого отношения. Потом понял. Считалось, оказывается, что начпо бескомпромиссный и неутомимый борец с неуставными отношениями и что пойманных на этом деле карает нещадно, невзирая на лица и заслуги. Как «залетевших» солдат, так и «допустивших» офицеров. Уж как он там боролся, кого и как ловил и карал, не знаю. На нашей жизни его борьба никак не отражалась. Хотя общий священный ужас перед начпо передался со временем и нам, «шнурам», — встретиться с ним тоже совсем не хотелось. Пойди потом докажи, что ты ничего ему не «настучал» и что тех, к кому он почему-либо докопался, «закозлил» не ты…

В общем, от визита этого ничего хорошего я не жду.

Начпо внимательно оглядывает меня.

— Почему в тапке?

— Натер ногу, тащполковник!

— Сколько ты здесь, солдат?

А то, блин, ты не видишь, сколько я здесь… По рукам моим, по х/б, по волосам. Да и по выражению лица, наверное.

— Полгода, тащполковник.

— Точно натер ногу?

Смотрит так внимательно. Намекает, что, мол, может, обидел кто? Ага, «дедушка» мне пятки чесал перед отбоем и увлекся — вот в тапке теперь ковыляю…

— Так точно, на операции. Портянками, тащполковник.

— Что, вас портянки не учили наматывать? А что же старшина, замкомвзвода?

Я предвижу, чем чревата его забота в случае привлечения к ответу старшины и особенно замкомвзвода. «Резко» действую на опережение.

— Да я из Москвы, тащполковник. Никогда портянок не

видел раньше. Нам всем хорошо объясняли, ребята научились. А я не успел. А тут операция.

— А-а, москвич…

Уж не знаю, что он там в это время подумал, но от меня отстал. Глазами по палатке шарит — к чему бы докопаться. Но я-то знаю, не к чему…

— А что там за кровать с беретом?

— Это рядового Гришина, товарищ полковник. Погиб на Алихейле.

— Так уже сколько времени-то прошло… Убрать!

Я слегка остолбенел от такого приказа. А он — от того, что я стою и не выполняю.

— Солдат, я сказал, заправить койку, как положено, берет убрать!

Понуро плетусь к койкам первого взвода. Первый взвод, за исключением Пахома и Мордвина, весь одного с Гришиным призыва. Многие знали его еще с Ферганы. Представляю себе, как отреагируют парни, вернувшись в палатку, на мою «инициативу»…

Заправляю койку «по-черному», кладу берет на тумбочку. Начпо уходит с сознанием выполненного долга.

«Вот козел! — думаю. — Парень погиб, а ему по фигу. Его только порядок волнует…»

И мне сейчас плевать, что я огребу по возвращении роты. Мне обидно за то, что начпо так наплевательски относится к памяти погибшего солдата.

Да нет, прав, прав был тогда полковник К-нко. И жестокая эта правда в том, что если не нарастишь на душе защитную корку — заболеть может душа. Если каждую смерть переживать как реальную… Каждую потерю как невосполнимую… Если не стараться забыть, а стараться помнить…

Но кто думает, что проще так, с коркой, — ошибается. Не вечная она. Потому и не лечит время. Потому спустя двадцать лет порой хочется выть, как тогда не хотелось. Прорывается наружу все спрятанное, той коркой закрытое. И ужасаешься теперь, сорокалетний, тому, что тебя же, двадцатилетнего, не «пробило» тогда. И вот то, что казалось тогда неизбежным, кажется теперь невозможным. Потому и вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем…

В январе 85-го мне казалось, что полковник К-нко просто бездушная скотина. Что как же можно так, походя, зачеркнуть память о человеке? Что как же можно гибель человека превратить в обыденность? А в новогоднюю ночь 86-го я уже как вполне «житейские» выслушал рассказы ребят из третьего взвода, вернувшегося с операции куда-то в район Кунара…

В бригаду они попали уже часов в 6 вечера 31-го. Успели наскоро помыться, привести себя в порядок — и в ленкомнату, «отмечать». Вот там, после боя курантов, после праздничного плова и Si-Si, когда вышли мы на улицу кто покурить, а кто «курнуть», и рассказал Белый нам с Пахомом, как спешила «домой» бригадная колонна, как были подрывы, как они забрасывали обгоревшие тела в кузова «Уралов» и как гулко звучали в морозном воздухе удары мертвых, замерзших тел о металлический пол…

Они успели на Новый год, они помылись и сели за стол; они рассказывали это нам, как будто это не с ними было несколько часов назад. А мы слушали, как будто это все не из нашей жизни, как будто это не каждый из нас мог оказаться этим заледеневшим обгорелым трупом…

Корка… А как еще?

Наверное, из-за нее же только спустя много лет «дошел» до меня и не понятый в свое время скрытый смысл двух историй, связанных с гибелью ребят из первой роты.

«Молодой»

Перед Новым годом в клубе бригады царила суета — готовили концерт художественной самодеятельности. Кто-то что-то рисовал, кто-то прибивал и вешал. Кто-то репетировал свой номер в углу зала или на сцене. Но все, кто был в зале, как-то разом замерли, притихли, когда со сцены вдруг зазвучала под гитару «Кукушка». Мы все знали эту самую афганскую из афганских песен, слышали ее много раз. Но в исполнении сидевшего на сцене парня она звучала как-то настолько глубоко, настолько проникновенно, что нельзя было не замереть, не заслушаться его пением…

А он, казалось, никого и ничего не замечал в этот момент, склонившись к струнам — так и допел до конца, не подняв головы. Да, наверное, никто из нас и не существовал для него в этот момент. Никто из тех, кто оказался на эти минуты в его власти, власти его голоса и его музыки. Никто из тех, в чьей власти снова оказывался он с последним аккордом — ведь был он «шнуром» из разведвзвода первого батальона.

Прошло минутное очарование песней, и сразу стало заметно и исхудалое лицо, и короста на руках, и засаленное х/б. Обычный «молодой»… Я больше никогда не видел его — во всяком случае, не помню, чтобы видел. На самом концерте было не до того; даже не слышал, как он пел… Ни лица не помню, ни внешности — только песня его осталась в памяти.

После Нового года разведвзвод в который уже раз переформировали. «Шнуров», как водится, раскидали по ротам, пытаясь таким образом спасти от издержек педагогического рвения старослужащих-разведчиков. Парень этот попал в первую роту. И почти сразу батальон ушел на Нарай…

Конечно, вы уже все поняли сами. Да, правильно… Так предсказуемо, что зубы скрипят… Тем январским днем на Нарае именно его взвод отправился к броне за сухпаем. Он был одним из 17…

Я знаю — ничего нельзя предугадать. Уверен: тот, кто переводил его в первую роту, искренне хотел облегчить ему жизнь, избавить от издевательств. Облегчил, избавил… Понимаю — «если бы» не рассматривается. Но до февраля, когда привозят молодых, оставался какой-то месяц. И вот если бы…

Ладно, не буду.

Лейтенант

То ли в ноябре, то ли в декабре 85-го случился в первой роте инцидент. Рота возвращалась «домой» с сопровождения. Колонну сдали, как водится, третьему батальону и ехали «налегке», стараясь потому успеть побыстрее. На броне одной из БРДМ сидели лейтенант и двое солдат. Лейтенант все подгонял водилу: «Быстрей давай, чего тормозишь-то!»

За рулем бээрдэмки был Витя Вараксин, однокашник мой по Фергане. Их у нас в первом взводе трое было, марийцев — Олег Мартынов, Славик Чендемеров и Витя Вараксин. Такие все разные — но держались вместе.

Витя был невысокий и рыжий-рыжий, даже ресницы рыжие. На лице места свободного от веснушек не было. Таких по жизни дразнят. И еще говорил он как будто немного в нос. В сочетании со своеобразным марийским акцентом получалось и правда очень смешно. Уж не знаю, от этого ли или просто по природе своей был Витя очень молчаливым. И вообще — тихоня.

Громадный Малыш — Пархоменко все потешался, смешно коверкая Витину фамилию в подражание Витиному же говорку: «Вяряксин, Вяряксин…»

Витя терпел-терпел, потом пытался заткнуть Малыша, но тот еще больше от этого расходился.

И уж тогда «вписывались» Мартын со Славиком. Да одного Мартына хватало. Хотя был он не намного крупнее Вити, но совсем другой — резкий, черноволосый, с раскосыми, дерзкими глазами. В принципе Мартын был довольно мирным, но уж если «заведется» — лучше не связываться. Здоровенный, но, по сути, добродушный Малыш на этом сразу успокаивался и примирительно басил: «Ну, ты чего, Олег, я ж так, просто…»

Не знаю, как было бы Вите без Мартына и Славика, но судьба его миловала: попали они все в одну отправку в Афган, а там — в один батальон. Разве что Витя в первую роту, а Мартын — к нам, во вторую. Так что не пропал рыжий Витя Вараксин и у меня из виду…

Вот как раз на этого-то тихого и молчаливого Витю и «давил» нетерпеливый летеха. Давил-давил — и додавил. Потихоньку прибавлял, прибавлял Витя скорости — а куда деваться-то, когда у тебя над ухом офицер зудит и зудит…

В какой-то момент Витя машину не удержал, и БРДМ свалилась со склона, несколько раз перевернувшись. Оба солдата, сидевших на броне, погибли… А Витя и лейтенант отделались легкими ссадинами.

И вот кто-то из них должен был ответить за случившееся. Витя в ожидании решения командования, что делать со всей этой историей дальше, оказался на губе. По идее, там же должен был оказаться и лейтенант. Но не оказался. Все-таки офицер… И от командования его не отстранили. И на операцию в январе он пошел…

А Витю на операцию не взяли — он остался на губе ждать решения своей судьбы. Только вот судьба решила сперва обратить свой взор на лейтенанта.

В «тот самый» день именно его взводу выпала очередь идти за сухпаем… Именно его, единственного офицера из убитых, не добили почему-то «духи» разрывной пулей в лицо. И не сняли почему-то тот самый добела застиранный бушлат, кутаясь в который он недавно сидел на броне Витиной бээрдэмки…

После гибели лейтенанта, за отсутствием других виновных, за все ответил по полной программе Вараксин. Насколько мне известно, ему дали несколько лет. Как сложилась дальше его судьба, не знаю. Знаю только, что в любом случае «сложилась» она в тот самый день, в тот самый момент, когда кто-то решил, что подозреваемый солдат должен сидеть, а подозреваемый офицер — нет.

Наверное, этот «кто-то» искренне хотел помочь лейтенанту выйти «сухим» из этой неприятной истории. Думал, наверное, что пройдут одни боевые, потом другие — и кто там уже станет вспоминать досадную ошибку боевого офицера? Что один действующий офицер для армии важнее, чем один солдат…

Тогда, в январе 86-го, я не задумывался над этим клубком судеб, тесно связавшихся в истории с гибелью ребят из первой роты. Корка — она не дает задумываться. Особенно — над судьбой, над тем, что каждый шаг, каждый поступок определяет множество других. И только потом, спустя много лет, я стал осознавать, что мое отношение к жизни, к людям, к событиям во многом определяется среди прочего и этими, едва уловимыми в гуле воспоминаний и переживаний, историями.

Корка сошла, душа прикоснулась к запретному — и оказалось, что и тот «молодой» с его «Кукушкой», и тот лейтенант в выцветшем бушлате, и те совершенно незнакомые мне парни, погибшие 31 декабря по дороге с Кунара, были, есть и всегда останутся фактами моей личной биографии… И одними из многих ран, от которых не убережет душу никакая корка.

«Завтра» не наступит никогда (апрель — май 1986 года, Хост)

Нигде больше не видел такого неба, как в Афгане… Нигде нет таких звезд. И столько! И на «югах» всевозможных бывал, и в горах, и в разных полушариях — все не то. Звезды над Афганом неописуемые — словно их подсвечивают чем-то.

Когда в детстве первый раз увидел в Третьяковке «Ночь на Днепре» Куинджи, тоже не поверил, что нарисованная луна может так светиться. Украдкой заглянул тогда за край картины — нет ли лампочки? Нету… И все равно — каждый раз не верю.

Вот и за край бездонного афганского неба хоть заглядывай — ну нереально звезды светят! Особенно когда с гор на них смотришь.

Я лежу, закинув руки за голову, на своей позиции и смотрю в небо. Моя очередь спать, но не спится… Сколько раз на боевых я вот так же лежал и смотрел вверх, на эти звезды! В это вечное бесконечное безмолвие, которое чем дольше смотришь в него, тем сильнее притягивает. Словно хочет затащить внутрь. Мне всегда нравилось смотреть в небо… Успокаивает. Отвлекает.

Но сейчас мне хреново. И небо со звездами не помогает. Не успокаивает и не отвлекает. Позиция моя в горах под Хостом, мы здесь уже во второй раз. Но на сей раз все очень серьезно. Войск нагнали… Где-то недалеко Пакистан. А между нашей горкой и Пакистаном — духовской укрепрайон Джавара.

Как нам объяснили перед выходом в горы, тылы укрепрайона выходят на Пакистан, откуда осуществляется снабжение и подвоз боеприпасов. Еще сказали, что на некоторых рубежах укрепрайона есть даже танки… Может, специально обстановку нагнетают… А вдруг нет? Ведь этот укрепрайон нам предстоит взять. Поэтому-то все так серьезно…

Но хреново мне не поэтому. А потому, что сейчас апрель 86-го года. Магическое и нереальное время. Время, о котором я запретил себе думать еще полтора года назад, на кабульской взлетке. Тогда, возвращаясь из госпиталя, на пересылке в Кабуле я воспарил мечтами о доме при виде дембелей, идущих к самолету. И тут же зрелище юного, загорелого неизвестного солдата с аккуратной дырочкой в середине лба вернуло меня на землю.

Тогда, в ноябре 84-го, я еще не понимал знаков судьбы, не умел читать их. Но зарекся думать про «завтра»… Этим «завтра» был апрель 86-го. Время, которое, казалось, никогда не наступит,

которого мы ждали, как чуда. И вот апрель наступил. Но «чуда» не случилось… Случился облом. Облом с домом, с мамой, с Женькой, с летом, травой, рекой, дождем. С поступлением в институт, наконец…

Сейчас конец апреля 86-го года, я уже отслужил 2 года. Теперь мы, призыв весны 84-го, называемся «граждане». Но уже знаем, что домой нам не уехать еще месяца три, а то и больше.

Август! Все 20 месяцев в Афгане это слово звучало в угрозах, предостережениях замполита каждому из нас. И в наших подначках друг другу. «Август!» — звучало как приговор. Как сочувствие «назначенным» залетчиками за реальные или мнимые прегрешения.

В апреле — мае уезжают сержанты и те рядовые, кому дадут «дембельский аккорд». Построил что-нибудь полезное в родной части — и домой. Но кто из солдат получит «аккорд», а кто будет тянуть лямку до августа — это решают ротный с замполитом.

Весной 85-го в нашей роте оставили до августа всех дембелей минометного взвода — и сержантов, и рядовых. В марте у них было ЧП — замордовали какого-то февральского «шнура» так, что тот засунул запал от гранаты в ботинок и рванул…

До той весны минометчики жили отдельно от роты, в охранении. Вокруг бригады был своего рода пояс безопасности между нами и Гардезом. В него входили зенитная батарея, противотанковая и несколько других. На одной из них, минометной, базировался и минометный взвод нашей роты. На боевые не ходили — тащились в охранении. Вот и «дотащились»…

Дело замяли, «шнура» комиссовали «по ранению». Но «заплатили» за это дембеля-минометчики. Хотя мордовали-то «молодого» как раз совсем не они — на таком сроке вменяемые люди так никого не гоняют. А они-то были вменяемые парни.

Минометный взвод вернули в роту, и недели три, пока была опасность, что из-за их «залета» «закосят» с дембелем и остальных ротных «граждан», минометчиков каждый вечер жестоко метелили… Причем именно старшие призывы, из-за которых и случился залет. Уникальный, между прочим, случай в истории Советской армии — дембеля избивают других дембелей за издевательства над «молодым». Хоть в Книгу рекордов Гиннесса…

Потом ротный с замполитом все-таки пробили «нашим» дембельский аккорд, до середины мая они развозили по территории бригады какой-то дерн. Типа, «озеленение территории части». Ну, то есть развозили, конечно, большей частью не они, а те же февральские «шнуры». Но тут каждый знал, ради чего старается: одни — чтобы скорее уехать из этого

дурдома. Другие — чтобы скорее уехали хоть эти придурки.

И вот все дембеля роты уехали в мае, а минометчики еще в июле ходили с ротой на боевые, на Панджшер. Это после расслабухи-то в охранении!

Но там хоть формально была причина, «залет». Нас-то всех за что?

Я не позволял себе думать про апрель, но делал все, чтобы уехать не в августе. И старался не делать того, что было чревато августом. Я был благодарен ротному, не знаю какими словами убедившему замполита, что я достоин сержантских лычек и должности. Благодарен за то, что этим он ограждал меня от августа.

Я терпел все изощренные докапывания замполита к себе, новоиспеченному «командиру». Чуть что не так с моим «молодым»: «Кто командир отделения?»

Где ты раньше-то был, товарищ замполит? Чего ж так не пекся обо мне по молодости? Ах, ну да, это ж у нас теперь новые веяния: перестройка и всякое такое… Решения XXVII съезда КПСС в жизнь! Искореняем позорные явления в армейской среде! Сурово, бескомпромиссно, по-партийному! Что бы вам бескомпромиссность свою в 84-м начать проявлять…

Ладно, проехали.

Я терпел это, зная «любовь» замполита к себе и понимая, что, оставшись рядовым, буду первым в списке невезучих, оставляемых до августа… Вытерпел. Дождался апреля — вот-вот уж отправки начнутся… Теперь я понимал Марьяна, своего первого замкомвзвода, которого увидел в далеком 84-м на пересылке в Кабуле. Понимал, чего его так колбасило тогда за месяц до начала отправок. Для этого понимания нужно пробыть здесь полтора года.

И тут такой облом — почти весь наш призыв оставляют до августа. Не как залетчиков, нет. Просто с весны 86-го поменяли принцип увольнения в запас. Как специально против нас поменяли. До этого в апреле — мае уезжали все сержанты. На должности ты, не на должности — не важно. Сержант — домой!

Теперь же, по новым правилам, уедут только те выходцы из Гайжюная и Ашхабада, сержантских учебок, кто стоит на сержантской должности. А у нас в роте половина сержантов на должностях — из Ферганы, солдатской учебки. А среди «гайжюнайских» как раз половина не на должностях, хотя и при званиях. Ну, так вот получилось. Кто бы знал… И рядовым — никаких больше «аккордов».

Вот и выходит, что из 25 «граждан» в роте домой собираются… пятеро! Пятеро счастливцев, которым повезло

учиться на сержантов и на момент приказа оказаться на сержантской должности! Пятеро, которые приехали в Афганистан в ноябре, на три месяца позже нас. И на три месяца раньше уезжают…

За неделю до боевых роту построили и объявили, что домой едут Толян Кочетов, Серега Мельников, Леня Шеин, Олег Петров и Алик Исмаилов. А остальные… Остальные начинают готовиться к боевым.

— Что, все? — не веря своим ушам, спросил кто-то из наших.

— Все! — последовал жесткий ответ ротного. — И отставить разговоры!

Старший лейтенант Плотников прекрасно понимал чувства своих солдат. Он тоже в Афгане уже почти два года. Прошел с нами все операции — сначала взводным, потом ротным. Вместе с нами голодал и мерз на Алихейле. Умирал от жары и жажды на Панджшере. Рисковал своей и нашими жизнями. А я-то теперь понимаю, что второе — намного труднее и страшнее… И теперь ему предстояло рисковать ими вновь. Жизнями 20 пацанов, которые честно оттрубили свои два года и уже могли и ДОЛЖНЫ были бы уехать домой. Он знал, как увольняли до этого. Знал, на что мы надеялись, чего ждали. Ведь и для офицеров долгожданная «замена» — дело нешуточное!

Никогда не забуду, как той же самой весной 86-го замкомроты мудохал за офицерскими каптерками своего заменщика. Тот прибыл месяца на два позже, чем должен был замениться наш Вася. Скорее всего, по причинам, никак от молодого неуклюжего старлея не зависевшим. Больше того, он, похоже, и знать не знал, что «опоздал»… Однако бесшабашного, порой отвязного, но при этом уважаемого нами замкомроты все это не интересовало. А бить он умел.

Теперь ротный понимал наши чувства и эмоции. Он и сам, видно, был обескуражен, потому-то и застряли у него в горле и толком даже не запомнились мне какие-то штампованные фразы про «сложную оперативную обстановку».

Но он был наш командир, а мы были его солдаты — те, с которыми ему предстояло идти на очередную «войну» и на которых он должен был по-прежнему рассчитывать. Потому и заскрежетал металл в его голосе:

— Увольняемые — к старшине, получать парадки! Остальные — в ружейную комнату, получать оружие и РД. Готовиться к строевому смотру! Рпразойдись!

Командир, не оборачиваясь, ушел. А рота еще несколько минут стояла, словно в оцепенении.

Это чуть позже «добрые» Пахом с Никулиным начнут

подкалывать:

— Ну что, Тема, говорили мы тебе: «Чистые погоны — чистая совесть!» Нет, ты, блин, не слушал — вот тебе облом! Вот и засунь теперь себе в жопу свои лычки!

И ведь знаю, что тоже оба на апрель рассчитывали, на «аккорд», так что обломались-то не меньше моего. Но как же не поприкалываться над корешем… А зачем еще друзья нужны? Но в этой минутной тишине каждый думал о своем. «Шнуры», приехавшие в феврале, — о том, что теперь им совсем кранты, потому что 20 «граждан», которых «закосили» с дембелем, устроят им такую «райскую жизнь»… А они-то надеялись вздохнуть хоть немного. «Ветеранчики», прослужившие год, которые с нашим отъездом должны были стать уже совсем «большими», — о том, что теперь это откладывается до августа. Дембеля, прослужившие полтора, — о том, что и большинству из них теперь светит, возможно, февраль. То есть третья армейская зима, третий Новый год в сапогах.

А мы… Не знаю, о чем думали в этот момент ребята. Точно помню: первое, о чем подумал я, было не о доме и не поступлении в институт, а о жуткой несправедливости жизни. Несправедливости в том, что одним из четырех «счастливцев» был Алик. Ведь Толян, Серега, Олег и Леня заслужили этот подарок судьбы на 102 %. За свои полтора года они не пропустили ни одной операции. Каждый из них по-своему хлебнул нелегкой сержантской доли.

Леня был «замком» в третьем взводе, где почти все были его призыва. Это особое искусство — рулить своими, но и оставаться «своим». Леня смог. Как смог и Олег Петров, бывший у него командиром отделения.

Толян, наоборот, почти год был «замком» в первом взводе, целиком состоящим из «шнуров». Первое время носился с ними, как наседка. Это не меньшее искусство — умудриться, когда надо, вступаться за своих «цыплят», но и не противопоставить себя своему призыву. Толян сумел.

Серега командовал отделением АГС. Мало того, что АГС — одна из самых тяжких для переноски в горах вещей. Так в отделение АГС еще и норовят «сослать» всех залетчиков и «шлангов». И ими надо не просто «зарулить», но и сделать так, чтобы АГС, мощнейшее средство огневой поддержки роты, всегда был под рукой ротного и в боеготовности. Серега сделал.

Все четверо были награждены и при любых раскладах были первыми кандидатами на первую отправку.

А вот несправедливость жизни заключалась в том, что вместе с ними получать парадку, сапоги и берет, чтобы готовиться к

отъезду, отправился Алик… приехал из Ашхабадской учебки, где учился на минометчика, и сразу же «уполз» в хлеборезку, к кому-то из земляков, где протащился больше года. Алик, который злобно «посылал» нас из-за запертой двери хлеборезки, когда мы «шнурами» стучались туда в поисках жратвы для дембелей. Потом, уже в конце 85-го, он умудрился каким-то образом залететь, и его, как водится, в наказание перевели к нам в роту. Опять же, как водится в таких случаях, определили в минометный взвод. «Замком» там уже был Давлетов, и где-то в феврале Алик стал командиром отделения — точнее, расчета. Так это, по-моему, у минометчиков называется. И вот теперь, сходив всего на несколько операций и пробыв на сержантской должности всего пару месяцев, Алик Исмаилов отправлялся домой. Алик, которого за изощренную жестокость ненавидели «шнуры» и которого за злобный, подлый характер недолюбливали даже мы. Да и сам Давлетов, казалось, порой был не в восторге от «приподнятого» им земляка. Впрочем, и земляками-то они были только в наших глазах. Алик был из Ташкента, а Исмаил — из Туркмении, из Ташауза. И смотрели на «туркменских» узбеков ташкентские как на «второй сорт». А те на них — как на «тепличные растения». Но помогать друг другу помогали. Все же одна кровь… Этим они сильны, не откажешь.

По злой иронии судьбы, «благодетель» Алика, Исмаил Давлетов, оставался до августа. Исмаил, который приехал в Гардез в августе 84-го, всего два раза подержав в руках автомат. Но отходивший потом без единой передышки на госпиталь все боевые. Исмаил, который в начале службы толком не говорил и не понимал по-русски, но стал к концу службы заместителем командира взвода. И вот теперь Исмаил, тоже считавшийся одним из самых заслуженных кандидатов на первую отправку, остается служить до августа. И все только потому, что приехал из «солдатской» Иолотани… Исмаил, которого некоторые побаиваются, но все уважают. Ну не гадство ли?! И вот это называется «судьба»?! Хотя что там говорить… Это же для нашего ротного, лазившего с нами по горам, и даже для замполита, выпившего у нас столько крови, но все равно нашего, мы — Толи и Лени, Исмаилы и Фариды, Сани и Олежки, Сереги и Юрки. Достойные и недостойные, заслужившие и нет… А для тех, кто галочками и крестиками, указами и циркулярами решают наши судьбы, нас нет. Нет наших судеб, наших надежд, наших планов, наших жизней. Есть только цифирки в отчетах и приказах. Есть «оперативная обстановка». Впрочем, не совсем так. Наши жизни есть. Иногда есть…

Когда год спустя, в апреле 87-го, при десантировании под

Джелалабадом погибнет от прямого попадания в голову Илья Редьков из нашей роты, которому уже вышел срок увольняться, вот тогда его жизнь вдруг станет значимой. Точнее, его смерть… Значимой лишь потому, что где-то наверху вдруг кого-то поразит факт, что парня убивают, когда он уже мог и должен быть дома. И вот тогда они зашевелятся, тогда полетят приказы-депеши: «Не допускать!.. Исключить!.. Не привлекать!..» И всех весенников моментально уволят в апреле. А ведь никак было невозможно. «Оперативная обстановка…»

Впрочем, ладно, что я распричитался-то? Во-первых, мы солдаты и давали присягу. Надо — значит надо. А во-вторых, ничего этого я еще не знаю в апреле 1986-го, лежа на своей позиции в горах под Хостом. И рассуждаю не так «глобально». Мне просто хреново от того, что до дома, оказывается, еще так долго ждать. От того, что уже не раз и не два рвались на позициях роты невесть откуда со свистом прилетевшие «эрэсы». От того, что где-то там, впереди, выше в горах, чертова Джавара, которую наши собираются взять, а «духи» не собираются отдавать… И еще от того, что я выполнил все, что обещал себе в ноябре 84-го, на кабульской взлетке. Вцепился в эти горы, в свой автомат, верил в своих товарищей и шел вперед. Жил здесь и сейчас, не думая про «завтра». А оно не наступило…

И вот я снова в горах, на операции. Гляжу в безразличное к моим переживаниям звездное афганское небо. Одна из бесчисленных звезд начинает вдруг мигать и становится больше. Самолет…

Высоко над нами, над нашей горкой, над Хостом, над Афганистаном, над этой войной, летит куда-то на север кусочек мирной жизни… Ровно гудят двигатели, в салоне уютный полумрак. Кто-то дремлет, укрывшись шерстяным пледом. Один из пассажиров не спит, тщетно вглядываясь в непроглядную тьму иллюминатора. К нему подходит приятная стюардесса с бокалом виски на подносе. (Никогда не пробовал виски, но почему-то был уверен — это именно виски.)

— Что-то еще, сэр?

— Скажите, где мы сейчас пролетаем?

— Афганистан, сэр. Ничего интересного, сэр, сплошные горы. Даже днем смотреть особо не на что…

— Спасибо.

Задумавшись, сэр слегка взбалтывает содержимое бокала:

— Хм. Афганистан… Афганистан. Там ведь какая-то война уже несколько лет. И что там забыли эти русские? Зачем им эти горы? М-да… Интересно…

Виски медленно стекает по стенкам бокала, оставляя тягучие

следы…

— Интересно… Для самолета у них вполне неплохой виски.

Сделав несколько глотков, он откидывается на кресле, подоткнув под бедра плед. Лететь еще несколько часов, нужно поспать.

Афганистан, на секунду войдя в его жизнь, снова остается далеко внизу. Мощный «Боинг» уносит его все дальше на север…

В каких-то десяти километрах от него лежу я и смотрю на безразлично подмигивающие огни самолета. Скоро он скроется из виду навсегда.

Сколько раз рисовалась в моем воображении эта сцена, когда в черном небе над горами начинали вдруг мигать огни кажущегося нереальным самолета. Клип, нарезанный сознанием из кадров всех виденных западных фильмов…

Но сегодня я не дам этому самолету улететь. Я сяду в салон, укрывшись пледом. Я продолжу путь дальше, на север. Через несколько часов мы долетим до Москвы. Приземлимся, я выйду из аэропорта, сяду в автобус…

Стоп, почему в автобус? Старшина же сказал Лене с Толяном, что в Ташкенте мы получим рублевую зарплату за все время службы в Афгане. Это ж рублей 300!

Приземлимся, я выйду из аэропорта, сяду в такси и поеду в город. Будет утро. Да, раннее солнечное весеннее утро. Машина будет весело шуршать шинами по только что политому асфальту. Я высуну руку в окно и буду ловить ладонью упругий прохладный ветерок. Мы поедем по Ленинградке, потом по улице Горького, свернем на Садовое и, проехав высотку на Восстания, свернем в наш двор… Я не стал звонить из аэропорта — пусть будет сюрприз…

Звоню в дверь — сколько же лет нашему звонку? 30? 40? Когда вернулся с войны дед, он тоже жал эту кнопку…

За дверью торопливые шаги. Она знала, знала и ждала… Дверь открывается.

— Здравствуй, мама! Я вернулся…

Но это стюардесса из самолета. Она трясет меня за плечо.

— Шейнин, Шейнин, просыпайся! Тема, проснись!

Черт, значит, еще не долетели. Ну когда же уже, когда?

ГОСПОДИ, КАК ЖЕ Я ХОЧУ ДОМОЙ!

Так, а откуда это она знает, как меня зовут?

Просыпаться не хочется, но настырная стюардесса голосом взводного упорно выдергивает меня из самолета:

— Ты охренел так дрыхнуть, сержант?! Подъем!

В салоне самолета гаснет свет, становится темно, душно и жестко. Так, похоже, «прилетели»…

— Я не сплю, тащ старший лейтенант!

Нехотя возвращаюсь в реальность. Ощущение дома, куда я почти уже было вернулся, медленно тает, словно обрывки утреннего тумана под восходящим солнцем. Только вместо солнышка — старший лейтенант Кондратьев:

— Артем, бери трех своих, и спускайтесь по той тропинке, по которой вниз ходили. Помнишь дерево, где Кахрамон с афганцами разговаривал?

Место это я помню прекрасно — там наша тропинка пересекается с той, по которой ходят туда-сюда сидящие где-то выше нас «зеленые». Зрелище это каждый раз меня поражает — по такой жаре они ходят в застегнутых наглухо суконных мундирах. Но не это самое поразительное. Больше всего поражает, что даже здесь, на крупной армейской операции, вблизи «духовского» укрепрайона, где вполне могут лазить — и наверняка лазают — диверсионные и разведывательные группы «духов», оружие у афганцев через одного, а то и одно на троих.

Кахрамон как раз среди прочего и об этом спрашивал у старшего афганцев, когда мы несколько дней назад столкнулись с ними у дерева, на пересечении тропинок. Среди них оказался узбек, и завязалась беседа.

— Почему у вас оружие не у всех?

— Недавно призванным оружие сразу не выдаем.

— А почему?

— Нужно время, чтобы проверить их.

— И как проверяете?

— Ну, если несколько дней остаются, тогда начинаем давать.

Про то, что из афганской армии солдаты бегут к «духам» целыми подразделениями, нередко прихватив с собой «до кучи» офицеров или даже наших советников, я уже много слышал. В Гардезе то и дело объявляли, что такой-то пехотный батальон в полном составе с оружием перешел к «духам». И про то, что не доверяют поэтому афганцы солдатам, особенно недавно призванным, слышал тоже. Да, собственно, и не сильно этому удивлялся. Особенно после того, как в августе 85-го увидел на аэродроме в Кабуле, как «досматривают» афганских «призывников». А потом летел с ними до Гардеза в огромном «Ми-6», где, кроме пилотов, советским был один я. При взлете будущие «сарбозы» обмочились почти все. А один до Гардеза так и не долетел. Умер по дороге. От страха, видать. Вот бы знатный был, наверное, боец!

Но одно дело — слышать и догадываться, а другое — увидеть своими глазами, как в районе боевых действий ходят невооруженные бойцы союзников, которые настолько ненадежны,

что оружие им доверяют только одно на двоих. Как же тогда рассчитывать на этих «союзников»? На эту полуармию? И чего ждать от этих «неблагонадежных», даже с одним на двоих автоматом?

Все эти не раз передуманные мысли проносятся в голове при упоминании взводным места, куда мне предстояло выдвигаться с бойцами. Но от них не остается и следа, когда он объясняет цель выхода:

— На позициях «зеленых» прямым попаданием снаряда убило советника. Сейчас его спускают вниз по цепочке. Ну, не его, а что осталось… Дотащите до того сарая, где обычно отдыхаем. Там вас будет ждать кто-то из наших.

Спускаемся к дереву. Залегли, ждем. Спустя некоторое время слышим шаги. Вскоре на тропинке появляются трое «зеленых». Один, с автоматом, впереди, двое несут за углы плащ-палатку. Это что — все, что от него…

Выходим из укрытия им навстречу. Забираем плащ-палатку. Она нереально легкая… То, что мы несем, укрыто второй плащ-палаткой. Но и без этого не то что смотреть, а даже думать, что там, нет сил… Нельзя, нельзя об этом задумываться. И я не задумываюсь.

Вспоминаю свои редкие и короткие встречи с советниками. Впервые я столкнулся с ними на первом Алихейле, во время одного из бесконечных переходов по заснеженным горам. Помню, прихватила меня не на шутку главная беда молодого солдата. Ну, нет больше сил никаких. А ротный прет и прет вперед… Хоть расстреляйте, но под этой елкой я «присяду». Стараюсь не терять роту из виду. Прикидываю, как догонять их потом по снегу бегом. Тут с той стороны, куда я смотрю, появляется вдруг цепочка людей, идущих в мою сторону. На наших не похожи.

Ой!..

Да нет, уж слишком уверенно идут. И какая-то форма на них. «Зеленые», человек сорок. Как странно смотрятся они со своими смуглыми лицами и черными волосами в этом заснеженном лесу, утыканном раскидистыми елками.

Как раз мимо «моей» елки их цепочка и проходит. Улыбаются, смеются, курлыкают чего-то… И вдруг среди них мужик с густой русой бородой. Форма как у них, а ушанка наша, офицерская. Лицо светлое такое, глаза серые. Уж на что они здесь странно выглядят, а он среди них — вообще мираж. Проходя мимо, подмигнул, улыбнулся молча и дальше пошел.

Вот так мимолетом увидел я первого в своей жизни военного советника. Тогда, на Алихейле, особо раздумывать мне об этом некогда было. Штаны натянул, РД кое-как на спину взвалил и

давай своих догонять. Но потом много раз вспоминал русого этого мужика. Думал, каково это должно быть одному среди этих бабаев по горам лазить. Тут как-никак хоть все свои вокруг, какие бы ни были, но точно свои. А он там один-одинешенек. Случись что — на кого положиться? Так ведь с ними не только в горах ухо востро держать надо. Ведь то и дело нам говорят про очередных дезертировавших афганцев.

Когда в Гардезе ночью вдруг стрельба начиналась, тоже про него вспоминал. Думал, как сложно двадцать четыре часа в сутки среди чужих быть, выстрела в затылок ждать, ножа в спину, яда в кружку… Да, незавидная доля…

А весной, в мае, увидел я других советников. По-другому увидел. Стоял в карауле на складе ГСМ. Днем склад открыт, прапор там заправляет, а часовой так, гуляет сам по себе, для порядку. И вот хожу себе, греюсь на солнышке, жду смену. Вдруг заезжает на склад «уазик» армейский с брезентовым верхом. У какой-то цистерны остановился — заправка там, что ли… Выходят из «УАЗа» два парня. Вот именно парня — ни солдата, ни офицера. Потому как одеты оба в голубые джинсы и какие-то цветастые рубахи. На глазах очки солнцезащитные, «капельки», самый писк моды тогда был. На боку у каждого «АКСУ» болтается со спаренными магазинами. Смотрю, по возрасту ну никак они не могут офицерами быть. Подошел, окликнул:

— А вы кто, парни? Откуда такие?

Посмотрели так изучающе сквозь темные стекла очков своих модных. Типа, раздумывая, отвечать или нет служивому.

— Из Гардеза. У советников служим…

— Так вы солдаты?

— Солдаты, солдаты. Ладно, пора нам. Давай…

Заскочили в свой «УАЗ» и укатили, пыль колесами подняв. «Ни хрена, себе, — думаю, — служба у парней. Джинсы, очки, машина, свобода…»

Сменился, рассказал своим в караулке, каких «воинов» видел. Даже не поверили мне некоторые.

— Да прикололись они над тобой. Наверняка офицеры. Чего там, после училища-то, 21–22 года.

— Вашего взводного, Кабачка, в гражданку одень — салабон салабоном будет!

Да нет, солдаты они были, точно. Вот ведь везет же кому-то… Но тут вспомнил я свои же мысли про то, как стремно должно быть постоянно среди афганцев находиться. И как-то завидовать перестал. Хотя еще не раз потом слышал рассказы о том, что и отношение к солдатам у советников другое. И что платят им по-другому, не так, как нам. И что, увольняясь, эти парни чуть ли не

контейнерами добро домой увозят. Так и не знаю до сих пор, что из этого правда, что домыслы…

В следующий раз прикоснуться к жизни советников в Афгане пришлось мне как раз здесь, в Хосте, во время прошлой операции. Тогда, в августе 85-го, мы пробыли здесь недели три. Прикрывали саперов, минировавших границу какими-то хитромудрыми минами. Единственное, что мы знали до операции, — что город со всех сторон блокирован «духами». Что мы здесь первые регулярные советские войска за несколько лет, а так — только советники. Что по земле проехать сюда нельзя — десантировали нас на местный аэродром «вертушками». И при этом предупредили: город вроде контролирует власть, но неизвестно, встретят ли при высадке пионеры цветами или «духи» с «ДШК».

Пионеров не было, зато и «духов» тоже. Помню, еще подумал тогда, пока везли нас по улицам Хоста: «Вот уж, наверное, веселуха-то нашим советникам тут жить. Это похлеще Гардеза, там хоть бригада рядом, если что. А тут — ищи-свищи потом…»

Сначала мы долго сидели посреди города, на усыпанной камнями и поросшей деревьями горке с какой-то вышкой-антенной наверху. Зачем сидели, чего ждали — не знаю, нам, как обычно, не объясняли. Укреплений из камней понастроили, плащ-палатки натянули. Ждем-с…

И вот как-то вечером взял взводный Серегу Сергеева, Олега Никулина и меня с этой горки, и куда-то поехали мы на местной «шишиге». Приехали, выходим — вокруг чистенько так, ухожено все. Дорожки аккуратные между деревьев в разные стороны расходятся. А за деревьями несколько вилл стоят двухэтажных. Тоже аккуратненькие такие виллы — прям как не в Афгане. В светлый цвет выкрашены, на окнах занавесочки задернуты. Короче, не по-здешнему все как-то. Особенно эта чистота и ухоженность.

Распределил взводный каждому из нас по дорожке:

— Смотрите в оба! Охраняете советников. В виллах они живут.

Ладно, «охраняем» так «охраняем». Ходим, смотрим. Через какое-то время в окнах свет зажегся… Мягкий такой свет — сразу видно, абажур или торшер. Странно как-то, тут я поймал себя на мысли, что нормальный дом, нормальное освещенное окно уже и не помню когда видел. То палатки, то дувалы, то модули армейские. И лампочки везде голые… А ведь кто-то в этих домах живет. За занавесками этими. Днем по тропинкам этим гуляет, вечером торшеры в доме зажигает. И ведь он, этот кто-то, тоже при этом на войне… Комфорт, уют, чистота. Может, и жена здесь с ним. Только вот мы-то улетим, а они останутся…

И вот теперь, в апреле 86-го, кого-то, возможно, из обитателей этих уютных домиков мы тащим вниз по горе в армейской плащ-палатке. Точнее, то, что от него осталось после попадания снаряда. И весит эта плащ-палатка совсем немного… И теперь совершенно неважно, в каком комфорте и достатке он жил. Час назад у него тоже были надежды, планы… Тоже, наверное, о доме мечтал, о Союзе… Так же точно, как и пацан из Джелалабада, убитый снайпером в голову. И теперь неважно, что тот был солдат, а этот — полковник. Теперь, когда домой, в Союз, он полетит «грузом-200»… Смерть уравнивает всех.

Обо всем этом вспоминаю и думаю, пока мы несем свою скорбную ношу к месту очередной передачи. Вот мы уже и пришли. Так же молча передаем плащ-палатку кому-то из ребят нашего батальона. Возвращаемся к себе на горку. Молчим. А что тут говорить? Никто ничего и не спрашивает — и так все ясно.

Теплой апрельской ночью под звездным афганским небом война снова напомнила о себе. Напомнила, что для нее нет достойных и недостойных, удачливых и невезучих, рядовых и генералов. Что останки любого из нас легко уместятся в плащ-палатку…

На позиции снова ложусь, закинув руки за голову, и смотрю в небо. Ничто не изменилось в бездонной и бескрайней тьме, усыпанной звездами. Изменился я…

Теперь, в апреле 86-го, я понимаю знаки судьбы, умею их читать. Всего час назад лежал и клял судьбу за то, что долгожданное «завтра» не наступило в положенный срок. А она напомнила мне, что «завтра» может не быть вообще. Показала, что «завтра» наступает не так и не тогда, когда ждем его мы. А когда она решит, что ему пора наступить. И она же решит, каким ему быть. И быть ли…

Да, я все понял! Как там тебя? Ну, ты, вот там, на небе этом бездонном! Я понял! Август так август. Плевать! Пусть будет как будет… Мама подождет. Женька и так не ждет уже. Поступить можно и в следующем году. И лето ведь тоже еще не одно будет. Трава, река, дождь… Ведь будет, правда? Только прошу тебя, только не трогай никого, ладно? Пусть никого из нас не унесут отсюда завернутым в плащ-палатку…

Нигде больше не видел такого неба, как в Афгане…

P.S

Джавара была взята. Потерь в нашей роте не было. В самое пекло нас не отправили. Уж не знаю, то ли комбат пожалел роту, на треть состоящую из дембелей, которым уже вышел приказ, то ли просто небо сжалилось. До августа из роты уехал домой еще только один человек. Кахрамон Мираипов. По возвращении с

операции ему сообщили, что дома в Ташкенте умерла сестра. Умерла скоропостижно, ничем не болела… На следующий день, толком не успев даже собраться, Кахрамон улетел. Небо получило свое за его жизнь. И для него наступило «завтра»…

Уже дописав рассказ, нашел в книге А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана», в главе с описанием операции по взятию Джавары, такие строки:

«От прямого попадания снаряда были в буквальном смысле разорваны советник командира 21-й мотопехотной бригады подполковник Куленин и его замполит…» (М.95 ГПИ «Искона», с. 311).

Значит, в ту апрельскую ночь мы тащили в нетяжелой плащ-палатке останки ДВУХ человек… Значит, ДВА «груза-200» прибавила та ночь к грузу нашей скорбной памяти.

Недоброе прощание (лето 1986 года, Гардез)

Конец мая. Мы сидим в курилке перед клубом в ожидании кино. Из динамиков играет музыка… Классная песня. Поют мужик с теткой. Надрывно так поют, от души. Чего-то там про две звезды, которые куда-то падают с неба.

— Тетка — вроде Пугачева? А что за мужик?

Это кто-то из наших, из дембелей. И кто-то из наших же:

— Да хрен его знает. Не Кузьмин?

— Ты че, с дуба рухнул? С хрена ль-то Кузьмин будет с Пугачихой петь?

Для нас, призванных в апреле 84-го, где Пугачева была эстрадой, а Кузьмин — рокером, такое сочетание было невообразимым и непонятным. Мы не могли себе этого представить. Как не могли себе представить панков и металлистов на Арбате. Сам Арбат, ставший из живой улицы театральной декорацией. Очереди за водкой. И многое другое, что изменилось за эти два года, — нам предстояло вернуться в другую страну. Той, откуда мы уходили, уже не было… Как не было уже и нас, тех мальчишек, которых в апреле 84-го везли под «Кара-кара-кум» в жаркую Фергану, а потом, в августе, в еще более жаркий Афган.

Мы наивно думаем, что скоро уедем в Союз, на гражданку, а Афган с его войной останется здесь, станет нашим прошлым… Никуда он нас не отпустит. Никогда…

Но ничего этого мы пока не понимаем. И многое отдали бы сейчас, чтобы слушать странный, невообразимый для нас дуэт не здесь, перед клубом 56ДШБ в Гардезе, а там, в Союзе. И самое обидное, что мы же ДОЛЖНЫ уже быть там. Мы уже заслужили это!

Зачем нас оставили, понять трудно. С июня на операции мы уже больше не ходили. Но как водится, объяснять нам никто ничего не стал. А зачем? Родина тебе доверила выполнять интернациональный долг — вот и выполняй. А то, что еще три месяца нашим матерям сердце рвать… Хотя уж вроде прождали положенное. И вместо сердца там одна рана кровавая… Так это их доля такая материнская…

Оставшиеся два месяца проходят в каком-то полубредовом состоянии. Весь июль мы, «граждане» второй роты, ежедневно уходим «работать» на склад ГСМ — горюче-смазочных материалов. Он находится в стороне от территории бригады, на

полпути к «мирному» кишлаку. («Мирному» в том смысле, что оттуда бригаду почти не обстреливают.)

Ну, работать — это только так называется. Мы должны устанавливать столбы для второй линии колючей проволоки. В реальности приходим на склад и заваливаемся спать кто где или загораем. Или ходим в кишлак за электронными часами «Касио» с калькулятором, браслетами от давления, платками. И еще всякой всячиной, которую везет солдат великой ядерной державы в подарок матери и любимой девушке из средневекового Афганистана. В Союзе-то этого всего не найти, а в кишлаке, в дукане — сколько хочешь. И не важно, что война кругом, что мы караваны их долбаем, особо не разбирая, что они там везут… Есть спрос — будет и предложение. Почему-то этот закон капитализма на местной средневековой почве цвел пышным цветом. А мы месяцами охотились в бригадном «Военторге» за «дембельскими дипломатами»…

Иногда, придя после завтрака на склад, от нечего делать мы вкапываем столб. Один в день. Но это редко. На хрен он нам сдался, этот столб? И эта колючка. И этот склад. И этот Афганистан…

Мое излюбленное место для сна — под цистерной с водой. Там хоть какая-то иллюзия тени. Хотя спать с каждым днем все труднее. И не потому, что отоспался. Просто все сны только про дом. И такие реальные, осязаемые, что просыпаешься в жутком настроении. Ведь все это уже должно происходить с тобой не во сне, а на самом деле! И в голове лишь одно: «Когда же, когда?..»

А потом этот день пришел… Провернулось колесо времени, и все повторилось. Начало августа — и мы снова ждем, когда начнутся отправки. Как два года назад в Фергане. Только теперь уже не Афган, а Союз занимает все мои мысли и мечты.

На сей раз нам с Пахомом с первой отправкой не подфартило — только третья. Да какая разница! Тем более что Никулин с Сергеевым все равно подождут нас в Ташкенте. Гульнем там, а уж потом все вместе в Москву.

Гульнуть в Ташкенте — гусарский шик афганских дембелей. Ведь все время, что мы были в Афгане, там, в Союзе, нам «капала» получка. Пусть немного, пусть 10–15 рублей в месяц, но за два-то года ого-го накопилось, под 300 рубликов! Плюс за легкое ранение — 150, если есть. Да за среднее — 300. Это при том, что ведь и в Афгане нам те же суммы капают в чеках «Внешпосылторга». А чеки-то эти в Союзе 1:3, говорят. А можно и подороже продать барыгам. Столько денег мало кто из нас когда-то держал в руках. И, видно, потому, еще не полученные даже, они уже начинали жечь карман. А многим стремление «гульнуть»

начинало жечь душу еще по пути в Союз. Отпахав два года на войне, отлазив по горам, отползав под пулями, 20-летние парни искренне считали, что тот, «кто воевал — имеет право». Что никто не вправе хоть как-то сдерживать наш кураж.

Но так думали только мы, бесшабашные юнцы. И так совсем не считало ни командование нашей бригады, ни командование кабульской пересылки, ни военные патрули в Ташкенте. Для них мы все еще были военнослужащими, которые должны соблюдать форму одежды, должны соблюдать воинскую дисциплину, должны… Да почему же мы опять чего-то должны? Мы давно всем все раздали! У нас и так украли уже ТРИ месяца жизни!

Вот в этих противоречиях между «уже заслужил» и «еще должен» и были корни известных на весь Афган буйств десантуры на кабульской пересылке. Повторялись они регулярно, каждые полгода. Чуть потише — в апреле и октябре, и уж совсем буйные — в августе и феврале. А чем еще напугать бойца, уже «закошенного» с дембелем аж на три месяца? И, как водится, никто никаких выводов из этого не делал. Потому что, если бы делали, разве стали бы докапываться к нашим дембельским парадкам в бригаде? Стали бы распарывать ушитые «как положено» брюки? Стали бы срезать «неуставные» бляхи, погоны, шевроны, аксельбанты? Стали бы унижать нас, заставляя прибинтовывать к ногам или прятать в трусы всю эту столь важную для нас мишуру? Разве обеднела бы родная армия, позволив увозить с собой второй тельник, а не прятать его, как воришка, под китель на спине? Неужто подрывали боеспособность Вооруженных сил обрезанные канты на подошвах дембельских сапог и приделанные к ним каблуки? Кому мешали изогнутые чуть ли не наполовину бляхи, разглаженные чуть ли не до пупка отвороты кителя, шевроны с вырезанным словом «Афганистан»?

Наверное, тем же, кто устраивал нам там строевую перед боевыми, запрещал ходить в горы в кроссовках вместо полусапожек, конфисковывал удобные духовские «лифчики» и спальники. Ведь это не положено! Сутками лазить по горам без воды, неделями жрать сухпай на боевых и месяцами сечку с салом в бригаде, спать в горах на снегу и кормить вшей и, главное, каждый день рисковать жизнью — все это было положено. А все эти удобные, но «неуставные» вещи — нет. И «нарушать форму одежды», уходя на дембель, — тоже.

А ведь для нас это были не просто цацки — это был символ, это был ритуал, фетиш! Это был грандиозный карнавал, которого мы ждали два года. И которого каждый из нас мог не дождаться! Мы все ходили по краю жизни! И 730 дней мечтали о том дне,

когда лихо заломим берет на затылок и придем домой…

Зачем, ради каких высоких принципов нужно было упорно пытаться нам все это испортить, когда он, наконец, наставал? И еще тысяча «зачем» и «почему», как всегда, безответных. А в результате уже на кабульскую пересылку попадали мы заведенными. Как будто нам мало было своего адреналина…

Простите, увлекся — столько лет прошло, а не могу успокоиться. Потому что не могу понять…

Прощания с Гардезом у меня не получилось. Целый день мы ждали «вертушек», на которых должны были улететь в Кабул. Раза три нас даже выводили на бригадный плац строиться — уже в парадках, с дипломатами, переобнимавшихся со всеми, кто был в это время в роте. Но, продержав какое-то время на плацу, снова распускали по палаткам, не сказав ничего определенного.

И вот ты снова тащишься в палатку, где уже со всеми попрощался. Снова нужно снять и развесить наглаженную парадку, размотать бинты, которыми примотаны к ногам «неуставные» погоны. И снова сидеть ждать… А сил ждать больше нет.

После обеда роте пришел приказ срочно собираться куда-то на задачу. Очередные спешные объятия, палатки пустеют, и через какое-то время мы видим, как, поднимая клубы пыли, ротная колонна уносится куда-то в сторону Гардеза… Счастливо, мужики!

Спустя еще пару «ложных тревог» нас в очередной раз строят на плацу. Мы уже не особо верим и надеемся, что и на этот раз куда-то полетим. Но неожиданно приходит какой-то майор, который практически без всякого шмона ведет нас к нескольким «ГАЗ-66». Перелезая через борт, больно ударяюсь тем местом, где спрятана бляха. Блин, так и без детей остаться можно… Все торопливо, суетливо, обыденно. Разве так я представлял себе два года назад «отъезд на Родину»? Пылим на взлетку. Забегаем в «Ми-8». Сколько ж нам пришлось на них полетать на десантирование… Родное все внутри. Только мы чужие теперь тут, в своих парадках, хотя рассаживаемся по привычке кто куда — и на скамьи у борта, и на пол. Нас много, мест мало. Да и наплевать уже — только б улететь отсюда скорее!

Заводимся, взлетаем… Даже не взглянул я на прощание вниз. Пока бляху вытаскивал, пока погоны от ног отматывал — уже и не видно стало ни Гардеза, ни бригады… Только бесконечные горы, горы, горы… Унылый и однообразный, но такой привычный уже теперь пейзаж…

Через 40 минут мы в Кабуле. На взлетке узнаем — бортов в Ташкент сегодня уже не будет. Значит, ночевать на пересылке.

Видать, не разминуться мне с ней, родимой, и напоследок. В гробу я, конечно, видал такой символизм, но что поделаешь.

При входе на пересылку замечаю, что часовой смотрит как-то затравленно. Причину узнаем сразу же: вчера был борт на Ташкент, но наших, гардезских, с предыдущей отправки, на него не посадили. Ну и ребята, обидевшись, ночью почудили маленько. Дочудились до того, что кто-то из начальства пообещал, что гардезских дебоширов теперь в наказание отправлять не будут совсем. Ну что ж, с логикой у товарища командира все в порядке…

Ночью выдаем вторую часть марлезонского балета, цыганочку с выходом и прочие эксклюзивные номера «а-ля Гардез». В итоге утром все меняется «с точностью до наоборот».

Часов в 10 по всем палаткам объявляют:

— 56-я ДШБ — на выход!!

Вот тут нас уговаривать долго не надо. Вываливаем из палаток, строимся в колонну по четыре. Пошли! Балагуря и посмеиваясь, позвякивая медалями и поблескивая надраенными до блеска бляхами ремней, начинаем двигаться в сторону ворот пересыльного пункта…

Больше полутора лет назад стоял я здесь, у ворот пересылки. Смотрел на такую же колонну дембелей и не мог представить, что когда-то вот так же эта зелено-голубая волна подхватит и меня. Подхватит и понесет ДОМОЙ!

Может, и сейчас где-то перед воротами стоит пацанчик в замусоленном х/б и в панаме с обвисшими краями и мечтательно смотрит на нас, счастливых и довольных. И вдруг понимает, что и его ждет такое же через полтора года. А потом выйдет туда, за ворота, и запретит себе думать об этом до поры… И правильно, и молодец, пацан! Удачи тебе! А я не буду оглядываться. Я ничего не оставляю сзади себя, чтобы оглядываться. Все у меня только впереди. Мысленно я уже там, дома, в Союзе!

Пока перебирал я в голове воспоминания, приятные и не очень, подошли к самолету. На сей раз борт нам подали военный, транспортник «Ил-76». Тоже неплохо для разнообразия. И плевать, что нет стюардесс и не ожидается газировки.

Начинаем подниматься по железному трапу. У самого входа в самолет стоят два пилота. Еще только начав подниматься, вижу, как у кого-то из парней они забирают военный билет.

Поравнялся с ними, а они и мне:

— Сержант, военник дай-ка!

Замешкался я на секунду. Мне бы послать их подальше — с хрена-то еще каким-то летунам мой военник? Но мне так не хочется уже при посадке в самолет устраивать очередные

разборки. После секундной паузы отдаю им свой главный пока документ. Мне ж солдатом осталось быть всего ничего — че мне военник-то…

Рановато расслабился… Но это я только позже пойму.

А пока заходим с Пахомом в самолет. Ряд вдоль борта уже занят, а посередине пока есть свободные места. Садимся, осматриваемся. Большей частью самолет заполнен десантурой. У самого выхода, у рампы, сидят человека четыре офицера. Сразу обратил внимание, что они как сели, так сразу отвернулись и вообще не смотрели в нашу сторону. Хотя, казалось бы, чего всю дорогу в стенку пялиться?

Напротив нас, чуть правее, какие-то чернопогонники в фуражках. То ли связисты, то ли еще кто. Сидят напряженно так, смотрят настороженно. Их присоединили к нашей колонне по пути в самолет, уже за пересылкой. Человек 30. Кабульские, видать. Неплохо затарились, ребятки. Пока мы по горам скакали за «духами»… У каждого из них увесистый чемодан а-ля «мечта оккупанта». А мы-то все с тоненькими дипломатиками… Часы с калькулятором, платок маме, кроссовки. Ну, еще чего по мелочи. А когда? Да и где? То боевые, то наряды. Да и в свободное-то время никто нас что-то не приглашал особо в Гардез съездить, по дуканам прошвырнуться… А сам туда запаришься пробираться через охранение да минные поля. Да и сгинуть можно запросто, в гардезском-то дукане. Регулярно там исчезали бригадные любители прибарахлиться. Кого-то потом возвращали, конечно, но чаще уже по частям… Короче, с шопингом у десантуры не задалось… А эти, видать, серьезно «затаривались», основательно. И время, очевидно, было, и возможности…

Пацаны наши поприкалывались, конечно:

— Слышь, воин, не тяжело? Может, помочь тащить-то?

А те не отвечают, идут молча, только сопят недовольно. Поняли ведь прекрасно причину нашей иронии…

Царапнуло меня, конечно, не то чтобы зависть, скорее чувство какое-то несправедливости — уж больно контраст бы заметен между их «багажом» и нашим. Но глянул, подумал и забыл. Какая мне разница — я ж не затариваться сюда ехал… Как там? «Кому война — кому мать родна…»

Но кабульские, видать, почувствовали, что дело пахнет керосином. Потому и сидят такие напряженные.

Тут, наконец, загудели движки, мы стали выруливать и через несколько минут взлетели. По ощущениям, самолет попер чуть ли не вертикально вверх, без всяких там наматываний кругов для набора высоты. Взлетели так резко, что меня, признаюсь, чуть не вырвало. И судя по выражению лиц пацанов вокруг — не одного

меня. Аж пот пробил… Но сдержался — веселенькое было бы завершение службы в ВДВ… Видно, не мне одному при виде связистов этих всякие мысли в голову пришли обидные. И не все с этой несправедливостью мириться захотели…

Только мы набрали высоту, как в рамках восстановления социальной справедливости ребятишкам предлагают добровольно сдать неправедно нажитое добро в фонд помощи ветеранам ВДВ. Они отказываются. А на попытку силового изъятия отвечают сопротивлением…

Что тут началось! Наши на них напирают. Те визжат, на скамейку встали, ногами отпихиваются. Горой за добро свое стоят… Дракой это, конечно, не назовешь. Грабежом вроде тоже. Потому что в итоге все содержимое их чемоданов, только уже разорванное на куски, истоптанное и обезображенное, остается валяться на полу. Хотя, может, и разжился под шумок кто из наших парой трусов по последней кабульской моде… Не судья я им.

Сам не полез — противно мне было. И Пахом не полез. И Белый. Но и разнимать не стали. Вроде дернулись сначала, да куда там…

Да и было на что отвлечься пытливому взору. Как же интересно было наблюдать за поведением четырех офицеров, сидевших в самом конце самолета! Как они отвернулись, сев в самолет, так ни один и не повернулся в нашу сторону, никак не отреагировал на дебош в салоне. Как будто и не происходит ничего. Как в детской игре «я в домике».

Странно? Это как сказать. Полный самолет 20-летних пацанов, которые два года воевали и которых еще и на три месяца позже домой отпустили. Вы бы поперли против них? Я бы — нет. Вот и те офицеры — тоже.

К тому же не могли они не знать, что на солдатском-то жаргоне офицеров «шакалами» звали. Дело, конечно, прошлое, да и не все так однозначно. Но из песни слов не выкинешь… И много у кого за два года к офицерам вопросов накопилось. Попался б мне там, в самолете, под руку замполит наш ротный — один бы из нас точно до Союза не долетел. В общем, был у офицеров этих резон в «ничего не вижу, ничего не слышу» поиграть.

А вот один из пилотов в какой-то момент пытался вмешаться. Выскочил в салон, орет:

— Ну-ка прекратить!

А никто внимания не обращает. Он это видит и заводится:

— Прекратить! Буду стрелять!

Даже за кобуру схватился. И вот этим-то внимание к себе привлек:

— Вот ты напугал, мужик! Давай, стреляй!

Больше ничего пилот не кричал. То ли просто плюнул он на эту канитель, то ли понял, что глупость сморозил — нашел кого стрельбой пугать… Ушел, и больше мы его до посадки не видели. Да вскоре и потасовка вдруг сама собой утихла. Как-то резко все пришли в себя. Как будто опомнились. Примолкли, расселись. Вроде как и не было ничего. Если б только не пол в самолете, весь усыпанный обрывками…

И как раз в этот момент по внутренней связи объявили, что мы пересекли границу Союза Советских Социалистических Республик. Только почему-то никто в этот момент ни береты в воздух не стал подбрасывать, ни обниматься. Выплеснулись уже все, что ли, эмоционально? Короче, как покидал я пределы Родины без особой помпы, так и назад вернулся в не самом радужном настроении. И забыл бы я этот инцидент при долгожданном возвращении на Родину после долгой разлуки, да вот не дали. И кто не дал? Свои же родные афганские летуны…

Приземляемся в Ташкенте. Вот тут бы и случиться радостной и светлой встрече с Родиной. Вот тут бы броситься мне к ней в объятия. Уж не знаю, стал ли бы я бетон полосы взлетной целовать, но выйти с чувством на родную землю хотелось.

Но тут пилоты по громкой связи объявили:

— При посадке мы забрали у нескольких из вас военные билеты. И пока в самолете не будет наведен порядок, назад вы их не получите…

И еще добавили, что остаться могут только те, кто без военников. Остальные должны выходить и следовать на таможню…

Вашу мать! Вот нельзя было как-то по-другому придумать? Надо же было так обгадить возвращение домой! Вот он почему так быстро «сдулся», пилот-то. Не стал нас особо успокаивать, к порядку призывать. Видать, не первый у них такой случай был. И подготовились они. Заложников, так сказать, взяли… Я в бешенстве! Я отхерачил два года! Два года ползал по долбаным горам! Два года каждый день мог сдохнуть! Два года мечтал об этом дне, об этой минуте! И теперь, когда все уже почти кончилось, в эту самую минуту, меня так… Ну не суки?!

Но причитать и злиться было некогда. За железным бортом самолета был СОЮЗ! Он ждал и манил. Он отвлекал от любых грустных мыслей… Ладно, преодолеем еще одно, последнее препятствие на пути домой. Уж сколько их было и каких. Прорвемся…

Оглядываюсь вокруг, оценивая обстановку. В самолете нас человек 10 — шесть десантников и четверо бойцов в фуражках и с

черными погонами. Ну что ж, парни, жизнь есть жизнь, и в ней свои законы. Не ваш день сегодня. Каким бы иезуитским ни был расчет пилотов, но он безупречен.

Бойцы и сами уже все поняли. Опустились на корточки и начали собирать с пола следы недавней потасовки и обрывки ее результатов.

Мы разбираем себе каждый по «подопечному» и начинаем «придавать ускорения»:

— Ты че нерезкий такой? Резче «шуршим», тело!

Около моих сапог, передвигаясь на корточках, собирает мусор низкорослый, щуплый паренек. Какой-то прямо подросток совсем. Покорный и бессловесный. Меня даже как-то удивляет его покорность. И даже где-то раздражает… Но еще больше раздражает, что наши-то все уже на свободе, а я тут за ними дерьмо подбираю! Хотя сам-то в раскулачивании участия не принимал…

И вот все это раздражение вкладываю в несильный, но концентрированный пинок:

— Резче давай, тело!

В этот момент мальчишечка оборачивается ко мне, не вставая с корточек… и я сначала вижу его саперные эмблемы… а потом медаль «За отвагу»… и нашивку за ранение… Твою мать…

Меня как током пробило. Что ж я творю-то? Мы ж, считай, на гражданке уже! А это все там осталось, там! «Шнуры» — «дембеля», «солдаты»-«шакалы», «десантура»-«соляра». И я ж ведь знаю, что за работа у саперов, что за война. И он, как и я там, каждый день…

Это я додумываю, уже сидя рядом с ним на корточках. В четыре руки мы быстро собираем оставшийся мусор. Наши парни смотрят на меня удивленно, но не вмешиваются. Забираем у пилотов наши военные билеты. Выходим из самолета.

Я не прошу у него прощения — не могу так быстро перестроиться. Я вообще не могу найти в себе сил ему что-то сказать. Стыдно мне, блин, стыдно… Вот так я и оказался, наконец, дома. Так вернулся из Афгана. Я так рвался сюда. Я так рвался оттуда. И не мог себе представить, что Афган не отпустит никогда. Именно этот, не всегда ко мне добрый и справедливый, этот пропитанный кровью и болью, враждебный и непонятный Афган… Афган, который неласково меня встретил и недобро проводил. Вот этот непридуманный Афган заполнит собой все… Станет паролем и отзывом для большинства из нас. Для тех, кто так неистово мечтал уехать и забыть его навсегда… Он всю жизнь будет тянуть к себе… И не давать покоя, грызть изнутри. Рваться наружу… И прорвется, наконец, выплеснется в эти рассказы. В

непридуманные истории о моем Афгане.

Спасибо, что вы прожили их вместе со мной.

Вместо послесловия

Война до крайности обостряет все то, с чем каждый сталкивается и в «обычной» жизни: страх, отвагу, подлость, порядочность, великодушие и мелочность. «Вытаскивает» все самое светлое и самое смрадное, что есть в каждом из нас. Война — это концентрат жизни… точнее — концентрат смерти. Увидев смерть, начинаешь по-другому воспринимать жизнь… И именно потому, что на войне концентрация смерти столь неестественно высока для «нормальной» жизни, там и возникает некое особое состояние души. Оно не может не возникать, когда каждый день рядом с тобой гибнут люди и в любой момент можешь умереть ты. Смерть постоянно присутствует в «подразумеваемом» списке повседневных и насущных жизненных «альтернатив». Ты не можешь думать о ней постоянно (и не должен — иначе с ума сойдешь), но в какой-то момент ты привыкаешь, сживаешься с мыслью о том, что каждый день может стать последним.

Но, видимо, такова человеческая природа, что чем более реальна и осязаема возможность смерти, тем выше концентрация жизни. На войне, бывает, за день, а то и за час ты можешь прожить столько, сколько в мирной жизни и за год не проживешь. За считаные минуты узнаешь, понимаешь о себе столько, что, может, и не узнал бы, не понял бы и за всю жизнь…

Так что, может быть, совсем не случайно и совсем не только из-за «пенсии» считают на войне день за три. Это ведь он для выслуги — один за три, а для жизни — бывает и за 33…

Возможно, еще и поэтому после Афгана мы уже никогда не будем собою прежними. Более того, между нами и окружающими проляжет множество невидимых границ. Даже слова многие будем понимать по-разному. Для одних «афган» — прежде всего порода собак… А «зеленка» — это мазь от порезов и ссадин… А «чесать» — это спину… А «операция» — это про докторов… А «магазин» — это супермаркет… А «лифчик» — это белье… А «бурбухайка», «бача», «бакшиш» и «шурави» — тарабарщина… И им часто бывает не понять тех, кто в Афгане в набитом магазинами «лифчике» чесал «зеленку» во время армейской операции.

Как не всегда понятны они сами тем, кто «бача» говорит друг другу, «бурбухайка» — про машину, а «бакшиш» — про подарок… Тем, для кого мало что значащие для окружающих названия Кандагар, Файзабад, Баграм, Герат, Гардез — как пароль, как общий код, как степень кровного родства…

В свое время мне довелось побывать на традиционной

бурятской свадьбе. Собралось множество народу с обеих сторон — большинство явно совершенно незнакомых. Поскольку главной моей задачей было внимательно наблюдать за происходящим, я сразу же заметил, что, здороваясь друг с другом, гости, помимо обычных приветствий, обменивались еще несколькими короткими репликами. Причем, судя по выражению лиц, уже не дежурными фразами, а какой-то содержательной информацией. Меня поразило, что довольно быстро в толпе еще недавно совершенно чужих друг другу людей возникло удивительное единение.

Причину этого я узнал только на следующий день, расспросив старшего нашей группы об увиденном. Оказалось, что, здороваясь, люди выясняли друг у друга, к какой фамилии (то есть к какому роду) они принадлежат и какую группу, ветвь внутри этого рода представляют. То есть никогда, возможно, не видевшие друг друга раньше люди, фактически чужие, моментально устанавливали некую степень близости, родства друг с другом. Чем ближе друг к другу были род говоривших или их ветви в рамках одного рода, тем большая душевная теплота возникала между ними.

Возможно, многие из них никогда больше и не увидят друг друга. Наверняка многие стоят на столь разных ступенях социальной лестницы, что пути их вряд ли снова пересекутся, но было нечто, что сразу же объединило их, соединило и обособило из среды присутствовавших на свадьбе русских. Даже если эти русские были чьими-то хорошими знакомыми и желанными гостями на этой свадьбе…

Спустя несколько лет я неожиданно вспомнил эту сцену на очередном Дне ВДВ. Сама по себе служба в десантных войсках уже предопределила некую степень близости собравшихся, многие из которых вряд ли бы когда-то пересеклись в иных обстоятельствах. Но после обычных по такому случаю приветствий и поздравлений парни обменивались еще несколькими своего рода «паролями». Фразами, мало что значащими для посторонних, но имевшими решающее значение для своих. «Кабул, полтинник», «Лошкаревка», «Гардез, 56-я»… Потом шло уже более детальное, хотя и такое же малопонятное непосвященным выяснение. «2-я рота, 84–86», «семерка, 82–84». И еще пять минут назад незнакомые люди испытывали друг к другу практически родственные чувства…

Я бы лукавил, сказав, что эта степень родства автоматически делает приятным общение со всеми в этот день и желанным в остальные. Но вспомните многолюдные семейные торжества, если вам приходилось на них бывать. Будьте честны — со всеми ли этими людьми вы обменялись бы даже улыбками, не то что стали

бы разговаривать, не окажись они вашими двоюродными и троюродными братьями, дядьями и бабками?

Естественно, среди ваших друзей и коллег найдется немало людей, намного больше подходящих вам по духу для общения. Но это мифическое на первый взгляд понятие «родство» неким метафизическим образом объединяет вас именно с этими персонажами. И никуда вы не денетесь — то есть вы можете отвернуться, но будете при этом знать, что отвернулись от СВОЕГО…

Афганистан помимо нашего желания объединяет нас. Помимо таких разных, но при этом нередко и пересекавшихся дорог, каждый проделал свой собственный, ни на чей не похожий, «личный» путь через Афган и назад. «Свой» Афган есть у каждого. Свой опыт, свои воспоминания, свои дороги. У кого-то горы, у кого-то пустыни… У кого-то вид сверху, из кабины вертолета на квадратики полей и кишлаков. У кого-то — вперед с места «водилы» бэтээра на бетонку и воронки. А у кого-то — из-под набухших век на окровавленные обрубки и пропитанные кровью бинты…

Война не заканчивается, даже когда перестают свистеть пули и рваться мины. Нужно суметь вернуться с войны. К сожалению, я знаю таких, кто были лучшими там, но проиграли здесь. Проиграли «свою» войну… Многие остались там навсегда, а многие, как мне иногда кажется, так и не вернулись оттуда назад, хотя уже лет по 20 живут здесь… в мире.

Мне повезло. Повезло вернуться. Первый раз повезло тогда, 26 лет назад. Хотя теперь я понимаю, что в августе 86-го сюда вернулось лишь мое тело, слава богу, целое и почти невредимое…

А вернулся с войны я только теперь, когда написал все это. Когда задал-таки вопросы, которые не умел сформулировать тогда, и на часть из них дал ответы, которые боялся произнести много лет. Я рассказал о своей, отдельно взятой войне. Про «свой» Афган — тот, где навсегда остался наивный мальчик с иллюзиями, обычный советский «мальчиш»… Да, она была частью «большой», «внешней» войны, в которой участвовало множество людей. Но в каждом бою «своей» войны ты всегда один…

Никого не было во всей Вселенной, когда на третий месяц в Афгане, охреневший от настолько неожиданной здесь дедовщины, я чуть было не решил уйти от всего этого в никуда… Я был один на всем свете, стоя на Нарае над безумно кричащим от боли в несуществующей уже ноге Гришиным. И спустя год там же в жутком одиночестве встречал свой день рождения в день, ставший последним для 17 парней из первой роты, сидевшей на

соседней горке. Я был бесконечно одинок, когда на Панджшере лежал под градом «духовских» пуль на открытом пятачке и нужно было подняться и пробежать эти гребаные 10 шагов… И перед десантированием на Кандагаре, когда ротный предупредил, что в зоне высадки нас, скорее всего, «ждут», я тоже сидел на пыльной земле в аэропорту один-одинешенек… А рядом со мной, каждый один на один с собой, сидели Пахом, Никулин, Серега, Белый, Толян, Леня, Кахрамон и другие. Все вместе и каждый наедине со своей головой… Мы были рядом, но «свою» войну каждый вел в одиночку. И кто знает, у кого сколько было этих больших и малых боев за два года… Я вернулся теперь с этой «своей» войны, описав ее как смог и что смог… Хотя, возможно, именно теперь, когда я написал-таки все это, я окончательно убедился, что с войны совсем вернуться нельзя. Что с войны не возвращаются…

Закончив читать, вы пойдете дальше… Закончив писать, я снова и снова буду «улетать» туда, в «мой» Афган. Который всегда со мной, всегда живет во мне, никогда не оставляет. Может быть, потому, что без него не было бы меня…

Наверное, поэтому уже дважды я снова побывал там после своей войны. Впрочем, это уже совсем другая история…

notes

Примечания

1

ДРА — Демократическая Республика Афганистан. Тогда эта страна так называлась.

2

Песня из репертуара группы «Круг» (сл. А. Монастырова).

3

На армейском жаргоне — «лодыри», «бездельники, умело отлынивающие от трудностей».

4

Песня из репертуара гр. «Альфа» (сл. С. Есенина, муз. С. Сарычева).

5

«Груз-200» — обозначение в советской и российской армии цинкового гроба с телом погибшего солдата, в широком смысле — погибшего.

6

Песня «Сгорая, плачут свечи» (сл. неизв. авт., муз. Звездинский).

7

«АКМ» — автомат Калашникова калибра 7,62 мм с деревянным прикладом.

8

«АКС» — автомат Калашникова калибра 5,45 мм со складным прикладом, десантный вариант.

9

Противопехотные мины.

10

Снайперская винтовка Драгунова.

11

Органы безопасности ДРА (аналог советского КГБ).

12

«Чарс аст» *(дари)* — «Чарс есть?» Чарс — афганское название анаши.

«Советский» *(дари)*.

«Подарок, понял?» *(дари)*.

15

Магазин емкостью 45 патронов калибра 5,45 (предназначен для пулемета «РПК»).

16

Песня «Комарово» (муз. И. Николаева, сл. М. Танича).

17

Нагрудник для магазинов, гранат, ракетниц и т. д.

18

«ГП-25», граната для подствольного гранатомета.